

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (5)

**Издается с 2009 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2012**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 1 (5)

**Published since 2009
Appears Twice a Year**

**Moscow
2012**

Редакционный совет:

- Рябов В.В.**
председатель
ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент РАО
- Геворкян Е.Н.**
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
- Атанасян С.Л.**
проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор
- Радченко О.А.**
проректор по инновационной деятельности и международным
связям ГБОУ ВПО МГПУ, доктор филологических наук,
профессор

Редакционная коллегия:

- Бессонов Б.Н.**
главный редактор
заведующий общеуниверситетской кафедрой философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор
- Бирич И.А.**
заместитель главного редактора
профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор
- Никитин В.А.**
профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор
- Кожеева Н.С.**
профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор
- Черненко С.В.**
ответственный секретарь
доцент общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат философских наук, доцент
- Черезов А.Е.**
профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Памятные даты

<i>Солопов Е.Ф.</i> Великая жизнь — великое служение России, русскому народу. <i>К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова</i>	10
<i>Коломийцев В.Ф.</i> А.А. Зиновьев как социальный мыслитель. <i>К 90-летию со дня рождения</i>	22

Общество: ценности и смыслы

<i>Бессонов Б.Н.</i> Этносы и нации. Национальные отношения и национальная политика. <i>Часть 2. Российская цивилизация как особый культурно-исторический тип общества</i>	31
<i>Скородумова О.Б.</i> Национально-культурная идентичность в условиях становления общества знания	47
<i>Тысячина А.Д.</i> Современное «цивилизованное» варварство как форма регресса общества	55

Человек и мир

<i>Анкудинова П.М.</i> «Этика заботы»: женский социокультурный опыт на страже нравственности	63
<i>Иванюшкин А.Я.</i> СПИД, стигма, дети и биоэтика	72

Методология науки

<i>Мекка О.А.</i> Принцип разнообразия в подходе к анализу социальных явлений: к постановке проблемы	83
--	----

<i>Летов О.В.</i> Проблемы овладения навыками личностного знания в концепции М. Полани.....	90
<i>Чеснокова М.Г.</i> О социокультурных основаниях типов рациональности	95

Философия образования

<i>Геворкян Е.Н.</i> Подготовка педагогических кадров в современной России: социально-философский аспект.....	107
<i>Васильев И.А.</i> Образование как ценность и образовательные ценности. <i>Мнения выпускников МГПУ</i>	116

Научная жизнь

<i>Бирич И.А.</i> Образование и судьба России: обзор проблем в контексте педагогических вузов России.....	124
---	-----

Рецензии

<i>Никитин В.А., Солнцев Н.В.</i> Рецензия на книгу: Луценко Л.М. Концепции и социальные функции информационного общества. М.: Галлея-Принт, 2010. 265 с.	134
<i>Черненькая С.В.</i> Рецензия на книгу: Философская антропология: Человек многомерный: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.А. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 351 с.	140

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки», 2012, № 1 (5)	145
---	-----

Требования к оформлению статей	147
---	-----

CONTENTS

The Word of Editor-in-Chief

The Issues of the Journal	8
---------------------------------	---

Memorable Dates

<i>Solopov F.E.</i> Great Life — Great Service to Russia and to Russian People. <i>On the 300th Anniversary of M.V. Lomonosov</i>	10
<i>Kolomiicev F.V.</i> A.A. Zinoviev as a social thinker. <i>On the 90th Anniversary of His Birth</i>	22

Society: Values and Meaning

<i>Bessonov N.B.</i> Ethnic Groups and Nations. National Relationships and National Policy. <i>Part 2. Russian Civilization as a Special Cultural-Historical Type of Society</i>	31
<i>Skorodumova B.O.</i> National and Cultural Identity in Terms of the Formation of a Knowledge Society	47
<i>Tsyachina D.A.</i> The Contemporary “Civilized” Barbarity as a Form of Regression of Society	55

Person and World

<i>Ankudinova M.P.</i> “The Ethics of Care”: Women’s Social and Cultural Experience on Guard of Morality	63
<i>Ivanyushkin Y.A.</i> AIDS, Stigma, Children and Bioethics	72

Methodology of Science

<i>Mekka A.O.</i> On the Issue of the Principle of Diversity in the Approach to the Analysis of Social Phenomena	83
<i>Letov V.O.</i> The Problems of Mastering the Skills in the Concept of M. Polanyi	90
<i>Chesnokova G.M.</i> On Socio-Cultural Bases of Types of Rationality	95

Philosophy of Education

Gevorkyan N.E. Training of Teachers in Modern Russia:
Social and Philosophical Aspects 107

Vasil'ev A.I. Education as a Value and Educational Values.
The Opinions of Graduates of MCTTU 116

Scientific Life

Birich I.A. Education and Destiny of Russia: Review of Problems
in a Context of Pedagogical Higher Education Institutions of Russia 124

Reviews

Nikitin V.A., Solncev N.V. Review of the Book: Luttsenko L.M.
Concepts and Social Functions of Information Society. M.:
Galleya-Print, 2010. 265 p. 134

Chernenkaya S.V. Review of the Book: Philosophical Anthropology:
Person Multidimensional / Ed. by S.A. Lebedev. M: YuNITI-DANA,
2010. 351 p. 140

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philosophical Sciences»,
2012, № 1 (5) 145

Style Sheet 147

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Мы открываем этот номер журнала статьей, посвященной 300-летию со дня рождения великого русского человека, ученого-просветителя, патриота Михаила Васильевича Ломоносова. Влияние его гения, его трудов на нашу культуру неизмеримо. Наш язык, наша грамматика, поэзия, литература выросли из Ломоносова. Наша Академия наук, наш Московский университет также получил свое бытие и смысл «через Ломоносова». Страстно любя науку, Ломоносов думал и заботился прежде всего о благе своего отечества — России.

В современных условиях обращение к образу М.В. Ломоносова, к его заветам, к его страстным призывам к молодежи овладеть знаниями, к его патриотизму, любви к русскому народу, к его гордости, чувству достоинства и чести дают нам силы и надежду победить в борьбе за возрождение и поступательное развитие нашего общества, нашей науки и культуры, за счастливое будущее нашего народа.

Вторая статья номера также юбилейная — она посвящена вы-

дающемуся нашему ученому и социальному мыслителю Александру Александровичу Зиновьеву, которому в этом году исполнилось бы 90 лет. Оригинальный ученый, заявивший о себе важными открытиями в области математической логики, А.А. Зиновьев в постсоветские годы выступил с обоснованием новой идеологии будущего. Новая идеология будущего, по мысли Зиновьева, должна выступать как преемница марксизма и советской идеологии и в то же время как их снятие, преодоление. Для этого нужно глубоко изучить как опыт СССР, так и опыт Запада (не надо забывать, что русский коммунизм возник не как нечто совершенно чуждое и постороннее для западной цивилизации, а как ее детище).

Новый идеал должен теперь быть обращен не к определенным классам, а к социально неопределенному множеству людей. Новая идеология должна быть интернациональной, апеллировать ко всем людям, профессиональным слоям, обеспокоенным губительными последствиями современной (капиталистической) стадии эволюции человечества.

В разделе «Общество: ценности и смыслы» продолжают обсуждение проблем этносов и наций, национальных отношений и национальной политики, начавшиеся в предыдущем номере журнала. Авторы доказывают, что Россия, российская цивилизация — это особый культурно-исторический тип общества, что самопознание русского, других народов нашей страны выходит за границы национального; оно универсально в силу специфических условий российской истории, многовековой совместной жизни наций и народов России.

В разделе «Человек и мир» автор обосновывает идею сопряженности биологического, психологического, социального и трансцендентного способов бытия человека, определяющих такие формы его существования, как возраст, здоровье, болезнь. Особо рассматривается также феномен стигматизации людей, зараженных ВИЧ.

Важное внимание уделяется в данном номере журнала методологическим проблемам научного познания, а именно принципу разнообразия в подходе к анализу социальных явлений, социокультурным основаниям классического, некласси-

ческого, постнеклассического типов рациональности, а также учету личностного фактора в научном познании и деятельности.

В разделе «Философия образования» анализируется отношение выпускников МГПУ к образованию и образовательным ценностям с точки зрения мотивов их поступления в наш университет, выбора специальности и овладения ею, его престижа, конкурентной способности и т.д. и т.п.

В разделе «Научная жизнь» дан обзор проблем образования в России в контексте Форума педагогических вузов России. Наш вывод: сегодня основная задача высшего педагогического образования — на основе высших, абсолютных ценностей разума, добра и красоты научить молодых людей, поскольку именно от них прежде всего зависит будущее России, умению творчески овладевать знаниями, следовать высоким моральным принципам и быть гражданами, патриотами своей великой страны, непоколебимо любящими свою Родину, свое Отечество, свою Отчизну.

И, как всегда, в журнале помещены рецензии на новые научные труды и учебные пособия по философии.

Б.Н. Бессонов

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Е.Ф. Солопов

Великая жизнь — великое служение России, русскому народу К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

М.В. Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о благе своей родины. Он хотел служить и служил не чистой науке, а Отечеству.

Ключевые слова: гений; ученый-естествоиспытатель; историк; языковед; поэт; художник; просветитель; общественный деятель; патриот.

Вот уже четвертый век гремит слава Михайло Васильевича Ломоносова. Какие же великие дела должен был совершить сын крестьянина (к счастью, не крепостного), поморского рыбака Василия Дорофеевича Ломоносова, чтобы получить высочайшую оценку своей деятельности и от представителей царской династии, и от коллег-ученых, и от любителей российской словесности, и от профессорского сословия, возвращенного в стенах организованного им университета.

Сам М.В. Ломоносов никому не позволял унижать себя, даже рискуя потерять поддержку важных государственных персон, от которых зависело осуществление его идей и замыслов. Вот гневные слова М.В. Ломоносова из его письма своему главному покровителю И.И. Шувалову от 19 января 1761 года: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет» [10: с. 27].

В «Энциклопедическом словаре» написано: «М.В. Ломоносов — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, заложивший основы современного русского языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения, развития русской науки и экономики. Родился 19 ноября 1711 г. около села Холмогоры Архангельской губернии в семье помора. 19-ти лет ушел учиться (с 1731 г. в Славяно-греко-латинской академии в Москве, с 1735 г. в Академическом университете в Петербурге, в 1736–1741 гг. в Германии). С 1742 г. адъюнкт, с 1745 г. первый русский академик Петербургской академии наук.

В 1748 г. основал при АН первую русскую химическую лабораторию. В 1755 г. по инициативе Ломоносова основан Московский университет. Открытия Ломоносова обогатили многие отрасли естествознания, он заложил основы физической химии, исследовал атмосферное электричество и силу тяжести, выдвинул учение о цвете, описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых и минералов, опубликовал руководство по металлургии. Автор трудов по русской истории. Крупнейший русский поэт XVIII в., один из основоположников силлабо-тонического стихосложения. Создатель русской оды философского и высокого гражданского звучания. Автор фундаментальных филологических трудов и известной научной грамматики русского языка. Член Академии художеств (1763 г.). Умер 15 апреля 1765 г. в Петербурге».

Мы видим здесь сжатую, тщательно отредактированную, вымеренную фактологическую характеристику деятельности Ломоносова. Его же современник, тоже член Петербургской академии наук, великий математик Л. Эйлер давал более возвышенную оценку заслуг Ломоносова: «Этот гениальный человек, который своими познаниями делает честь настолько же Императорской Академии, как и всей нации» [11: с. 250]. Это сказано в 1748 году, когда Ломоносов только еще входил в полную силу своего гения и только еще заложил основы своих последующих исследований и достижений на протяжении 17 лет.

По части естествознания можно добавить, что Ломоносов много сделал для превращения химии в самостоятельную науку, причем именно науку теоретическую, основанную на атомистике, механике и вообще всей физике. И надо усилить оценку его роли в создании физической химии. Сам этот термин введен в научный оборот Ломоносовым, он читал на русском языке в 1752–1754 гг. первый в мире специальный курс под прямым названием «Физическая химия». Он — создатель многих физических приборов для изучения химических превращений, первый использовал микроскоп для наблюдения за ходом химических реакций.

Здесь же стоит сказать о Ломоносове как о создателе русской научной терминологии. Это очень важное и трудное дело. Такие слова, как *опыт, движение, наблюдение, явление, частицы, экспериментальная физика, периодическое обращение, жидкие тела, разноименные полюса* и т.п., вошли в русский язык с подачи Ломоносова. Он ввел в общее употребление термины: *земная ось, преломление лучей, законы движения, равновесие тел, зажигательное стекло, магнитная стрелка, негашеная известь, кислота* и др. Вместо трудного для русского слуха словосочетания «антлия пневматическая» после Ломоносова мы легко и просто говорим «воздушный насос».

В создании русской научной и технической терминологии Ломоносов исходил из свойств самого русского языка, руководствовался внутренней его природой, органически присущими ему возможностями. «Тончайшие философские воображения и рассуждения, — писал Ломоносов, — многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении

мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь... выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписать долженствуем. Кто от часу далее в нем углубляется, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [11: с. 299].

Ломоносов резко выступил против злоупотребления иностранными словами в быту и литературе, которые в случае неоправданного их применения «искажают собственную красоту нашего языка... и к упадку его преклоняют». Русский язык, подчеркивал Ломоносов, ни в чем не уступает другим языкам, а в некоторых отношениях даже превосходит их: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что Ишпанским языком с богом, Французским с друзьями, Немецким с приятелями, Итальянским с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он Российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языков» [11: с. 302].

Ломоносов с гордостью отмечает единство русского национального языка и отсутствие в нем диалектологической пестроты: «Народ Российский по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, Баварский крестьянин мало понимает Мекленбургского или Бранденбургский Швабского, хотя все того ж Немецкого народа» [11: с. 302].

Ломоносов указывал на историческую устойчивость русского языка, что в значительной мере обусловлено общностью церковно-славянского языка (языка письменности) и простонародного разговорного языка. На установившуюся в течение веков тесную взаимосвязь этих языков Ломоносов обращал особое внимание, придавая этому большое значение для дальнейшего сохранения и развития на данной основе русского языка. Это важно учитывать при решении современных проблем русского языка, беззаботно со стороны одних и целенаправленно со стороны других засоряемого словами, речевыми оборотами и жаргонизмами. Языковое и литературное наследие Ломоносова приобретает сейчас особую актуальность.

В области русского языка и литературы Ломоносов на основе теоретических разработок (в частности теории «трех штилей») подготовил практические пособия — «Риторику», «Российскую грамматику» и др. Значение своей деятельности по преобразованию русского языка сам Ломоносов оценил в прошении, поданном в 1762 году Екатерине II, так: «На природном языке разного рода моими сочинениями Грамматическими, Риторическими, Стихотворческими, Историческими, так же и до высоких наук надлежащими Физическими, Химическими и Механическими стиль Российский в минувшие двадцать лет несрав-

ненно вычистился пред прежним, и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит» [11: с. 312–313].

Богато поэтическое, публицистическое и вообще литературное творчество Ломоносова. Он заложил основы развития современного русского стихосложения. Многие оды Ломоносова посвящены императрицам и важным вельможам и носят хвалебный характер. А.С. Пушкин назвал их «должностными» и характеризовал их отрицательно, отмечая их высокопарность, отсутствие народности и оригинальности. Зато он очень высоко отзывался о духовных одах Ломоносова, признавая в этом случае народность их языка: «Они останутся вечными памятниками русской словесности, по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему» [10: с. 31]. А.С. Пушкин говорил здесь о ломоносовских переложениях псалмов, которые отличались ясностью, величавой простотой, силой и точностью выражений [10: с. 213–238]. Мнение же А.С. Пушкина о том, что Ломоносов не поэт, а всего лишь стихотворец, оценивается как несправедливое [5: с. 225].

В. Белинский восстановил поколебленную славу Ломоносова как поэта. Называя взгляд Пушкина на Ломоносова «удивительно верным, но односторонним», Белинский указывает на великое значение поэзии Ломоносова в общем историческом ходе нашего литературного развития, считая «Оду на взятие Хотина» «началом русской литературы» (1739) и называя Ломоносова «Петром Великим нашей литературы» [11: с. 169]. По мнению поэта П.А. Вяземского, «лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек», Ломоносов был певцом народа, «праздновавшего победы или готовившегося к новым». Это крайне ценная мысль, учитывающая связь поэзии с духом времени. Время побед порождает высокую поэзию, время поражений — упадническую поэзию. Ломоносов оказал глубокое влияние на русскую литературу XIX века, включая и поэзию А.С. Пушкина [5; 7; 8].

Исследователи творчества Ломоносова отмечают слитность его естественно-научного и художественно-поэтического творчества. Хорошо об этом сказал академик-физик и одновременно выдающийся историк и методолог науки С.И. Вавилов: «Великий русский энциклопедист был в действительности очень цельной и монолитной натурой. Не следует забывать, что поэзия Ломоносова пронизана естественно-научными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях дает замечательные научно-дидактические образцы. С другой стороны, научная проза Ломоносова и в особенности его «Слова» являются иногда такими же классическими примерами художественной прозы, как и Saggiatore Галилея. Химические изыскания Ломоносова в области цветного стекла доведены до художественного конца мозаичных картин. Самый выбор химико-технологической темы — цветного стекла — свидетельствует о Ломоносове как художнике. Поэтому часто встречающееся сопоставление

Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гёте правильно и оправдывается не механическим многообразием видов культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков. Среди современников Ломоносова, живших и работающих в России, было немало «полигисторов», соединявших, например, математические исследования с работой над изданием летописей. Однако энциклопедизм этих людей вытекал из внешних требований и нажима, а не из внутренней потребности, как это было у Ломоносова» [6: с. 61–62].

В марте 1753 года Ломоносову сообщили, что императрица Елизавета «охотно желала бы видеть Российскую историю, написанную его штилем». Сам Ломоносов был очень заинтересован в создании «Российской истории», но ему мешала загруженность многими другими делами. И только через пять лет — в середине 1758 года — он представил И.И. Шувалову рукопись первого тома своего труда. Печатание его тут же началось, но потом приостановилось. В итоге книга Ломоносова «Российская история» была издана лишь в 1766 г., уже после смерти ее создателя. Свою работу над историей России Ломоносов начал в связи с обсуждением в 1749 году сочинения («диссертации») академика Г.Ф. Миллера «О происхождении народа и имени российского», в котором поддерживалась и развивалась так называемая «норманнская теория» происхождения Русского государства, предложенная ранее другим петербургским академиком Г.З. Байером. Байер и Миллер утверждали, что само слово «рос» — скандинавское, принятое славянами от варягов — пришельцев из Скандинавии, которые, дескать, и являлись основателями Русского государства.

Вопрос о происхождении русского государства во время Ломоносова (да и в последующие времена) не был чисто научным. Норманнская теория закрепляла и оправдывала сложившуюся в послепетровской России практику засилья иностранцев, особенно немцев, во многих областях жизни государства и общества. Самым нетерпимым образом это проявлялось в годы бироновщины, а в рамках Академии наук Ломоносову приходилось постоянно сталкиваться с несправедливыми действиями немцев-академиков и администраторов. Со времен Петра I иноземцы «посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка» (В.О. Ключевский) «за ловлей счастья и чинов» (М.Ю. Лермонтов). Естественно, что мысль об исторической несамостоятельности русского народа использовалась немцами и другими заезжими чужестранцами для обоснования своего права на командные места в России. Все это обостряло, да и поныне обостряет, обсуждение вопросов российской истории.

Ломоносов первым выступил против норманнской теории. Прежде всего он расширил границы русской истории, начав ее не с возникновения Русского государства, а с истории самого русского народа как части славянского мира, жившего задолго до Рюрика и шедшего самостоятельным путем к образованию своего государства. Поэтому его история начинается с раздела «Россия прежде Рурика». Под варягами Ломоносов понимал пруссов-славян, жив-

ших на южном берегу Балтийского моря, а вовсе не скандинавов. До прихода варягов в Приильменье уже существовало славянское государство республиканского типа, объединившее славянские и угро-финские племена (чудь, мери и другие). Для преодоления возникших раздоров было решено призвать в качестве военных правителей варягов. Сам факт их призвания никем не подвергается сомнению. Причем подобные приглашения иноземных правителей в те времена были распространенными в жизни народов. А вот Рюрик и его братья остаются и для современных историков полулегендарными лицами. Их реальное существование не установлено с полной достоверностью.

Не менее распространенными в Средневековье были и непосредственные завоевания. Так, в Англии особым уважением пользуется называемый отцом-основателем Вильгельм Завоеватель, а на вопрос, завоевателем чего же он является, отвечают — завоевателем самой Англии (он пришел с войском из французской Нормандии и одержал победу над предками современных англичан в 1066 г.).

Ломоносов высоко оценивал значение истории как науки: «Она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судьям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому — незлобивое увеселение, с несказанной пользой соединенное» [1: с. 78]. Отношение Ломоносова к работе над историей России четко выражено в его словах: «Твердо намереваюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность». Ломоносова характеризует строгий отбор источников, детальное аргументирование оценок государственных деятелей и конкретных исторических событий. На обвинение Миллера, что Ломоносов хочет, чтоб писали только о том, что имеет отношение к славе России, он отвечал: «Я не требую панегирика, но утверждаю, что нетерпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени», например, утверждения о «зверином обычае и нраве славян». Ломоносов признавал наличие вымыслов в древних летописях народов, но призывал к тому, чтобы «правды с баснями вместе выбрасывать не должно» [1: с. 78].

Придерживаясь правды событий, не приукрашивая русскую историю, Ломоносов вместе с тем показал, что русский народ преодолел «все разделения, утеснения и нестроения» и «не только не расточился, но и на высокую степень величества, могущества и славы достигнул». Патриотическая гордость Ломоносова как русского человека не расходилась с научным стремлением его к исторической истине, опиралась не на выдумки, а на реальный ход истории.

Ломоносов — ученый-историк и одновременно русский патриот, чего он не скрывает и прямо подчеркивает. Миллер — внешне только ученый-историк, заявляющий, что он объективно отражает все, что было в реальной истории России. На самом же деле Миллер тоже выступает с определенной (уже нерусской) субъективной позиции, замечая одни и не замечая другие исторические свидетельства и факты. Выходит, что оба исследователя пристраст-

ны, но в случае Ломоносова патриотическая пристрастность способствует приближению к исторической истине, а в случае Миллера — нет. Только и всего. Главное же для науки — стремление к объективной истине. И этому стремлению должны подчиняться все пристрастности, но этого легче достичь, осознавая неизбежное их влияние (положительное или отрицательное) на результат исследования.

В современной исторической литературе сохраняются разногласия в трактовке всего процесса происхождения Русского государства, но само существование его до прихода варягов, как правило, не ставится под сомнение. Но одни историки продолжают настаивать, что варяги — это скандинавы, а другие — что они являются выходцами с южных берегов Балтийского моря. При этом всеми признается, что Скандинавия в то время отставала от Руси в социально-экономическом развитии, не имела своих государственных образований, не знала в IX веке княжеской или королевской власти. В этом отношении современная наука подтверждает общее понимание Ломоносовым истоков происхождения Русского государства.

Вся многообразная деятельность Ломоносова — одновременно и просветительская деятельность. Он просветитель по всему своему духу и натуре. И этой стороне жизни Ломоносова очень способствовало то, что с самого своего создания Петербургская академия наук включала в себя и научно-исследовательское сообщество, и университет, и гимназию. В Академии были три отделения: математическое, физическое и гуманитарных наук. Первых членов Академии вместе с секретарем было 12. К Академии были присоединены библиотека и музей (Кунсткамера), созданная в 1714 году.

Таким образом, Академия должна была стать не только центром науки, но и сама готовить кадры будущих ученых. В гимназии предполагалось изучение «первого фундамента наук» и особенно иностранных языков. Однако за 30 лет гимназия не подготовила для академического университета ни одного студента.

В 50-е годы к руководству гимназией пришли М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, С.К. Котельников. М.В. Ломоносов добился улучшения материальных условий обучающихся в гимназии, а также преподавания ряда предметов на русском языке. Вследствие этого в 1760–1762 годах гимназия подготовила для университета 24 студента. Большинство из них были детьми солдат, разночинцев, низшего духовенства.

Благодаря воле и усилиям Ломоносова, преодолевая неисчислимыя препятствия, гимназия и университет в составе Петербургской академии наук подготовили замечательную группу специалистов, продолжавших дело их великого учителя и опекуна: А.А. Барсова — языковеда, автора грамматики; Н.Н. Поповского — просветителя, философа, поэта; С.П. Крашенинникова — путешественника, исследователя Камчатки; С.К. Котельникова — математика, автора первого в России учебника по механике; И.И. Лепехина — натуралиста, руководителя экспедиций на Урале, Поволжье, на севере Европейской

части России; В.Ф. Зуева — путешественника, автора первого в России учебника по естествознанию; П.Б. Иноходцева, С.Я. Румовского — русских астрономов; Н.Я. Озерецкого — естествоиспытателя; А.Я. Поленова — историка; В.М. Севергина — химика и минералога.

Но, конечно, главным и наиболее перспективным результатом деятельности Ломоносова на ниве просвещения следует считать создание, в основном по его задумке и инициативе, Московского университета. Указ об основании Московского университета был подписан императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г., а 24 января обнародован. Открытие университета состоялось 26 апреля 1755 г. Размещен он был в казенном доме бывшей дворцовой аптеки у Воскресенских ворот, открывавших вход на Красную площадь. Кураторами университета были назначены И.И. Шувалов и Л.Л. Блюментрост, бывший первым президентом Академии наук. Имя М.В. Ломоносова при утверждении университета не упоминалось, не присутствовал он и на его открытии. Но сам-то Ломоносов знал, что университет — его детище и для него важнее всего был сам факт осуществления его идеи и заветной мечты.

Ломоносов придавал большое значение учреждению при университете гимназии, без которой, говорил он, «университет, как пашня без семян». По разработанному им «Регламенту» все гимназисты начинали учиться в «русской школе», овладевая русским и латинским языками. Занятия в гимназии проводились на русском языке. В гимназию, по мысли Ломоносова, должны были принимать детей из всех сословий — не только из дворянства, но и из разночинцев. Но по указанию Шувалова было введено ограничение: «Как в университет, так и в гимназию не принимать никаких крепостных и помещиковых людей», а сама гимназия была разделена на дворянскую (привилегированную) и разночинную. Тем не менее и университет в целом, и гимназия при нем отличались демократичностью состава. Этому способствовало то, что по настоянию Ломоносова 140 мест были отданы гимназистам и студентам на казенном содержании. В начале 60-х годов XVIII века ежегодно до 20–25 гимназистов переводились в студенты.

Первоначально в Московском университете было три факультета: юридический, философский и медицинский. В отличие от иностранных университетов в Московском отсутствовал богословский факультет и богословские дисциплины вообще не изучались. В открывшемся университете было всего 30 студентов при 10 профессорах (Ломоносов планировал не менее 12 профессоров). Показательно, что среди 30 студентов первого набора не оказалось ни одного дворянина, и позднее до 85 % студентов составляли разночинцы (преимущественно солдатские дети). Среди русских профессоров за весь XVIII век было только два дворянина, причем выходцев из разночинцев, дослужившихся до необходимого чина для зачисления в дворянство.

Поступившие в университет первые два года обязаны были учиться на философском факультете, на котором четыре профессора преподавали философию.

фию, физику, географию, теорию красноречия, поэзию, историю и древности. Медицинский факультет, по замыслу Ломоносова, оказывался факультетом естествознания — химии, натуральной истории, анатомии (здесь преподавали три профессора). На юридическом факультете преподавали профессора общей юриспруденции, профессор российской юриспруденции и профессор политики, в задачи которого входило «показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собой». За первые 20 лет Московский университет подготовил 318 выпускников.

Из первого набора студентов Московского университета вышли будущие его профессора: философ Д.С. Аничков, профессор медицины и естественных наук С.Г. Зыбелин; ботаник П.Д. Вениаминов и др. Из числа первых гимназистов университета вышли выдающийся просветитель вольнодумия Н.И. Новиков, автор «Недоросля» Д.Н. Фонвизин, архитекторы В.И. Баженов, И.Е. Старов.

После успеха с Московским университетом Ломоносов много усилий и времени затратил на подготовку проекта полноценного Петербургского университета (вместо фактически бездействующего университета в рамках Академии наук), но граф Шувалов медлил с продвижением этого проекта в жизнь. Тогда неугомонный Ломоносов решил по случаю дня рождения И.И. Шувалова обратиться к нему 1 ноября 1761 года с большим письмом (своеобразным «подарком») «О размножении и сохранении Российского народа». Письмо написано быстро и сгоряча, живым народным языком, но выражены в нем мысли, хорошо и давно продуманные. Свыше ста лет письмо находилось под цензурным запретом. Попытка опубликовать его, хотя бы с пропусками, в 1819 году вызвала разбирательство, в ходе которого цензор, одоббивший рукопись, едва не был уволен с должности. Полностью письмо Ломоносова графу Шувалову было напечатано только в 1871 году.

Говоря по-современному, в Письме выражена основная национальная идея России не только прошлого, но и настоящего времени (начала XXI века) — идея сохранения и приумножения русского народа (быстрыми темпами сегодня вымирающего). Крайне актуальными для нынешней России остается мысль Ломоносова: величество, могущество и богатство всего государства состоит в обилии здорового и благоденствующего населения, а не «в обширности тщетной без обитателей». Не от избытка, а от недостатка людей страдает огромная Россия, способная «вместить в свое безопасное недра целые народы» [11: с. 466].

Ломоносов говорит о необходимости государственных мер для организации здравоохранения, для подготовки «довольного числа Российских студентов», чтобы обеспечить «по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек», для охраны матери и ребенка, чтобы уменьшить огромную детскую смертность в стране. В письме обсуждаются бытовые и социальные причины убыли населения, указываются черты отсталости, невежества, проявления темноты и суеверий безграмотных людей. Ломоносов смело обрушивается

на обжорство и разгулы во время церковных праздников, а перед ними — на неумеренные, «вредные для здоровья изнурительные посты».

Как видим, Ломоносов связывает проблему укрепления здоровья населения с задачей улучшения общих условий его жизни, повышения культуры людей с их просвещением, начиная с распространения элементарной грамотности.

Понятно, что в условиях крепостнической России многие из этих требований невозможно было осуществить. Тем не менее широкий общественно-государственный подход Ломоносова к проблемам здоровья населения вполне созвучен с современным определением здоровья в Уставе Всемирной организации здравоохранения: здоровье — это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. И вся многогранная деятельность Ломоносова по развитию российской науки, искусства, духовной культуры в целом была подчинена прежде всего задаче улучшения жизни, повышения благополучия русского народа.

М.В. Ломоносов был гениально одаренным человеком. Замечательно сказал об этом один из лучших его биографов Е.Н. Лебедев: «Ломоносов из тех гениев, которые появляются в истории народов... один только раз. Появляются, чтобы показать соотечественникам, что кроется в каждом из них, но и подавляется чуть ли не каждым из них» [7: с. 14]. Любое дело было ему по плечу. По словам А.С. Пушкина, он действительно «все испытал и все проник». Страсть к науке, познанию и творчеству вообще была у него сильнейшей, но еще сильнее была его страсть к служению России и ее народу. Прежде всего он был великим патриотом России, государственным деятелем. Поэтому он вынужден был, отодвигая занятия той или иной научной или художественной проблемой, браться за самые разные дела, выполнения которых требовали интересы России.

В настоящее время проявляется недооценка научных достижений М.В. Ломоносова. В одной из последних статей о нем (причем юбилейных) он отнесен к «талантливым и самоотверженным дилетантам» в науке, которых сменили «великолепные профессионалы» [12: с. 218]. Это читать очень странно. Ломоносов был не только великолепно подготовленным специалистом в вопросах, о которых он писал, знатоком современной ему науки, но одновременно и глубоким мыслителем-теоретиком (вспомним его принцип сохранения материи и движения, общее понимание истории славян и русского народа и т.п.), а также скрупулезным, точным экспериментатором (вспомним его блестящее уточнение опыта Р. Бойля, замечательное наблюдение планеты Венеры на диске Солнца, позволившее открыть атмосферу на ней, его трудоемкие, тысячекратно повторяемые опыты со смальтой и т.п.). Удивительна все-таки наша национальная привычка к самоуничижению, к уступничеству, боязнь показаться слишком умелыми и талантливыми.

М.В. Ломоносов не успел сделать всего, что замышлял, но и при этом достижения его огромны и позволяют с полным правом применить к нему самому

слова: «Я знак бессмертия себе воздвигнул» [10: с. 278], которыми названо одно из стихотворных его переводов и переложений.

Литература

1. *Белявский М.Т.* Все испытал и все проник. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 222 с.
2. *Вавилов С.И.* Михаил Васильевич Ломоносов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 148 с.
3. История России с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 768 с.
4. История России: В 2-х тт. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: Аст: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. 943 с.
5. *Калужный Г.* Завещание Ломоносова // Наш современник. 2011. № 12. С. 220–226.
6. *Кузнецов Б.Г.* Творческий путь Ломоносова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 374 с.
7. *Лебедев Е.Н.* Ломоносов. М.: ОГИ, 2008. 752 с.
8. *Лебедев Е.Н.* Ломоносов. 1711–1765. К 300-летию со дня рождения. М.: Дрофа, 2009. 588 с.
9. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 559 с.
10. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1990. 464 с.
11. *Морозов А.А.* Ломоносов. М.: Молодая гвардия, 1965. 576 с.
12. *Новик В.* Образ и личность Ломоносова // Наш современник. 2011. № 12. С. 209–220.

References

1. *Belyavskij M.T.* Vse ispy'tal i vse pronik. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1990. 222 s.
2. *Vavilov S.I.* Mixail Vasil'evich Lomonosov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 148 s.
3. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen do konceza XVIII veka / Pod red. L.V. Milova. M.: E'ksmo, 2006. 768 s.
4. Istoriya Rossii: V 2-x tt. T. 1: S drevnejshix vremen do konceza XVIII v. / Pod red. A.N. Saxarova. M.: Ast: Astrel'; Vladimir: VKT, 2009. 943 s.
5. *Kalyuzhny'j G.* Zaveshhanie Lomonosova // Nash sovremennik. 2011. № 12. S. 220–226.
6. *Kuznecov B.G.* Tvorcheskij put' Lomonosova. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 374 s.
7. *Lebedev E.N.* Lomonosov. M.: OGI, 2008. 752 s.
8. *Lebedev E.N.* Lomonosov. 1711–1765. K 300-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Drofa, 2009. 588 s.
9. *Lomonosov M.V.* Izbranny'e proizvedeniya. L.: Sov. pisatel', 1986. 559 s.
10. *Lomonosov M.V.* Izbranny'e proizvedeniya. L.: Sov. pisatel', 1990. 464 s.
11. *Morozov A.A.* Lomonosov. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 576 s.
12. *Novik V.* Obraz i lichnost' Lomonosova // Nash sovremennik. 2011. № 12. S. 209–220.

E.F. Solopov

Great Life — Great Service to Russia and to Russian People
On the 300th Anniversary of M.V. Lomonosov

M.V. Lomonosov was passionately fond of science, but he thought and care solely for the welfare of his country. He wanted to serve and served not only to pure science but to the Fatherland.

Key words: genius; natural scientist; historian; linguist; poet; artist; educator; public figure; patriot.

В.Ф. Коломийцев

А.А. Зиновьев как социальный мыслитель К 90-летию со дня рождения

В отечественной общественной науке А. Зиновьев стал явлением. Он — неординарный и неоднозначный мыслитель. Научное и публицистическое наследие А.А. Зиновьева дает основание для кропотливой работы, которая ждет будущих исследователей нашей недавней истории.

Ключевые слова: социальная философия; современная социология; идеология советского периода и Запада; марксизм; коммунизм как реальность; глобальное общество; гротеск как методология.

Место А.А. Зиновьева (1922–2006) в отечественной социологии и культуре продолжает оставаться предметом углубленных исследований. Логик, философ, социолог, романист, поэт, художник и в то же время изгой, оказавшийся в вынужденной эмиграции с 1978-го по 1999 год, — имя и судьба Александра Александровича обрастает легендами. Некоторые, особенно за рубежом, считают его просто гением, сравнивают со Свифтом, Рабле, Салтыковым-Щедриным по силе сатиры и гротеска в описании современного общества, а также одним из трех величайших логиков в истории науки. Но есть и такие, кто полагает, что его творчество было неравноценным и неоднозначным.

В тяжелый период «безвременья» на профессиональном поприще Александр Зиновьев прорвался на зарубежную аудиторию большой серией своих произведений («Зияющие высоты», которые обернулись для него высылкой из страны, «Желтый дом», «Гомо советикус», «Затея», «Коммунизм как реальность» и др.). Однако в отличие от ослепленных антикоммунизмом диссидентов, публиковавшихся в «самиздате» и «тамиздате», Зиновьев отнюдь не стал антисоветчиком.

Не касаясь всего многообразия творчества А. Зиновьева, хотелось бы остановиться на его вкладе в отечественную социологию. Подобно известному русскому социологу Н.К. Михайловскому он был талантливым популяризатором социологических знаний в литературно-публицистической форме.

Как логик А. Зиновьев получил широкую известность за рубежом. Еще в 1968 году он был избран членом Академии наук Финляндии. Со временем образование вокруг него агрессивной социальной среды, грозившей остановкой его профессиональной деятельности, подтолкнуло ученого приступить к реализации давно вынашиваемого проекта социального анализа советского общества.

В беседе с академиком РАН Л.Н. Митрохиным (1930–2005) А. Зиновьев достаточно четко обозначил некоторые принципы своего социологического видения. Прежде всего он отметил, что во второй половине XX века эмпирические методы захватили безраздельное господство, потеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии. [1: с. 46]. Это касалось как западной, так и отечественной социологии.

По мнению ученого, причин застоя теоретической мысли было несколько.

1. У людей «складываются свои представления о социальных объектах — так называемые житейские, или обывательские представления, которые имеют мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказываются о них, сочиняя бесчисленные книги и статьи...».

2. Далее, суждения о социальных явлениях неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. «Поэтому эта среда изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем официальных идеологов, включая религиозных».

3. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных исследований. «В исследованиях социальных объектов затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в таком виде, в каком он применяется в естествознании» [1: с. 45–46].

Заслуживает изучения зиновьевская логическая социология. Как отметил доктор философских наук Вал.А. Луков, Зиновьев не раз говорил о том, что та социология, которая сейчас преподается, — это чисто американский вариант, это перевод нашего мышления в американские термины. И в итоге мы получаем нечто совершенно другое. «Из современных курсов социологии, даже относительно хороших, узнать, что собой представляет наше общество, почти невозможно. Из книг Зиновьева — точно возможно» [1: с. 91–92].

В творчестве А. Зиновьева просматривается сравнительный анализ двух общественных систем — советской и западной. Начинал он, конечно, с советской системы. По словам его супруги О.М. Зиновьевой, познать, каким советское общество является объективно, стало «всепоглощающей страстью» сознательной жизни ученого. Он все более ясно осознавал, что главным препятствием на пути к тому пониманию реального коммунизма, к которому необходимо стремиться, были не советская государственная идеология (марксизм-ленинизм) и не запреты, а отсутствие подходящей методологии исследования [1: с. 168–169].

В смелости Зиновьеву-исследователю нельзя было отказать. Своим научным и жизненным кредо ученый избрал то представление о жизни, которое сформулировал в книге «Иметь или быть?» известный американский философ и психолог Эрих Фромм. Зиновьев писал уже после своего возвращения в Россию: «Жить по формуле “быть” — гораздо более высокое качество жизни, чем жить по формуле “иметь”. Формула “иметь” уже в то время, когда я формировался и рос, у большинства людей начинала доминировать. А сейчас она

буйствует, эта формула. Это — деградация. А жить по формуле “быть” — высочайшее качество жизни, которое я не сменю ни на что другое» [8].

А. Зиновьев создает немало новых социологических терминов и понятий. Социализм он называл коммунизмом, давая тем самым понять, что это не какой-то будущий идеал, а реально существующий строй со всеми его достижениями и недостатками. Синонимом коммунизма у него еще выступает «коммунальность», предполагающая большую роль различных гражданских коллективов как ячеек общества. Капитализм он отождествляет с товарно-денежными отношениями, с западноевропейской культурой, имеющей отпечаток греко-римской цивилизации [6: с. 300]. Такое объяснение — не по Марксу — очевидно, еще станет предметом всестороннего обсуждения: некоторые увидят в нем «новое слово», другие будут критиковать.

В социологической теории Зиновьева заметное место занимают взаимоотношения социального атома-индивида и «социальной организации» (трудового коллектива, корпорации), которые нивелируют социальные отношения при социализме и капитализме. Социальная организация не только контролирует сферу труда человека, но и все более активно вмешивается в его частную жизнь. Общественный контроль приводит к тому, что человек незаметно для себя все больше становится социальным атомом. Эта концепция, подтверждая, с одной стороны, известный механизм социализации личности, с другой, — затушевывает природу политических отношений, вопрос о власти.

В то время как советские социологи, находившиеся под партийным контролем, не осмеливались затрагивать тему социального расслоения и социального неравенства, имевших место, Зиновьев один из первых заговорил о реальной стратификации, которая не укладывалась в официальную версию о двух дружественных классах (рабочих и крестьян) и о «прослойке» интеллигенции.

«Можно ли употреблять слово «класс»? — вопрошает один из его персонажей и отвечает: «Сходите на любой достаточно современный завод и вы увидите такие различия в рабочем классе, что наши представления о классах, навязанные в сочинениях классиков, покажутся чудовищным анахронизмом. Работающие на заводе люди различаются по уровню зарплаты, по условиям работы, по роли в производстве и многим другим признакам, исключающим возможность рассматривать их как однородную массу рабочих. А сколько у нас министерств, трестов, советов, комитетов партии, комсомола и профсоюзов, союзов и прочих учреждений! И они не однородны. Самый маленький чиновник в аппарате ЦК партии может оказаться значительнее в социальном отношении самого крупного лица в нижестоящем учреждении» [5: с. 48].

Одной из причин распада СССР, по мнению Зиновьева, стало стремление отнюдь не мифического «среднего класса», зараженного мелкобуржуазной идеологией, к политической власти. Однако Зиновьев вовсе не шел на поводу у западных советологов, трубивших о проявлении в СССР нового правящего класса. Он показал более сложную и адекватную действительности систему

властных отношений в советском обществе, не сводившуюся к одной высшей партийной номенклатуре.

Очень точно взгляд социолога на советский общественный строй сформулировал украинский политолог Г.П. Гребенник. Он писал: «А. Зиновьев провел анатомическое вскрытие коммунистического общества и показал, как работает его система управления. Он выдал тайну системы. Эта система неполитическая, беспартийная, неправовая. Это — строй начальников... В условиях этой системы требование ликвидации монополии КПСС на власть было равносильно пожеланию, чтобы у человека вместо одной головы было несколько и каждая претендовала бы на лидерство» [2].

Уникальность социологических наблюдений Зиновьева состояла в том, что в них могли разобраться прежде всего специалисты, а мало эрудированная публика усматривала в его едкой сатире только очернение советской действительности. Прimitивизация советской жизни как сатирический прием импортировала западным читателям, но не могла понравиться многим нашим соотечественникам, знавшим, что советская эпоха превратила отсталую аграрную страну в индустриальную с передовой техникой, дала народу бесплатное образование и медицину, защитила мир от фашистской нечести. В оригинальной форме (не в научных монографиях, а в романах) Зиновьев тем не менее попытался теоретически осмыслить советский строй.

Объясняя свое литературное творчество в эмиграции в предисловии к книге «Затяга» в 1999 году, Зиновьев писал: «...Мои критические умозаключения сложились и развивались независимо от западного влияния и дессидентства, сложились на основе наблюдения и переживания имманентной эволюции советского общества... Я тогда имел весьма смутное представление о ходе “холодной войны” и о ее механизмах, лишь через несколько лет (в 1984 году) я стал догадываться о переломе в западной стратегии “холодной войны” в направлении подготовки советской антикоммунистической “революции”, то есть грандиозной диверсионной операции по разгрому Советского Союза и советской социальной системы» [5: с. 11].

После 1991 года основной темой своих публикаций А.А. Зиновьев избрал западный мир. В 1995 году он выступил с книгой «Запад (феномен западнизма)», в которой изложил свое видение социального строя западного общества. Продолжением идей, высказанных в этой работе, явилась футурологическая повесть «Глобальный человек», написанная на пороге третьего тысячелетия.

Во введении к своему повествованию автор отметил: «Наш XX век был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но несмотря ни на что, он был веком человеческих страстей и переживаний — веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти... Надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллю-

зий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти» [3: с. 9].

По всем правилам жанра фантастики Зиновьев рисует свой вариант сверхчеловека — «западоида», который может посоперничать со сверхчеловеком Ф. Ницше: «Западоиды внутренне свободны от моральных и прочих человеческих ограничений. Тут действует принцип: если западоид может совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверен в том, что ему удастся избежать порицания или наказания, он совершит его... Западоиды лишь притворяются нравственными из тех или иных практических соображений, да и то лишь иногда» [3: с. 411].

Западный, так называемый «свободный мир» отнюдь не освободился от социальных пороков прошлого. По словам автора, «преступность, конечно, не прекратилась. Преступники вступили в непримиримую борьбу с изобретателями средств борьбы с ними, изобретая еще более совершенные средства преступлений. Началась “гонка вооружений”, ставшая одним из стимулов научно-технического прогресса. Концерны, производящие средства для преступников против средств самозащиты от них, вошли в число важнейших предприятий Западного Союза». Зиновьев пророчески констатирует в повести: «Преступность пронизывает все сферы, все уровни, все подразделения общества во всех его разрезах. Общество уже бессильно бороться с преступностью.... Сейчас обсуждается проект закона, согласно которому большое число преступников представителей высших слоев, пока еще считающихся преступниками, но фактически ставшими ненаказуемыми и не разоблаченными официально, будет исключено из категории преступных» [3: с. 342].

В чем ученый усматривал органический порок западной цивилизации? От лица одного из персонажей повести, поднявшегося от социального дна до специалиста «мозгового центра», он писал: «Формально я был свободен выбирать профессию, место жилья, работу. Формально я мог развивать любые идеи и предавать их гласности. Но другие были свободны не помогать мне в реализации моих свобод, а добиваться реализации свобод для себя. Они сами были в положении, подобном моему. Но по отношению ко мне они выступали как внешняя принудительная сила, сводящая мои свободы на нет. Формально свободные, мы общими усилиями создали механизм беспрецедентного тотального закрепощения» [3: с. 85].

Тонкий социолог и публицист не обошел вниманием и телевизионное оболванивание граждан. Новое «Глобальное общество», по Зиновьеву, стало цивилизацией компьютеров, обезличило национальную культуру, создало единый универсальный язык на базе упрощенного английского. Олицетворением новой эпохи стала Ева Адамс. Единственной и всепоглощающей страстью ее жизни стал компьютер, в который она педантично записывала все события своей жизни до мельчайших подробностей. Почувствовав приближение смерти, она продиктовала компьютеру последние слова: «Я полностью

удовлетворена тем, какую содержательную жизнь прожила. Я завещаю исповедь моей жизни Человечеству» [3: с. 30].

Вуаль футуризма в повести Зиновьева очень прозрачная. Автор вскрывает реально идущие в мире процессы и прежде всего процесс глобализации (создания «Глобального общества»). Он замечает, что идея Глобального Общества есть идея западная, а не абстрактно мировая. Инициатива движения к такому обществу исходила от Запада. В ее основе лежало не столько стремление различных народов к объединению (такое стремление появляется редко), сколько стремление Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества.

«Система сверхгосударственности, — пишет Зиновьев, — не содержит в себе ни крупинки демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Члены правящего слоя образуют замкнутые касты» [3: с. 121].

Зиновьев-социолог сравнивает буржуазно-либеральный общественный строй и строй социалистический. Разбирая «феномен западнизма», он категорически заявляет, что капитализм не смог бы занять прочного места в мире без покровительства и защиты со стороны государственной власти. Еще в 90-е годы XX столетия А.А. Зиновьев отмечал, что западная идеология и пропаганда раздувают видимость демократии так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или, по крайней мере, все прочее играет второстепенную роль. «А между тем в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократии. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него. И все это строится совсем не по демократическим принципам [10: с. 423].

По глубокому наблюдению Зиновьева-социолога, на месте партий, объявляющих себя «общенародными», сложился определенный политический класс профессионалов от политики, ставших частью государственной структуры. «И одна из функций этих партий, — указывает он, — за хорошее исполнение которой их поддерживают влиятельные силы, — создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства» [4: с. 213]. Данные политические технологии вполне приживаются и в современной России.

В 1993 году А.А. Зиновьев восстановил на Родине свое гражданство, а в 1999 году вернулся в Москву. На это его решение повлияло изменение международной обстановки после нападения США и НАТО на Югославию. Александр Александрович расценил эту акцию как пробный шаг к удару

по России в недалеком будущем и решил, что не может в сложившейся ситуации не быть со своим народом. Ему помогли с получением жилья в Москве, с работой и возможностью публиковаться. Прохладное отношение к нему со стороны официальной науки очень точно определил директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета А.И. Фурсов. По его словам, Зиновьев оказался «не нужен хозяевам этого общества и их “интеллектуальной” службе — всем этим политологам из несостоявшихся советских журналистов и пропагандистов, преподавателей научного коммунизма, “специалистов” политпросвета и прочей бездари» [1: с. 312].

Чем поразила ученого Москва? Разрушением советских коллективов — самой глубокой болезнью нашего города и общества в целом. «Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем» [7].

Ученый-социолог реабилитирует подлинные достоинства социалистической системы, незаслуженно подвергшиеся очернению. Громкой отповедью антикоммунистам всех мастей стало заявление Зиновьева: «О коммунизме написаны горы книг, статей, фраз, слов. Но во всей прокоммунистической и антикоммунистической литературе не сказано ни одного слова о самой главной черте коммунистического строя. Это главное состоит в органической способности породить идеи и средства, организующие жизненный поток в единое осмысленное целое» [5: с. 551].

А.А. Зиновьев дал четкую характеристику социалистического строя, ещё находясь на Западе, в книге «Коммунизм как реальность». То, что на Западе, да и у нас сейчас, называют «советским режимом», по мнению Зиновьева, есть естественная организация многих миллионов людей в единый социальный организм. «Эту организацию невозможно сбросить, не разрушив общество до основания физически. Здесь фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое здоровое и активное население» [6: с. 220].

В то время как западная пропаганда всю обвиняла Страну Советов в тоталитаризме и полицейском режиме, сравнимым с гитлеровской Германией, Зиновьев достаточно четко обрисовал отличительные особенности социалистического государства. Он отметил, что не насилие, а созидательная, организующая функция государственного аппарата, состоящая «в обеспечении всей жизнедеятельности общества как единого организма», выражает его главную сущность.

Зиновьев отбрасывает определение советской истории, связанной с эпохой Л.И. Брежнева, как «период застоя». В действительности была достигнута высокая стабильность общества. «Словечко “застой”, — отметил он, — идеологическая пустышка в языке горбачевцев наряду с другими словесными фетишами вроде “консерваторы”, “гласность” и т.д. В брежневские годы произошли огромные перемены в стране и в мире. Думаю, что они еще станут предметом беспристрастного исследования в будущем. Если уж искать какие-то условия кризиса в брежневском периоде, то в первую очередь следовало бы назвать не застой, а именно чрезмерность успехов и усложнения общественного организма и его чрезмерное влияние в мире» [6: с. 394].

Зиновьев отверг широко распространенное представление о том, что только экономика, действующая на рыночных принципах, может быть эффективной. Все зависит от целей производства и критериев его оценки. «Есть два подхода к оценке производственной деятельности людей и предприятий, — писал он, — экономический и социальный. Не всякая организация производства и вообще деловой жизни общества осуществляется в соответствии с экономическими принципами... Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятия соответствует интересам целого общества или какой-то его части» [6: с. 401].

Экономика СССР представляла собой как бы единое предприятие, в котором отсутствие прибыли в одних подразделениях компенсировалось прибылью в других. Если бы такая экономика была неэффективной, она не смогла бы поддерживать на достаточном уровне оборону страны и развивать социальную сферу — бесплатное образование и медицину, учреждения культуры и спорта.

Социолог реабилитирует международное значение коммунизма не как идеального будущего, а в том реальном значении, которое он действительно имел в нашей стране. По его словам, «влияние нашей революции и того, что делалось у нас, на все человечество было таким могучим, что весь мир, в том числе и Запад, несмотря ни на что, пошел в этом направлении. Многих достижений, которые можно наблюдать на Западе, не было бы, не будь Советского Союза, не будь этой конкуренции двух систем» [9].

В своем последнем крупном произведении «Фактор понимания» (2006) он разрабатывает некую новую технологию понимания, с помощью которой человек может оказывать влияние на свою жизнь, придать ей достоинство ответственного существования [1: с. 66].

Литература

1. Александр Александрович Зиновьев: сб. ст. / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2009. 376 с.
2. Гребенник Г.П. Социологический макиавеллизм А.А. Зиновьева // <http://zinoviev.info/wps/archives/92>.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. 459 с.
4. Зиновьев А.А. Запад (Феномен западнизма). М.: Центрполиграф, 1995. 461 с.
5. Зиновьев А.А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. 555 с.
6. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
7. Зиновьев А.А. // Правда. 2001. 12–15 октября.
8. Зиновьев А.А. // Правда. 2002. 29–30 октября.
9. Зиновьев А.А. // Правда. 2004. 20–21 января.
10. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.

References

1. Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev: sb. st. / Pod red. A.A. Gusejnova. M.: ROSSPE'N, 2009. 376 s.
2. *Grebennik G.P.* Sociologicheskij makiavellizm A.A. Zinov'eva // <http://zinoviev.info/wps/archives/92>.
3. *Zinov'ev A.A.* Global'ny'j chelovejnik. M.: Centrpoligraf, 2000. 459 s.
4. *Zinov'ev A.A.* Zapad (Fenomen zapadnizma). M.: Centrpoligraf, 1995. 461 s.
5. *Zinov'ev A.A.* Zateya. M.: Centrpoligraf, 2000. 555 s.
6. *Zinov'ev A.A.* Kommunizm kak real'nost'. M.: Centrpoligraf, 1994. 495 s.
7. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2001. 12–15 oktyabrya.
8. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2002. 29–30 oktyabrya.
9. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2004. 20–21 yanvarya.
10. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. M.: Algoritm; E'ksmo, 2006. 528 s.

V.F. Kolomiicev

A.A. Zinoviev as a Social Thinker
On the 90th Anniversary of His Birth

A. Zinoviev became a phenomenon in the national social science. He was an extraordinary and ambiguous thinker. Scientific and publicistic legacy of A.A. Zinoviev provides a basis for laborious work that awaits future researchers of our recent history.

Key words: social philosophy; modern sociology; ideology of the Soviet period and West; Marxism; communism as a reality; global society; grotesque as a methodology.

**ОБЩЕСТВО:
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ**

Б.Н. Бессонов

**Этносы и нации. Национальные
отношения и национальная политика**

**Часть 2. Российская цивилизация
как особый культурно-исторический тип общества**

Во второй части данной статьи доказывается, что Россия, российская цивилизация — это особый культурно-исторический тип общества, что истинное самосознание русского, других российских народов, по своей сути, выходит за границы национального; оно универсально в силу специфических условий российской истории, длительной совместной жизни нации и народов России.

Ключевые слова: Россия; нация; этнос; национализм; интернационализм; федерализм.

В 90-е годы XX века многие политиканы-националисты называли Россию империей, клеветали, будто русский народ — народ-поработитель, народ-колонизатор. Но историческая правда заключается в том, что для большинства народов России союз с Россией, вхождение в состав России в конечном счете были благотворными, позволили этим народам приобщиться ко «всечеловеческой культуре», какой, бесспорно, является культура русская.

Н.Я. Данилевский был конечно же прав, когда утверждал, что воздвигнутое русским народом государственное здание менее всего основано на костях, крови и слезах погранных народов. Весьма часто русский народ принимал под свою защиту народы, которые, будучи окружены врагами, не могли далее сохранять свою национальную самостоятельность [2: с. 25].

Многие сейчас, в том числе и официальные лица, чернят историю СССР. Но ведь именно образование Советского Союза позволило многим народам бывшей царской России обрести государственность, развивать культуру, язык, сформировать национальные кадры рабочего класса, интеллигенции. Уже в первые годы советской власти Россия, сама разоренная и измученная Гражданской войной, отправляла на окраины страны специалистов и целые

предприятия, помогая жившим здесь народам создавать промышленность, воспитывать кадры. Так продолжалось на протяжении всего времени существования Советского Союза. Н.А. Бердяев был, безусловно, прав, когда писал, что русским никогда не были свойственны агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. В русских поистине есть какое-то национальное бескорыстие и жертвенность [1: с. 15].

К сожалению, выросшие «дети» советской России забыли вскормившую их мать и тянутся сегодня кто куда: на Запад, Юг, Восток... Больше, конечно, на Запад. А что Россия? Русские? Кажется, что их жизненные силы, их «пассионарность», по Л.Н. Гумилеву, сегодня подорваны.

Тяжелейший груз, который несли русские на своих плечах в течение всей своей тысячелетней истории и особенно в годы советской власти, когда наша страна, совершив беспрецедентный в мировой истории рывок, стала мощной сверхдержавой, возможно, временно надломил силу и волю русских.

Вспомним: царское самодержавие в России смёл прежде всего русский народ: рабочие, крестьяне, солдаты. Октябрьскую революцию также совершили народные массы. Вместе с тем после Октябрьской революции десятки, тысячи русских людей начали Гражданскую войну против советской власти за «единую и неделимую» Россию, как они считали.

В 1941 году советский народ (становым хребтом которого были конечно же русские) в едином порыве встал на борьбу с фашизмом, сокрушил его, спас и свою страну, и все человечество от фашистского варварства.

А что случилось в 1991 году? Предатели-заговорщики объявили о ликвидации великой страны — Советского Союза. И что же? Курсанты военных училищ, подобно юнкерам в 1917 году, вышли с оружием в руках защищать государство, которому присягали? Сотни, тысячи офицеров отправились на Волгу к генералу Макашову, подобно тому, как это сделали русские офицеры в 1918 году, уходя на Дон к генералам Корнилову и Деникину? Ни один! А ведь это были офицеры советской армии, КГБ, специально призванные охранять безопасность СССР. В.В. Путин, охарактеризовавший разрушение Советского государства как величайшую геополитическую катастрофу XX века, тоже тогда не оказался верен присяге. Но дело не только в военных. 18-миллионная правящая Коммунистическая партия, ее функционеры во всех звеньях управления страной также бездействовали, а многие просто-напросто оказались «перевертышами». Но конечно же главная причина краха советского строя — отказ широких масс русского народа поддержать его. Можно утверждать, что русский народ обманули, но тем не менее факт распада Советского Союза русский народ в большинстве своем встретил равнодушно.

И сегодня: видим ли мы подъем жизненной силы русского народа? Он обездолен, унижен, его угнетает безработица, высокая преступность, продолжительность жизни русских людей и деторождение низки, между русскими людьми растёт отчужденность и т.п.

Все это, бесспорно, угрожает русскому национальному бытию. Однако история нашего народа доказывает, что угрозы его существованию всегда поднимали его на борьбу, заставляли мобилизовывать все свои физические и духовные силы. Можно, конечно, говорить, что народ утратил доверие к советскому строю (что неправда, ибо широкие массы советского народа, и русского в том числе, верили в справедливость того строя). Но выход есть, он должен быть. Будем надеяться, что и сегодня русские соберут свои силы и возродят былое величие Отчизны.

И главное средство пробуждения и подъема жизненных сил русских — это восстановление и творческое развитие объединяющей их великой духовности.

Мы обязательно будем в таком случае настоящими русскими патриотами, подлинными патриотами России. Русские — это всегда Россия. Наше национальное самосознание одновременно русское и российское. Для наших соотечественников оно также должно иметь вид: например, татарское и российское, башкирское и российское и т.д.

Русские мыслители (Вл.С. Соловьев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев и др.) были, бесспорно, правы, когда утверждали, что человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, как русский, француз, немец или англичанин. В национальном человеке есть и родовые черты человека вообще, и черты индивидуально-национальные. Можно желать дружбы, братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех других народов, но при этом нельзя требовать, чтобы с лица земли исчезли образы национальных культур. Культура никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда будет иметь национальные, индивидуально-народные черты и лишь в таком своем качестве станет восходить к общечеловечности.

Космополитизм — уродливое чувство. Кто не любит своего народа и кому не дорог конкретный образ его, кто безразличен к истории и культуре своего народа, тот не может любить и человечество. Конечно, можно чувствовать себя гражданином Вселенной, но это ни в коем случае не должно означать потери национального чувства. В едином человечестве могут соединяться лишь индивидуальности, а не пустые отвлеченности. [1: с. 92, 93].

У русских героическая история, традиции самоотверженной любви к Отчизне, непревзойденные по глубине и силе выражения народного духа литература и искусство. Сегодня они потускнели в сознании многих русских людей. Но это пройдет, и мы снова вспомним свою историю, достижения своей великой культуры, ее выдающихся деятелей — и мы воспрянем.

Но осуждая, отвергая космополитизм, мы должны вместе с тем решительно отмежеваться и от национализма, спекулирующего, злоупотребляющего ценностями самобытной национальной культуры.

Как отмечает русский философ Н.С. Трубецкой, чаще всего нам приходится наблюдать таких националистов, для которых самобытность национальной культуры их народа совершенно не важна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их на-

род во что бы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан «большими» народами и в своем быте во всем походил именно на эти «большие» народы. В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть «самими собой», а, наоборот, хотят именно быть «как другие», «как большие», «как господа». [6: с. 121].

Очень точные суждения, их полностью можно отнести к сегодняшним националистам.

Особой формой ложного национализма, продолжает Н.С. Трубецкой, следует признать и тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает их изменения даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику [6: с. 122].

Бесспорно, представитель любого народа, если он подлинный сын своего народа, патриот, должен испытывать гордое чувство принадлежности к своей нации. Но такое же чувство национального достоинства он должен признавать и у представителя другого народа, другой нации.

У В.Г. Короленко есть замечательная статья под названием «Несколько мыслей о национализме». В ней писатель проводит параллель между просто здоровым человеком и «ультраздоровым». Просто здоровый человек не чувствует и не носитя со своим здоровьем. Тот, кто постоянно говорит о своем здоровье, даже если хвастается им, все-таки болен.

Это маленькое наблюдение можно применить и к патриотизму, считает В.Г. Короленко. Что такое русский человек? Национальность наша есть факт, так сказать, первичный, сопровождающий нас от рождения и неизбежно налагающий на нас свой отпечаток. Мы русские потому, что родились в России, дышали с рождения ее воздухом, глядели на ее убогую, но порой и прекрасную природу, выражали свои чувства звуками ее речи, первую свою любовь и свой первый гнев, и все другие ощущения отдали русским же людям. Это факт, который, конечно, не может не сказаться на нашем душевном строе и на всем поведении. Он не должен мешать нам видеть свои недостатки и чужие достоинства, но он залегает в глубине души каким-то узелком ощущений, вследствие которых наши недостатки нам ближе и больше, а наши достоинства, когда они проявляются в действии, тоже ближе и приятнее. Но это не должно заставлять нас любить и прославлять собственные недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужие достоинства, потому что они чужие.

И прежде всего человек, у которого в душе есть истинное ощущение национального достоинства, не станет выпячивать его в ущерб другим, подчеркивает В.Г. Короленко.

Глубокий, точный анализ националистических извращений подлинно национального чувства! К данной В.Г. Короленко характеристике национализма мало что можно добавить. Сегодня (как и вчера) политики- националисты, не-

способные справиться с реальными социальными проблемами, не умеющие, да и не желающие облегчать тяжелую долю трудящихся, улучшать их жизненный уровень, разжигают низменные инстинкты толпы, спекулируя лозунгами вроде «русские виноваты» либо, напротив, «нацмены виноваты» и т.п. Нет никакого сомнения, что народы России, народы бывшего Советского Союза отвергнут национализм, ибо убедятся, что правление националистов всегда дурное, бесчестное и несправедливое. Истинное самосознание русского, других российских народов по своей сути выходит за границы национального; оно универсально в силу специфических условий нашей истории, нашей длительной совместной жизни.

Как справедливо писал И.А. Ильин, наша Родина — Россия — «не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопитанием; оно есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; оно есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия» [3: с. 23].

Расчленение этого союза, предостерегал И.А. Ильин, явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, губительные последствия которой народы России понесли бы на долгие годы. Однако, считает И.А. Ильин, Россия как добыча есть величина, которую никто не осилит; Россия — великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании [3: с. 31, 32].

Все это было написано И.А. Ильиным 50 лет назад, но совершенно непосредственно относится к нашей ситуации. Россия не погибнет. Слишком многое нас, русских и нерусских россиян, объединяет. Но в любом случае невозможно спасти Родину, оставаясь в бездеятельности. Надо действовать. Но для этого необходимо, чтобы разум и воля, сердце и совесть «заработали» в каждом из нас.

Важно, чтобы мы поняли, что национальный эгоизм — не защита, не путь к свободе. Наоборот, он стоит поперек дороги к солидарности народов, которая в конечном счете лучше всего может обеспечить также и национальные интересы каждого народа.

Некоторые ученые и политические деятели пытаются отождествлять национализм с национальным самосознанием, патриотизмом и т.п. С подобной точкой зрения нельзя согласиться. Патриотизм — да, национальное самосознание — конечно же да. Но национализм — зло, ибо его главный, определяющий признак — признание национальной исключительности и вытекающее из нее противопоставление «своей» нации другой.

Разумеется, национализм базируется на определенных социально-психологических установках, таких, как, например, этническая или национальная замкнутость, некая психологическая предубежденность, ведущие к абсолютности

зации национальных, часто архаических, бытовых, родовых обычаев и обрядов, к идеализации прошлого своего народа, отождествлению национального с религиозным. Но это лишь предпосылки, а не сам национализм. Настоящий национализм — это уже идеология, это уже политика.

Конечно, без национального самосознания нет нации. Но спекулировать на национальном чувстве — это и глупость, и подлость, это преступление. «Самый дешевый вид гордости — гордость национальная. Ибо кто ею одержим, обнаруживает этим отсутствие в себе каких-либо индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, так как иначе ему незачем было бы хвататься за то, что у него общего с миллионами. У кого есть выдающиеся личные достоинства, тот, напротив, всего яснее видит недостатки собственной нации. . . Индивидуальность стоит далеко выше национальности, и по отношению к каждому данному человеку первая заслуживает в тысячу раз более внимания, чем вторая», — так писал в середине XIX века немецкий философ А. Шопенгауэр [8: с. 300, 301].

Другой немецкий философ, выдающийся мыслитель современности К. Ясперс также решительно осудил национализм. Национализм, считает он, имеет экспансивный характер в результате того, что хочет вобрать в себя всех принадлежащих к данной нации людей. Он препятствует тому, чтобы сообщество людей основывалось на политической идее свободного, справедливого, демократического государства, которое объединяет людей как таковых и которое может принять к себе как граждан представителей многих наций, языков и религий.

«Национализм означает для нас огромную враждебную силу, где бы он ни проявлялся. Он делает невозможным мир и внутреннюю свободу. Мы хотим относиться к любому народу с уважением и симпатией, хотим мира. Национализм находится в союзе с дьяволом. Поэтому сомнительно, можно ли рассматривать национализм просто как заблуждение», — пишет К. Ясперс [9: с. 203, 204, 181].

Национализм — это преступные идеология и политика. Поэтому в нашей стране (как и в любой другой) должно решительно бороться против национализма, твердо и последовательно проводить политику консолидации россиян как граждан единого государства. Гражданин России должен решительно выступать за этнокультурное развитие каждой нации, каждого народа, входящего в состав Российской Федерации, и одновременно — за социально-экономическую интеграцию и культурное единение всех российских народов на общегражданской основе.

Разумеется, это требует прежде всего установления равноправных отношений между нациями. Но этого можно достичь, если субъектом национальной политики в национальных республиках будут не только так называемые коренные нации, но и представители всех национальностей. Очевидно, оптимальной для России, как и для всех крупных государств с полиэтническим составом населения, является федеративная форма устройства с территориальной и национально-культурной автономией. При этом утверждение, что федерализм базируется преимущественно на национально-территориальном

принципе, необоснованно, ибо затрагивает интересы так называемого некоренного населения, преобладающего во многих республиках, а также народов, не имевших и до сих пор не имеющих государственных образований. Именно поэтому равноправными субъектами Российской Федерации могут и должны быть также и определенные укрупненные территориальные образования.

В конечном счете самоопределение, равноправие, взаимоуважение и сотрудничество — вот принципы, руководствуясь которыми следует решать межнациональные и межрегиональные проблемы.

Понятно, что особая ответственность в нашем многонациональном государстве лежит на русских. Русские как самая многочисленная, самая влиятельная нация России конечно же должны проявлять особую осторожность, терпимость, тактичность в разрешении межнациональных противоречий и проблем. Но прежде всего русским нужно вернуть себе «русскость», осознать свое достоинство и честь, свою ответственность, свое место в истории российских народов, свою великую миссию; да, миссию (русским нечего стыдиться этого слова). Русские должны дать отпор всем попыткам возложить на них ответственность за реальные, а еще больше — мнимые ошибки в политике Центра (в Советском Союзе) по отношению к национальным республикам, ибо русские в большей степени, чем другие народы, испытали на себе тяготы бюрократического давления центральных органов управления страной.

Надо учитывать также, что русских, пожалуй, в большей мере, нежели другие народы, коснулись негативные последствия распада СССР. В 90-е годы прошлого века в Российской Федерации возникла ситуация, когда более 50 % ее территории были объявлены «территориями своей государственности» для 7 % российских граждан. Это конечно же ущемляло права десятков миллионов граждан, разумеется, прежде всего русских, которые не имели достаточных возможностей и гарантий для реализации своих интересов и прав. (Это положение и сейчас еще не «снято», не разрешено в должной мере.) Еще в более тяжелом положении находятся 25 млн. русских, которые отнюдь не по собственной воле оказались вообще за рубежами своей страны.

И все-таки, вопреки всем нашим бедам и трудностям, никому не удастся разрушить единство россиян, разорвать духовные связи народов, входящих в состав России, а прежде входивших в состав СССР. Но важно понять: в том, что случилось с нами, виноваты не только политиканы, но и все мы, весь народ. Прежде всего потому, что мы перестали по-настоящему трудиться на благо Родины, дорожить своим достоинством и честью. У нас исчезают подвижность, солидарность, всегда бывшие отличительной чертой русских, всех россиян. Мы часто беспечны, слепо доверчивы, непоследовательны, бросаемся из крайности в крайность.

Сегодня многие наши правящие политики делают ставку на европеизацию, американизацию нашей жизни, считают, что решение наших проблем связано с движением по пути, проложенному Западом. При этом забывают,

что Запад, западные страны в своем развитии всегда опирались на укоренившиеся там традиции: экономические, национальные, культурные и т.д. Надо учитывать, что европейские этносы на протяжении нескольких столетий создавали свои национальные государства, границы которых большей частью совпадали с их ареалами, территорией их расселения.

Россия же никогда не была государствам одного этноса, она развивалась как полиэтническая общность и тем всегда отторгала модель национального государства. Поэтому она не могла стать и не стала ни Западом, ни Востоком. Россия не национальное, а государственное образование. Россия — это «Запад – Восток», Россия — Евразия, она сформировалась, впитав в себя ценности национальных и этнических культур населявших Евразию народов. У России свои исторические, экономические и культурные традиции.

Исходя из этого и надо решать проблемы наших народов. Не европеизировать, не американизировать надо нашу страну, а учитывать традиции ее народов: исторические, этнические, культурные особенности их хозяйственной жизни.

В России должна быть власть, свободная от иностранной зависимости; власть людей, для которых власть — это служение своему народу, а не властные привилегии и богатство; власть, понимающая роль и значение истории и культуры своей многонациональной страны.

«Для русского государственного сознания наших дней встает задача огромной жизненной важности: в непосредственном взаимодействии власти и народа осознать и утвердить необходимые основы государственного бытия. Было бы величайшим несчастьем для России, если бы новая национальная власть, которой ждет страна, не нашла в себе достаточно творческой силы для того, чтобы вступить на новый путь государственного строительства», — писал в начале XX века русский философ и правовед П.И. Новгородцев [4: с. 362]. Это задача остается актуальной и в наши дни; точнее сказать, сегодня она актуальна как никогда прежде.

В конце концов, история и культура народа — «не музей его лучших свершений» (И.А. Ильин) — она живет и творится в каждом поколении. Мы достигнем успеха в деле возрождения нашей Родины, если будем опираться на наши традиции, если учтем склонность русского народа возвращать те общественные формы, которые зиждутся на коллективизме, братстве, «зиждуются жертвою и любовью» (И.А. Ильин). Разумеется, не нужно впадать в самодовольство; необходимо учитывать и недостатки, пороки, которые вытекают из наших же традиций (уравнительность, иждивенчество, упование на «лучших людей» и т.д.), но огульный отказ из-за них от наших традиций, от «наших сокровищ», поиск спасения в «американизме» еще более опасны, ибо они чреватые утратой национальной самобытности, национального достоинства.

Созидая гражданское общество, строя правовое государство, мы должны учитывать, что культуры всех наших народов и этнических групп встроены в общероссийскую культуру (основой которой является русская), составляют с ней единое целое.

Поэтому путь изоляционизма, сепаратизма или тем более противостояния отдельных этносов, составляющих единый российский сверхэтнос, — губелен для нашей государственности. Наиболее оптимальный путь развития этносов, культур народов России — это путь региональной (областной) национально-культурной автономии (ибо в любом регионе, в любой области РФ, даже если иметь в виду национальные субъекты Федерации, мы имеем весьма пестрый состав населения, во всяком случае, коренной народ зачастую не составляет абсолютного большинства).

Концепция национальной политики (как на общероссийском, так и на региональном уровнях) должна быть основана на учете двух объективно существующих тенденций в жизни и деятельности наций, национально-этнических общностей: тенденций к самосохранению, самоподдержанию и к общению, сближению их друг с другом. Это значит, что национальная политика должна быть, с одной стороны, ориентирована на создание таких условий, которые позволили бы каждой национальной общности, этнической группе сохранить свое лицо, достоинство, самосознание, свободно развиваться, обеспечивать свои интересы и гражданские права.

С другой, стороны, национальная политика должна быть фактором национальной консолидации народов, проживающих в России. Она должна быть направлена на упрочение межнационального общения, создание необходимых условий для построения сильного и жизнеспособного единого многонационального государства.

Очевидно, вопрос об отношении национального и интернационального в жизни человека и общества — один из центральных вопросов теории и практики национальной политики. В его решении нельзя допускать крайностей: принцип самоидентификации наций и принцип их общения и сотрудничество не должны вступать в противоречие друг с другом. Политика консолидации наций не должна проводиться за счет какого-либо ущемления прав наций на независимость и свободу. В свою очередь, поддержка самоидентификации наций не должна быть препятствием для осуществления их связей и взаимодействия друг с другом. Различия между национальными общностями, людьми разных национальных принадлежностей не должны быть причиной их разобщенности. Учет национальных особенностей в жизни страны должен осуществляться в границах соблюдения прав человека, как и соблюдение прав человека предполагает учет национальных особенностей.

В советское время интересы национального суверенитета, свободы, независимости наций не всегда правильно трактовались и оценивались. Нельзя, например, признать правильным тезис о том, что в социалистическом обществе культура нации является социалистической по содержанию и национальной по форме, ибо, по нашему мнению, культура каждой нации уникальна и самобытна не только по форме, но и по содержанию.

Несостоятельна также и противоположная ситуация, в которой интересы сближения наций приносятся в жертву чисто национальным интересам.

В этом случае мы имеем дело с политикой узкого национализма, который так же неприемлем, как и деформированный интернационализм. Сегодня принцип интернационализма необходимо интерпретировать как принцип конструктивного, уважительного и дружеского взаимодействия между нациями. Вместе с тем право наций на самоопределение, сохранение своей уникальности и свободы, самовоспроизводство и самоидентификацию также должно рассматривать как общечеловеческую ценность (разумеется, когда оно реализуется в границах ориентации на общечеловеческую солидарность).

Гармонический баланс этих двух тенденций и составляет стратегическую суть национальной политики в современных условиях. Только на этом пути можно избежать межнациональных распрей и конфликтов. Но это значит, что в одних случаях политический акцент может и должен быть сделан на преодоление возможного отчуждения в отношениях между нациями, а в других — на укрепление их самостоятельности, усиление автономии.

Люди разных национальностей в России должны жить в соответствии со своими национальными ценностями. Вместе с тем они должны быть открыты для широкого межнационального общения. Одно не должно вступать в противоречие с другим — таковой должна быть сердцевина национальной политики новой России. Только гармонизация национального и интернационального в отношениях между людьми и народами способна вывести нашу страну из состояния напряженности и конфликтности в межнациональных отношениях. (К сожалению, такое согласие в нашем обществе пока не достигнуто.)

Каждый народ, нация, государство должны иметь свою совокупность идеалов, идей, ценностей, которые выражали бы глубинные основы их жизни. Без этого духовного стержня нация, государство расплываются, разрываются культурные скрепы, превращающие огромное количество индивидов в единую общность.

Выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет считает, что народы никогда не живут совместно «просто так». Народы, нации, образующие государственное целое, всегда проживают вместе для чего-то, ради единых целей, задач, устремлений, для совершения какого-то совместного деяния спланировавших граждан. Государство разваливается, нация рассыпается, когда утрачивается идеал, когда рушится вера в проект совместной жизни [5: с. 17, 18]. Советский народ долгие годы был одухотворен великими идеалами социализма и коммунизма, верил в них. Однако постепенно идеалы превращались в пустые, формальные идеологические штампы, переставшие воспламенять сердца людей. Деградирующая, стареющая власть плохо заботилась об улучшении повседневных условий жизни людей, не поддерживала их стремление к обновлению хозяйственной и политической системы на демократических принципах.

Но сегодня, после краха СССР, мы находимся в еще более глубоком кризисе и упадке. Слова Х. Ортеги-и-Гассета, адресованные Испании, можно перефразировать и отнести к нашей стране: Россия сегодня — облако пыли,

оставшееся после того, как по великому историческому тракту галопом промчался могучий Советский Союз [5: с. 38].

Сегодня, если мы хотим идти вперед, нам нужна идеология — целостная идеология Российского государства, духовно и политически интегрирующая общество, вбирающая в себя и общечеловеческие ценности, и специфику России с ее историческим, национально-психологическим своеобразием. Конечно, формирование целостной идеологии — дело сложное. Однако в любом случае ее фундаментом должны быть такие ценности нашей жизни, как семья, дети, родители, дом, поля, леса, место, где ты родился и вырос, школа, где ты учился; жизнь предков, язык, культура, история. Все это — судьба, жизнь каждого из нас. Ценностями нашей идеологии должны также стать здоровый и нравственный образ жизни, творческий труд, права и свободы человека, образование, взаимопомощь, социальное равенство и социальная справедливость, достойная и в материальном, и в духовном плане жизнь и многое другое. Без всех этих ценностей не может возникнуть чувства Родины, любви к Родине, готовность ради нее жертвовать всем, даже собственной жизнью.

Наряду с этим в процессе формирования идеологии российского возрождения должно иметь в виду такие основополагающие принципы национально-культурного развития, как:

- свобода творческой деятельности всех россиян;
- свобода выбора каждым народом России своего пути в российском цивилизационном и культурном процессе;
- осознание уникальности культурного наследия каждого из народов России;
- защита культуры как самоценности, как важнейшего проявления общественного прогресса;
- осуществление политики культурного многообразия, удовлетворение прав и запросов граждан, связанных с их национальной принадлежностью; свобода вероисповедания;
- создание возможностей для духовного взаимообогащения народов, исключая культурный изоляционизм и национальный нигилизм;
- ориентация культуры не только на национальные, но и на общечеловеческие ценности, гуманистические нормы нравственности и уважения к культурам других народов.

В политическом плане важно развивать и укреплять федеральные начала российской государственности, оптимальное разделение функций между центральными и местными органами власти, соблюдать конституционные нормы и договорные условия в процессе их взаимодействия.

Органы власти обязаны гарантировать соблюдение прав и свобод человека вне зависимости от национальности, языка, вероисповедания. В этой связи важно, чтобы в проведении национальной политики акцент был перенесен с национально-территориального на национально-культурный принцип организации общественной жизни.

Необходимо создавать национально-культурные центры, общества и объединения, которые должны посвятить свою деятельность задаче сохранения национальной культуры, языка, развития национального самосознания. Естественно, такие национально-культурные объединения должны быть наделены определенными правами, закрепленными законодательными актами. Они должны быть вправе: разрабатывать и представлять в соответствующие органы власти предложения о сохранении и развитии национальной культуры; содействовать организации национального краеведения, охране национальных исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев; создавать национальные клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки и кружки по изучению национального языка, общероссийские, республиканские и иные ассоциации.

В любом случае единение народов России должно базироваться на сохранении всего разнообразия национальных форм человеческого бытия, на обеспечении равных прав и возможностей для каждой нации. Ни одна национальная группа не должна иметь никаких особых прав и привилегий.

Принцип самоидентификации нации предполагает также и невмешательство администрации в сферу ее религиозной жизни (конечно, если религиозная деятельность не вступает в противоречие с правами человека). В этой связи органы власти должны обеспечивать: веротерпимость, подлинное равенство всех конфессий; поддержку миротворческой деятельности духовенства всех конфессий, поощряя их усилия, направленные на достижение межнационального согласия и сохранение целостности Российского государства; запрещение деятельности тех религиозных организаций, которые наносят ущерб физическому и духовному здоровью людей, а также дестабилизируют социально-политическую ситуацию.

Осуществляя государственную поддержку наций, национальных языков и культур, гарантируя их равноправие, русский народ вместе с тем должен осознать свою интегрирующую роль. Объективно он был и остается центром притяжения российских народов. Но важно, чтобы сами русские люди это субъективно осознавали. Конечно, они не должны претендовать на гегемонию, на роль «старшего брата». Этого положения они должны добиваться своим отношением к братским российским народам. Другое дело, что братские народы также должны понимать статус русских в союзе российских народов, понимать, что только вместе с русскими они могут быть сынами единой великой Родины — России. Развивая традиции своей культуры, народы России должны понимать высокое значение русской культуры как культуры общечеловеческой, русского языка как языка межнационального общения.

Поэтому необходимо всемерно содействовать сохранению исторического наследия общероссийской культуры, созданию в стране атмосферы уважения к ее достижениям, поддерживать и развивать многовековые традиции культурного взаимодействия, в частности, связей славянских, тюркских, кав-

казских, финно-угорских и других культур в рамках общего этнокультурного пространства.

И конечно же требуются меры по защите россиян от низкопробных образцов массовой культуры, насаждающих стереотипы поведения, глубоко чуждые национальной психологии и традициям народов России.

Нужно способствовать повышению политической культуры населения России, помогать нашим гражданам осознать цели и задачи Российского государства. В этой связи следует всячески поощрять политические и общественные объединения, организованные не по национальному или религиозному признаку, а межэтническому. Необходимо как можно чаще проводить всероссийские встречи и собрания врачей, педагогов, деятелей культуры и обсуждать на них общие для всех проблемы. В полной мере это касается и политических дискуссий с участием представителей различных партий. Органам власти необходимо более внимательно относиться к трудовым коллективам тех предприятий, на которых работают представители различных наций: усилить в них культурно-идеологическую работу, всячески способствовать пропаганде достижений общероссийской культуры, а также совместному показу культурных достижений различных этнических групп. Необходимо поддерживать различные экологические движения как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Необходимо также усилить внимание к неоднородным по этническому составу счастливым семьям, рассказывать о том, что их благополучие базируется на извечных ценностях, таких, как любовь, доверие, терпение, трудолюбие.

И конечно же, подчеркнем еще раз, эффективность политики консолидации народов России находится сегодня в прямой зависимости от роста национального самосознания русского народа. Это значит, что политика сближения народов России и политика национального возрождения русского народа должны органически сочетаться.

Этнические конфликты становятся возможными в условиях бездействия как власти, так и общественности. В этом случае на авансцену политической жизни выдвигаются экстремистские силы, стремящиеся навязать общественному сознанию психологию межэтнической вражды. Следовательно, необходимо упреждать перерастание объективно возникающих противоречий общественной жизни в конфликты и перевод их в этническую плоскость. С этой целью важно своевременно выявлять и локализовать источники напряжения, не допускать, чтобы явления социального, экономического или религиозного характера перерастали в межэтническое противостояние.

Все межэтнические противоречия и конфликты должны разрешаться органами власти и общественными организациями на правовой основе, с соблюдением законодательства РФ и региона (области).

В любом случае как в теоретическом, так и в практическом плане следует исходить из диалектического взаимодействия идеи нации и идеи свободы и прав человека и гражданина. Когда идея нации гипертрофируется, она игнори-

рует или в лучшем случае недооценивает права и свободы людей, подменяет их, по сути, мнимым национальным единством и объективно может привести к авторитаризму и тоталитаризму. Идея свободы, соблюдение основных прав людей, меры по обеспечению равных возможностей, система социальной защиты, безусловно, являются лучшей гарантией решения национально-этнических проблем, сохранения разнообразных культурных форм жизни, развития самоуправления и в конечном счете гарантий целостности государства.

Сегодня все более очевидной становится тенденция к единению народов. Вместе с тем этой тенденции противостоит политика ряда стран Запада, прежде всего США, пытающихся объективный процесс глобализации использовать в своих эгоистических интересах.

Это приводит к обострению социальных проблем, к росту социальной напряженности в той или иной стране, попадающей в сферу глобализации «по-американски»; все больше опускаются «на дно» самые бедные слои населения, средние слои также утрачивают уверенность и устойчивость, выигрывают только богатые и обслуживающие их группы населения (прислуга и ангажированные представители масс-культуры и средств массовой коммуникации). В этих условиях власть, с одной стороны, прибегает к ужесточению репрессий против обездоленных и, во-вторых, потворствует и даже разжигает ксенофобские настроения: вот-де кто виноват, что вам плохо и т.д. и т.п. В конечном счете все это оборачивается подрывом демократических институтов в данной стране.

Очевидно, что глобализация «по-американски» мешает в целом объективному и позитивному процессу сближения наций. Она, в сущности, ведет к унификации наций и к подчинению их США.

Представителям культуры некоторых небольших европейских стран (правда, не всем) исторически, и особенно сегодня, свойственна достаточно «слабая» национальная идентичность (например, Бельгии, Чехии). «Маленькая нация — это нация, знающая, что она может в любой момент исчезнуть. Француз, русский или англичанин не имеют привычки задаваться вопросами выживания своей нации. Их гимны воспевают только величие и вечность», — цитирует бельгийский литературовед Жан-Люк Утерс чешского писателя М. Кундеру, с которым он согласен. В противоположность своему французскому собрату, бельгийский писатель не цепляется за национальную идентичность, продолжает Ж.-Л. Утерс. «Если есть что-то, в чем Бельгия уверена, так это в собственной незначительности. Это дает ей несравненную свободу, здоровую непочтительность, спокойную дерзость, граничащую с легкомыслием. Муравей совершенно не стесняется ползать по ноге слона; существуют маленькие птички, находящие прокорм в открытой пасти крокодила...» Это снова цитата. Утерс цитирует в данном случае Симона Лейса, бельгийского писателя и востоковеда [7: с. 8, 9]. В этих рассуждениях есть момент истины постольку, поскольку речь идет о добровольном отказе от национальной самоидентичности в пользу построения европейского сообщества. Наряду с этим есть небольшие стра-

ны (Литва, Латвия, Эстония), которые и в рамках Европейского Союза весьма остро выражают свою национальную идентичность.

Но, безусловно, любой гражданин любой самой маленькой страны должен восстать, если культура, национальное достоинство его страны будут подавляться «сверху», если в противовес национальным истокам и традициям культуры будут насаждаться ценности других народов, других наций. Сближение и единение наций и национальных культур должно происходить в духе призыва индийского мыслителя Рабиндраната Тагора: пусть над моей страной веют ветры всех культур, лишь бы не сбивали меня с ног.

Сближение наций — сегодня и особенно в перспективе — конечно же преодолимая тенденция. Национальные перегородки падают уже сегодня. Примечательна диалектика истории: до Французской революции ни один гражданин Европы ни в какой из ее стран не чувствовал, что между государствами есть границы (Э. Бёрк). Сегодня, после эры национальных государств, по крайней мере Европа все-таки движется — противоречиво и тяжело — к «Соединенным Штатам Европы», от Европы «отечеств» к «Отечеству Европы», к «Отечеству европейских регионов». Во всяком случае, в настоящее время в Европейском союзе, по сути, сняты уже все пограничные финансовые и другие преграды для объединения.

К. Маркс и В. Ленин видели будущее человечества в объединении и даже слиянии наций (разумеется, в очень далекой перспективе). Французский философ Э. Ренан также утверждал: в нациях нет ничего вечного. У них есть начало, будет и конец. Эти мыслители были правы: человечество идет по пути сближения народов и наций.

По пути сближения народов и наций, несмотря на все противоречия и трудности сегодняшнего дня, идет и Россия. Некоторые политики и ученые считают, что сегодня есть основания говорить о российском народе как о единой нации.

Русскому народу, являющемуся стержнем Российского государства, всегда было присуще российское надэтническое сознание. В советское время тенденция к формированию советского надэтнического сознания была присуща многим народам России, и она постоянно укреплялась. Поэтому утверждения советских идеологов о формировании советского народа как единой социальной общности вполне были вполне обоснованными, а насмешки псевдодемократов по этому поводу были глупыми и клеветническими. Никто из советских руководителей и идеологов не спешил утверждать, что советский народ — это якобы уже единая нация. И после разрушения СССР в многонациональной России по-прежнему еще существует единый хозяйственный комплекс, за «спиной» народов России — их общая совместная жизнь, история, культура, общие подвиги и неудачи, общие цели и идеалы.

В любом случае идея о российском народе как о единой нации должна быть в духовном арсенале российского общества, должна быть великой перспективной задачей российских народов.

И конечно же сближение, путь к единству проходит через национальную эмансипацию, он базируется на доверии наций друг к другу, на их общих стремлениях к демократическим преобразованиям, на уважении и гарантии гражданских прав и социальной защищенности граждан, на ясном осознании гражданами необходимости трудиться и жить совместно. Только такой путь к сближению, единству наций не ведет к их унификации. Напротив, «дифференцирование» человечества в этом случае не только не уменьшается, но в миллион раз увеличивается «в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков» (В.И. Ленин).

По такому пути должны пойти и пойдут народы России.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
3. Ильин И.А. О России. М.: Российский архив, 1991. 32 с.
4. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 448 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М.: Ермак, 2003. 270 с.
6. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
7. Утерс Ж.-Л. Слабая идентичность // Иностранная литература. 2011. № 11. 288 с.
8. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992. 448 с.
9. Ясперс К. Куда движется ФРГ? М.: Международные отношения, 1969. 224 с.

References

1. Berdyaev N. Sud'ba Rossii. M.: Sov. pisatel', 1990. 346 s.
2. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991. 574 s.
3. Il'in I.A. O Rossii. M.: Rossijskij arxiv, 1991. 32 s.
4. Novgorodcev P.I. Sochineniya. M.: Raritet, 1995. 448 s.
5. Ortega-i-Gasset X. Besxrebetnaya Ispaniya. M.: Ermak, 2003. 270 s.
6. Trubeckzkoj N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazy'k. M.: Progress, 1995. 800 s.
7. Uters Zh.-L. Slabaya identichnost' // Inostrannaya literatura. 2011. № 11. 288 s.
8. Shopengaue'r A. Svoboda voli i npravstvennost'. M.: Respublika, 1992. 448 s.
9. Yaspers K. Kuda dvizhetsya FRG? M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1969. 224 s.

B.N. Bessonov

Ethnic Groups and Nations. National Relationships and National Policy

Part 2. Russian Civilization as a Special Cultural-Historical Type of Society

The second part of the article proves that Russia, Russian civilization is a special cultural-historical type of society; that the true identity of Russians and other peoples of Russian Federation in fact extends beyond the boundaries of national; it is universal under specific conditions of development of Russian history and long collaborative life of various nations and people of Russia.

Key words: Russian Federation; nation; ethnic group; nationalism; internationalism; federalism.

О.Б. Скородумова

Национально-культурная идентичность в условиях становления общества знания

В статье рассматриваются проблемы трансформации информационного общества и процессы формирования его зрелой стадии — «общества знания». Показано, что процессы нивелирования национально-культурной идентичности характерны для ранней стадии информационного общества, характеризующейся неуправляемыми потоками информации. На стадии общества знания возникает ряд факторов объективного и субъективного плана, приводящий к востребованности национально-культурных идентичностей, и в особенности русской национально-культурной идентичности, которая наиболее органично соответствует требованиям общества знания.

Ключевые слова: информационное общество; общество знания; национально-культурная идентичность; соборность; космизм; доверие.

Содержание понятия «национально-культурная идентичность» в условиях существенных социокультурных трансформаций России последних двух десятилетий рассматривается неоднозначно. Проявление кризисных явлений в России обусловлено как внутренними перестроечными явлениями, приведшими к разрушению базовых структур на экономическом, политическом и культурном уровнях, так и общемировой ситуацией, связанной с нивелирующим воздействием глобализации и общемировым экономическим кризисом. Среди имеющихся подходов можно выделить несколько точек зрения. Первая исходит из установки присутствия в отечественной культурной традиции некоторых констант, базовых ценностей и черт национального характера, которые существенно не менялись на протяжении всего исторического развития российской культуры. С точки зрения данного подхода, ни реформы Петра I, ни период строительства социализма, ни перестроечные и постперестроечные процессы не способны их искоренить. Вторая точка зрения опирается на идею возможности обретения принципиально новой идентичности, споры идут лишь о том, на какой основе она может сформироваться. Утверждение о кризисе наций и национального сознания в условиях глобализации приводит к убеждению о целесообразности разработки понятия «цивилизационная идентичность». Абсолютизация кризисных явлений и повышенное внимание к феномену субкультур стимулирует попытки определения идентичности через экстраполяцию ценностных установок и менталитета той или иной субкультуры на общество в целом. Третья точка зрения основана на постмодернистском подходе, который вводит понятие множественной идентичности. Рассматривая человека как постоянно трансфор-

мирующееся существо, отрицая наличие в его менталитете устойчивых опорных основ, постмодернистский подход отрицает возможность наличия единой идентичности.

Учитывая специфику современной информационной эпохи, целесообразно было бы рассмотреть национально-культурную идентичность через призму построения общества знания с учетом мировых тенденций универсализации и особенностей их преломления в России.

Потребность в формировании «общества знания» как высшей стадии информационного общества возникает в связи с резким повышением информационного обмена в глобальных информационных Сетях и угрозой «информационного шока» [7].

С выходом фундаментального труда М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» [5] понятие «информационное общество» прочно входит в научный и политический оборот. При рассмотрении его сущности на первый план выходит коммуникационный аспект. Именно из революционных изменений в сфере коммуникации выводятся и изменения в социуме и его культурной составляющей.

Главный акцент делается на информационные Сети, которые связывают пользователей и могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства, структуру общества и личности. Формирование единой информационной инфраструктуры в связи с развитием процессов глобализации рассматривается как базовая основа для построения информационного общества [2].

Потоки информации в глобальной Сети Интернет рассматриваются, исходя из принципа распределенной Сети, которая по своей структуре аналогична понятию «ризомы» в постмодернизме. С точки зрения постмодернистской парадигмы информационное общество представляет собой реализацию основных тенденций развития человечества, обусловленных крушением ценностей модерна. Одной из базовых тенденций является деконструкция структур традиционного общества, которая приводит к децентрализованности социальных структур, разрушению иерархической системы ценностей, ризомному характеру социальных связей, нивелированию культурно-национальной идентичности. Деконструкция социума, с точки зрения постмодернизма, связана с переходом от индустриального капиталистического общества к постиндустриальному, информационному или метакapитализму. В этом обществе информация, связанная с созданием, воспроизведением и хранением смыслов, приобретает решающую роль. Формой хранения информации является «симулякр» как модель реального объекта или события. Современный человек теряет связь с реальным миром. Он живет среди моделей-симулякров. В результате противоположность настоящего и искусственного исчезает. В политике благодаря репродуцированию идеологий снимается различие между правым и левым, в науке — между истинным и ложным. Средства массовой информации «охотятся за сенсациями» или искусственно их создают. В предшествующих типах общества имела вера — сначала религиозная, потом науч-

ная, — которая давала представление о конечной цели. В информационную эпоху технологическое развитие привело к тому, что внимание ученых переключилось с целей на средства. Не поиск истины, а решение статусных проблем, борьба за финансирование определяют развитие науки. Меняется и человек. Выбор ценностей зависит от воли случая, что стирает все критерии в различии прекрасного и безобразного, истинного и ложного, доброго и злого. Проводится аналогия с квантовым миром: так же как в соответствии с принципом неопределенности В. Гейзенберга : невозможно идентифицировать квантовый объект в качестве либо частицы, либо волны, так и в современном мире нельзя определить, что — ценность, а что — ее антипод. Оказавшись в ситуации, когда «приемлемо все», человек теряет ориентиры. И на психологическом, и на биологическом уровне он не в состоянии решать, что для него хорошо, а что плохо.

Постепенно в исследованиях современного общества осознается тот факт, что деструктивные явления во многом связаны с неуправляемыми потоками информации. С точки зрения постиндустриалистского подхода оценивается только количественный рост информационных потоков. Подобного рода подход к информации своими истоками имеет теорию К. Шеннона, в которой ученый отвлекался от ценности и смысла информационного сообщения, передаваемого по каналам связи. Для постмодернистов также характерен отказ от иерархии ценностей, которые они относят к пережиткам метафизики. Информация рассматривается как коммуникация — интерактивный обмен символами. При таком подходе характер активности в информационном обществе определяется не содержанием информации, а ее операциональностью. Более информированный человек не тот, кто больше знает, а кто участвует в большем числе коммуникаций. В современном обществе информация превращается в своеобразного идола. Поскольку коммуникация является мотивом деятельности, количество транзакций лавинообразно растет. Один из современных исследователей коммуникационных процессов Д. Иванов определяет информацию как коммуникацию, операцию трансляции символов, побуждающую к действиям [3]. Базовой технологией в рамках компьютерной революции стал Интернет. По мнению исследователя, в глобальной Сети Интернет не создается никакого знания: трансляция является самоцелью. Это приводит к засилью рекламы, направленной не на представление реальных свойств товара, а активизацию аффективной составляющей психики потребителя. Манипулирование знаками, символами становится одним из видов профессиональной деятельности. Имиджевые образы замещают реальных людей, социальное программирование и манипулирование сознанием становятся одним из определяющих видов деятельности. Широкое использование симуляционных технологий приводит к формированию нового вида реальности — виртуальной. Развитие новых информационных технологий идет по пути не столько увеличения разнообразия функций, сколько по пути совершенствования визуальных и звуковых эффектов. С помощью изоэкранный компьютерной графики симулируются институциональные формы товарного обмена. Обмен превращается из технической

операции в разновидность экономического взаимодействия с использованием социальных ролей покупателя и продавца. Это приводит к появлению виртуальных магазинов, создающих видимость институционального обмена. Происходит виртуализация реальных социальных взаимодействий, которая проникает даже в такую традиционную сферу, как религиозные отношения. Возникают виртуальные приходы, общение священника и прихожанина осуществляется в виртуальной среде. По мнению Д. Иванова, интенсивное использование технологий виртуальной реальности приводит к замещению социальной реальности ее компьютерными симуляциями.

Насыщенные информационные потоки, знакомство с проявлениями национально-культурных идентичностей разных планов создают предпосылки и возможности для трансформаций социально-культурной идентичности и даже для своего рода «игры в идентичность». Одной из сущностных особенностей информационного общества является значимость включенности в информационные потоки. Если Новое время осознавало себя, исходя из принципа всеобщего сомнения Р. Декарта, из которого вытекало: «Мыслю, следовательно, существую», то современный человек определяет себя своей включенностью в коммуникационный процесс: «Если я общаюсь, то я есть». «Возникают конкретные идиосинкразии, «дискурсы идентичности», утверждающие свой смысл на фоне немаркированного пространства всех иных возможностей смысла и одновременно высвечивающие антагонизмы, определенные тонким лучом специфических отклонений глобального означивания современного общества» [7: с. 72]. Новые информационные технологии позволяют формировать виртуальные личности, в которых социокультурная идентичность создается как некая заданная модель.

Принципиально меняется трактовка сущности человека и его личности. Организующим принципом культурной жизни человека современности становится принцип трансформации. Игровая деятельность пронизывает все сферы культурной жизни. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем более раскрепощена психика. Психика, освобожденная от традиционных запретов, получает возможность реализовать себя самым невероятным образом. Возникает новый тип сознания, где подобно вспышкам молнии интуитивные озарения переплетаются с догадками разума, наука включает в себя элемент религиозного мировоззрения, а религия пользуется данными науки, произведения высокой культуры мирно существуют рядом с массовой. Конструирование действительности становится основополагающим свойством человека. Не случайно самой популярной игрушкой детей конца XX века является трансформер. В отличие от человека традиционной культуры, «новый человек» теряет ценностную стержневую основу. Возникает так называемый «феномен Протея». Жизнь человека превращается в калейдоскоп образов, в набор ролей, им же самим и созданных. «Вживание в образы» позволяет имитировать различные социокультурные идентичности. При этом происходит распад целостности личности: она удваивается, утраивается, становится

множественной и в этом состоянии перестает быть личностью. Новые информационные технологии дают одинаковую возможность проявить себя и как личности, и как «маске». Все зависит от того, какую мировоззренческую систему мы принимаем. Таким образом, идентичность определяется особенностями процесса коммуникации. Он задает условия, какие особенности той или иной идентичности будут востребованы. Именно эту условность идентичностей отмечает Н. Луман в своих исследованиях: «Уже невозможно придерживаться того, что идентичности, будь они субъекты или объекты, в их бытии предшествуют времени. Напротив, они конструируются и воспроизводятся внутри времени, и всегда в настоящем, с тем, чтобы на некоторое время породить временные связи, которые выступают опосредующим звеном между крайне различающимися временными горизонтами: прошлым (памятью) и будущим (осцилляциями во всех релевантных для наблюдения различиях)» [7: с. 161]. Привязка к национальному в виртуальном мире коммуникаций перестает быть связанной с происхождением. «Национальность» определяется субъектом коммуникационного процесса. Он может менять ее в зависимости от стоящих перед ним задач и просто по собственной прихоти. Привязки к телесности, определенному «национальному» облику в виртуальном мире, теряют свое значение. Любой облик может быть задан по желанию субъекта. Остаются только мировоззренческие идентификаторы; выдвижение тех или иных идей, принятие ценностей, использование языковых выражений, но они жестко не закреплены за субъектом и могут им варьироваться.

Осознание нарастания деструктивных процессов в информационном обществе стимулировало поиск путей оздоровления современного социума. Один из вариантов — переход от информационного общества к «обществу знания». Анализ современной эпохи и обоснование необходимости перехода к «обществу знания» был дан во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) [4]. Количественный подход к информации как ценностно-нейтральной привел к ее лавинообразному росту, что в свою очередь породило ситуацию «информационного шока». Знания в отличие от информации представляют собой сведения о закономерностях изменения состояния отражаемых объектов внешнего мира. Это прежде всего отобранные, упорядоченные и ценностно-ориентированные сведения, которые дают возможность осуществлять анализ и прогнозирование.

В связи с этим возникает потребность в возрождении национально-культурной идентичности. Эта потребность детерминирована рядом объективных и субъективных факторов, обуславливающих развитие зрелого информационного общества. Среди них: тенденции, связанные с переходом от массового производства к удовлетворению индивидуальных потребностей человека; необходимость учета национально-культурных особенностей при разработке технологий общения человека и компьютера; освоение виртуального пространства путем моделирования идентичностей и др.

Если говорить о русской национально-культурной идентичности, то многие из ее характерных черт, связанные с традициями общинности и соборности, востребованы логикой развития информационного общества. На это обращает внимание один из известных мыслителей современности Ж. Аттали [1]. По мнению Аттали, глобальный экономический кризис, охвативший наиболее развитые страны мира в 2008 году, привел к осознанию краха индивидуалистических западных ценностей и востребованности новых коллективистских ориентиров уже в масштабах всего мира. «Сегодня либеральная идеология — на службе ничтожного меньшинства, особенно если учесть, что в конце 2008 года, как, впрочем, и в предыдущие годы, 10 млрд. долларов пошли на бонусы банкирам. А ведь она должна отражать интересы самых бедных людей и будущих поколений! Демократия и рынок — в опасности. Нынешняя ситуация напоминает эпоху падения Римской империи, которая продлилась более трех столетий и повлекла за собой тысячелетие полного «мирового беспорядка» [1: с. 129]. Анализируя причины кризиса, Ж. Аттали отмечает, что их нельзя объяснить ни классовыми противоречиями, ни ссылками на объективный характер глобализации или с помощью субъективистского подхода о наличии «заговора Вашингтона». Действительными причинами кризиса, по Аттали, является углубление социального неравенства, разрыв между богатством и бедностью и формирование особой группы людей — финансово-экспертной олигархии (в его терминологии «посвященных»), которая владеет данными аналитической информации и манипулирует ими в спекулятивных целях. В своем стремлении в быстрому и неконтролируемому обогащению, не подкрепленному реальными трудовыми затратами, «посвященные» не знают границ. «Посвященные» — не наемные работники и не инвесторы. Обычно это посредники, которые присваивают себе основную часть национального достояния, созданного благодаря технологическим и финансовым инновациям. В современном мире они важнее, чем держатели капитала, поскольку владеют временной рентой (информацией) и извлекают из нее доход. Больше всего «посвященных» в Соединенных Штатах. Однако по определению они — «граждане финансового мира» [1: с. 140]. С точки зрения Аттали, для «посвященных» характерна «апология личной свободы», а такие понятия, как «верность», «долг», «совесть», «альтруизм», полностью отсутствуют. Опасность состоит в том, что данные ориентиры прививаются и внедряются в массы. Формируется установка, что все ненадежно, непрочно, обратимо, следовательно, нужно жить интересами одного дня. Правовое пространство становится фикцией. Возникает глубокое противоречие между рынком и демократией.

Ж. Аттали считает, что в силу глобального характера современных экономических процессов отдельному государству вряд ли удастся обуздать аппетиты финансовой олигархии. Необходимы независимые контрольные органы в мировом масштабе. Сам по себе рынок разрушителен. «Мы имеем дело с чистым рынком — антисоциальным, непродуктивным и несправедливо распределяющим ресурсы. Такова реальность! Поскольку мы не знаем, как

создать необходимое правовое поле, расширяется зона бесправия. Пышным цветом расцветает незаконная и криминальная экономика» [1: с. 144]. Независимая контролирующая система общемирового масштаба, по мнению Ж. Аттали, могла бы обеспечить равный доступ граждан к информации, создать эффективную правовую систему и контролирующую ее исполнение структуры. При этом возникает потребность в новом мировоззрении, основанном на принципе доверия. Сам характер развития новых информационных технологий и связанных с ними экономических структур — электронной коммерции, бизнеса по требованию и т.п. требует доверия как базовой характеристики общества в глобальном плане. Объективное повышение рискованного характера экономической и социальной жизни требует коллективной ответственности, основанной на прозрачности отношений и доверии. В этом плане русская философская традиция, в частности космизм, может дать миру новую систему ценностных ориентаций, наиболее органично созвучную потребностям общества знания как высшей стадии информационного общества.

Литература

1. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб.: Питер, 2009. 176 с.
2. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество. СПб.: Питер, 1999. С. 67–101.
3. *Иванов Д.* Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С. 355–428.
4. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 231 с.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. *Луман Н.* Самоописания. М.: Логос, 2009. 320 с.
7. *Торфлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.

References

1. *Attali Zh.* Mirovoj e'konomicheskij krizis... A chto dal'she? SPb.: Piter, 2009. 176 s.
2. *Draker P.* Postkapitalisticheskoe obshhestvo. SPb.: Piter, 1999. S. 67–101.
3. *Ivanov D.* Obshhestvo kak virtual'naya real'nost' // Informacionnoe obshhestvo. M.: AST, 2004. S. 355–428.
4. K obshhestvam znaniya. Vsemirny'j doklad YuNESKO. Parizh: YuNESKO, 2005. 231 s.
5. *Kastel's M.* Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo, kul'tura. M.: GU VShE', 2000. 608 s.
6. *Luman N.* Samoopisaniya. M.: Logos, 2009. 320 s.
7. *Toffler Eh.* Shok budushhego. M.: AST, 2008. 560 s.

O.B. Skorodumova

**National and Cultural Identity
in Terms of the Formation of a Knowledge Society**

The article considers the problems of transformation of an information society and processes of formation of its mature stage — a «knowledge society». It is shown that the processes of leveling national and cultural identity are characteristic of early stages of an information society that characterized by uncontrolled information flows.

At the stage of a knowledge society there are a number of factors both objective and subjective nature leading to the relevance of national and cultural identities, and, in particular, a Russian national and cultural identity which is the most organically meets to the requirements of a knowledge society.

Key words: information society, knowledge society, national-cultural identity, sobornost, cosmism, confidence

А.Д. Тысячина

Современное «цивилизованное» варварство как форма регресса общества

Варварство рассматривается в данной статье как одно из проявлений регресса, как оборотная, неизбежная сторона цивилизации; вскрывается механизм варварства.

Ключевые слова: варварство; цивилизация; принцип энантиодромии; *hybris*; персона; тень.

В данной статье варварство рассматривается как одно из проявлений регресса, не как «доцивилизационные этапы развития», а как «внутреннее варварство», как оборотная, неизбежная сторона цивилизации, как один из видов регресса.

Очень точно суть современного варварства выражена у М. Мамардашвили: В XX веке, «на фоне нашей истории появился особый феномен элементарных форм жизни, породивший систему тотального действия». Это происходит, когда общество лишается «мускулов» (формализованное право, формализованные механизмы этики), и формируются «социальные отношения, которые полностью определяются борьбой за выживание» [5: с. 322–323]. Питирим Сорокина данный процесс определяет как переход от идеациональной суперсистемы к чувственной через краткий период идеалистической. То есть переход (отказ) от высших (абсолютных) ценностей в пользу относительных. В итоге чувственные этика и право в итоге закономерно вырождаются в «право сильного». То есть происходит фактически полный отказ от «золотого правила нравственности» в пользу «права сильного».

В современной отечественной литературе можно указать две значительные работы, посвященные проблеме современного варварства: А.А. Кара-Мурза «“Новое варварство” как проблема российской цивилизации» и Н.В. Мотрошилова «Цивилизация и варварство в современную эпоху».

А.А. Кара-Мурза предлагает вместо понятия «регресс» использовать более уточняющее понятие — «социальная деградация» («новое варварство»), которое наступает тогда, когда на историческую арену выходит «непродуктивный индивид», бесконтрольно транжирящий «жизненную энергию» социума [3: с. 9, 10, 21]. Социальная деградация (новое варварство) — процесс самоуничтожения общества — более характерна для западных обществ, цивилизаций и связана с динамизмом, с индивидуализмом, с противопоставлением личности обществу, в то время как восточные общества, с их коллективизмом, консерватизмом, патриархальностью, значительно более устойчивы и защищены от социального распада.

Как пишет Н.В. Мотрошилова, только в XX веке в философии и социологии нашел общее признание следующий тезис: «Варварство является не чем-то внешним по отношению к цивилизации, а оборотной ее стороной, неустранимым полюсом многих ее противоречий» [6: с. 95].

Процесс варваризации связан со все большим вытеснением городской цивилизацией, с ее материальными ценностями и благами, традиционной культуры с ее акцентом на традиционно-нравственные ценности. С этим процессом связано появление определенного типа людей — «человека массы», подробный анализ которого дан в работе Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», а также в работах О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, Ф. Ницше, Я. Буркхардта, Й. Хейзинга, К. Ясперса, А. А. Зиновьева, А. Печчеи, Н.Н. Моисеева, И.В. Бесстужева-Лады и др.

Итак, каков же механизм варварства?

Приведем цитату одного из немецких исследователей: «Именно потому, что общество модерна делает акцент на процессе цивилизования, потому что в нем (после вытеснения варварства, имевшего место до модерна) его рациональность понималась как господство над миром, как инструментальный разум, — именно поэтому общество модерна не имеет иммунитета против негуманности и варварства. Надломы цивилизации с самого начала в качестве возможностей заложены в процессах рационализации и бюрократизации эпохи модерна» (Miller M., Soeffner H.-G. *ModenitKt und Barbarei. Einleitung // Modenit und Barbarei. Soziologische Zwiitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. Fr./M., 1996. S. 12–27*) (цитируется по: [6: с. 97–98]).

О подобных вещах предостерегали еще древние греки, в частности, Софокл в своих трагедиях.

Здесь действует принцип энантиодромии, сформулированный К.Г. Юнгом вслед за Гераклитом. Согласно этому закону «рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение». Поэтому «человек не должен идентифицировать себя с самим разумом»... «Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности» [11: с. 88]. Но за это приходится расплачиваться взрывом варварства.

Современная глубинная психология также подтверждает и вывод А. Тойнби о том, что причины надломов и гибели цивилизаций зависят не от внешних причин, а собственных неконтролируемых человеческих страстей, от «hybris'а». Это древнегреческое понятие более широкое, чем гордыня. Это человеческое качество. Не просто нарушение правил, норм, а выход за крайние пределы этих норм, когда дальше уже пойти нельзя. Обратного хода уже нет. То есть когда человек (или общество) считает, что ему одному все позволено, когда остальные (люди, общества, природа) становятся средствами для достижения цели.

Hybris, несомненно, является причиной таких проявлений варварства, как экологический кризис и коррупция.

Широкое внимание к проблемам экологии, как известно, привлекла деятельность Римского клуба, особенно опубликованный им доклад «Пределы роста» в 1972 году. То есть из самого названия следует, что экологический кризис связан с беспределом (*hybris*). Выход за пределы связан с таким ростом, который в определенный момент абсолютно выходит из-под контроля. Растут и экономика, коррупция и частично насилие.

Характеризуя современное российское варварство как наследственную отсталость, Н.В. Мотрошилова первой причиной называет коррупцию, для которой характерна, в частности, такая черта, как тотальность (от самых мелких до самых высоких чинов). Совершенная технология сокрытия доходов, полученных незаконным и/или преступным путем; абсолютное недоверие населения к власти и уверенность, что отдельные честные граждане, попавшие туда, не способны противостоять этой системе; и, наконец, то, что «правлящая партия, заявляя о нетерпимости к коррупции, терпит ее во власти и сама в ней в какой-то мере участвует» [6: с. 207].

Также проявлением варварства следует считать бесчеловечное отношение друг к другу. Именно «в отношении человека к другому человеку... главный водораздел между цивилизованностью и варварством» [6, с. 75]. Поэтому показателем цивилизованности или варварства является то, насколько люди соотносят свое поведение с золотым правилом нравственности: «Не поступай с другими так, как ты не хотел, чтобы поступали с тобой», которое возникло в разных цивилизациях в «осевое время». Следовательно, разгул преступности напрямую связан с процессом варваризации.

Война же, тем более мировая, есть квинтэссенция варварства. Потому что война — всегда прямое физическое уничтожение материальных носителей культуры и цивилизации, а главное, гибель огромного количества людей, которые являются живыми носителями культурных ценностей, духовного опыта, знаний, умений, навыков, ментальности, то есть всего того, что передается только через общение. Война приводит к уничтожению огромного количества людей и соответственно если не к прерыванию культурной традиции, то к ее обеднению.

Большинство исследователей считают апофеозом варварства в XX веке обе мировые войны, особенно Вторую мировую войну.

Теперь рассмотрим те психологические аспекты, механизмы которых делают войну возможной.

В результате чего граждане высокоразвитых цивилизованных государств вдруг с такой ненавистью начинают истреблять друг друга?

Э.М. Ремарк очень точно описал данную ситуацию в романе «На Западном фронте без перемен», когда ученики выпускного класса гимназии во время Первой мировой войны, в большинстве своем образованные и тонко чувствующие юноши, подвергнутые «промыванию мозгов» своим классным наставником, всем классом записались на фронт. И то, как уже на фронте к ним пришло понимание ужаса и ненужности этой кровавой бойни.

Вторая мировая война — это, по существу, столкновение между двумя основными силами — Германией и СССР. Оба государства являлись тоталитарными. Как пишут многие авторы, например, Н.А. Бердяев, Э. Фромм и другие, именно психология фанатизма, то есть безоговорочное признание только какой-либо одной идеи (политической, национальной и т.д.), неизбежно ведет к войне, которая представляет собой также и одну из предельных форм господства общества над личностью.

Такое становится возможным при наличии совершенного механизма создания образа врага, как внутреннего, так и внешнего, который и будет рассмотрен ниже. Исследование этого механизма очень важно, так как характеристикой настоящих (во временном контексте) доцивилизационных варваров считается противопоставление на «своих», которых надо защищать, и «чужих», которых надо убивать.

Э. Фромм, исследуя природу человеческой агрессивности, пишет, что, в отличие от людей, у животных агрессия является чисто инстинктивным явлением, направленным на сохранение жизни, и при достижении цели агрессия исчезает. «Однако человек, обладающий даром предвидения и фантазии, реагирует не только на сиюминутную угрозу, но и на возможную опасность в будущем, на свое представление о вероятности угрозы. ... “Вычисление грозящей опасности” — одна из главных задач политиков и военачальников. ... То есть чаще всего человек выдает агрессивную реакцию на свой собственный прогноз» [8: с. 241–242].

Классическим примером агрессии является поведение Креонта в «Антигоне» Софокла, запретившего под страхом смертной казни похоронить труп Полиника, что является нарушением одного из самых незыблемых установлений, и божественных и человеческих, по отношению к умершим. И все его дальнейшее поведение иначе как фанатичным не назовешь. А фанатизм, по определению К.Г. Юнга, — «это признак подавленного сомнения» [12: с. 106]. Это типичное поведение всех тиранов и вождей.

Фанатизм проявляется как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Таким образом, фанатизм — как подавление сомнения — это первый этап формирования механизма создания образа врага.

Как часто любят говорить начальники различных рангов сомнение — это роскошь. На самом деле сомнение — это первый шаг личности на пути принятия индивидуальной ответственности.

Э. Фромм определяет фанатизм как характерную черту группового нарциссизма, который в свою очередь «представляет собой один из главных источников человеческой агрессивности». При групповом нарциссизме, уровень которого прямо пропорционален реальной неудовлетворенности жизнью, человек полностью отождествляет себя с той или иной группой и принимает ее идеологию, что дает ему ощущение уверенности, особенно тому, кто сам по себе несостоятелен [8: с. 251]. Описывая реалии нацистской Германии, К.Г. Юнг говорит о гражданах, пропитанных «духом слепого повиновения... у которых чувства личной от-

ветственности вытеснены окостеневшим чувством долга» [10: с. 85]. То же самое было характерно и для СССР периода сталинского режима.

Следовательно, второй этап формирования механизма создания образа врага — трансформация народа в массу, для которой характерно отсутствие чувства личной ответственности, заменяющегося на повышенную внушаемость и подчиняемость.

Дальше имеет смысл воспользоваться понятиями К.Г. Юнга: персона и тень.

Персона — «это совокупность конвенциональных установок, которые индивид усваивает в силу того, что принадлежит к определенным группам» (профессиональным, социальным, политическим и т. д.). Но самые жесткие и потому наиболее опасные проявления персоны связаны с национальными, социальными и расовыми предрассудками [9: с. 354]. Сам К.Г. Юнг определяет персону как «компромисс между индивидом и обществом в споре о том, «как должен выглядеть тот или иной человек» [11: с. 183].

Тень — это «сумма тех специфических личных особенностей, которые индивид хочет скрыть от других и от самого себя. Но чем более он старается их скрыть, тем более шансов, что тень может стать активней и разнузданней» [9: с. 354]. Здесь действует закон энантиодромии.

Опасность заключается в двух моментах. Первое — когда человек старается максимально слиться с персонею, утрачивая многообразие своего подлинного «Я», что делает его психологически ригидным (крайним фанатиком). Второе — проекция тени вовне, когда «индивид видит свои собственные темные черты отраженными в другом человеке, которого он, возможно, неосознанно избирает в качестве козла отпущения» [9: с. 354]. В итоге возникает полный спектр чувств от непонимания до необъяснимой (иррациональной, бессознательной) ненависти.

При анализе тоталитарного общества, охваченного идеей создания «нового человека», где инакомыслие вытравлено, вполне допустимо использовать понятия «коллективная персонея» и «коллективная тень». В фашизме (германском) — национально-расовое коллективное выражение персоны, где коммунисты, евреи, прочие неполноценные категории людей (душевнобольные и т. д.) и неполноценные народы — как результат проекции собственной тени вовне. В сталинизме — классово-политическое, социальное коллективное проявление персоны. Как считает П. Рикер, политические проблемы возникают тогда, когда в литературно-исторической традиции различных народов «подчеркиваются только слава и величие (персонея. — Т.А.) или унижение (тень. — Т.А.) того или иного народа» [7: с. 112].

Третьим этапом является процесс подавления и проецирования тени. Он является последним этапом создания совершенного механизма формирования образа врага, как внешнего, так и внутреннего. К. Лоренц называет данный процесс «псевдовидообразованием». Темной стороной этого процесса он считает нетерпимость к святыням других культур, иным групповым ценностям [4: с. 113].

Таким образом, во избежание варваризации, и здесь трудно не согласиться с К.Г. Юнгом, главная война, которую человек должен вести, — это борьба с собственной тенью. Когда человек все время занят борьбой с собственной тенью (то есть занят самопознанием и саморазвитием), у него не возникнет желание вражды с соседом, соседом соседа и т.д.

Но механизм формирования образа врага неизменно присутствует в арсенале большинства политиков. В частности, Г. Зинн приводит высказывание критика общественного строя 1920-х годов Г.Л. Менкена: «Единственная цель практической политики заключается в том, чтобы поддерживать в населении постоянный уровень тревоги с помощью бесконечного ряда пугал, причем все они являются воображаемыми». А политику (методы правления) президента Б. Клинтона и его предшественников-республиканцев Г. Зинн характеризует так: «Они старались сохранить власть, направляя гнев граждан против групп, которые не могли защитить себя» [2: с. 792]. Данные методы в той или иной степени выраженности используются в любом цивилизованном обществе. Как пишет И. Валлерстайн, в период «холодной войны» между СССР и США, «позволялось» и «поощрялось» «наращивать громкость взаимных обвинений». Нейтральная же позиция считалась «аморальной» [1: с. 173].

Проанализировав механизм формирования образа врага, можно сделать следующий вывод.

Первым этапом является подавление сомнения; вторым — превращение народа — в массу; третьим — подавление и проецирование тени как нежелания и/или неспособности признать в себе собственные темные (злые, агрессивные) качества. Сначала происходит формирование образа внутреннего врага. А так как враг должен быть уничтожен, то следующим этапом является формирование образа внешнего врага. Следовательно, этот процесс бесконечен. И единственное средство против него — борьба с собственной тенью. И здесь мы снова возвращаемся к сократовскому «Познай самого себя», к проблеме обуздания человеком своего *hybris*'а.

Hybris, несомненно, является причиной таких проявлений варварства, как экологический кризис, коррупция, бесчеловечное отношение людей друг к другу.

Следовательно, чем активнее использование в политике какого-либо общества механизма формирования образа врага, особенно процесса подавления и проецирования тени, тем основательнее утверждение о варваризации данного общества.

Поэтому любая крупная война, а тем более мировые войны, является квинтэссенцией варварства, так как, повторяем, приводит к уничтожению огромного количества людей и соответственно если не прерыванию культурной традиции, то к ее обеднению.

Итак, варварство — неизбежная сторона цивилизации. Варварство можно назвать, пользуясь терминологией К.Г. Юнга, тенью цивилизации.

Литература

1. *Валлерстайн М.* После либерализма: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней: пер. с англ. М.: Весь мир, 2006. 880 с.
3. *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 264 с.
4. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: РИМИС, 2009. 352 с.
5. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя // Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
6. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.
7. *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. (Московские лекции и интервью): пер. с фр. М.: «КАМИ», Издательский центр «ACADEMIA» 1995. 160 с.
8. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности: пер. с англ. Мн.: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
9. *Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Ч. 2. СПб.: Изд-во Янус, 2004. 668 с.
10. *Юнг К.Г.* Борьба с тенью // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1995. № 6. С. 82–87.
11. *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного: пер. с англ. 2-е изд. М.: «Когито-Центр», 2010. 352 с.
12. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб.: МЦНК и Т «Кентавр» Институт Личности ИЧП «Палантир», 1994. 136 с.

References

1. *Vallerstajn M.* Posle liberalizma: per. s angl. M.: Editorial URSS, 2003. 256 s.
2. *Zinn G.* Narodnaya istoriya SShA: s 1492 goda do nashix dnei: per. s angl. M.: Ves' mir, 2006. 880 s.
3. *Kara-Murza A.A.* «Novoe varvarstvo» kak problema rossijskoj civilizacii. M.: IF RAN, 1995. 264 s.
4. *Lorenz K.* Agressiya (tak nazy'vaemoe «zlo»). M.: RIMIS, 2009. 352 s.
5. *Mamardashvili M.K.* Neobxodimost' sebya // Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki / Pod obshh. red. Yu.P. Senokosova. M.: Labirint, 1996. 432 s.
6. *Motroshilova N.V.* Civilizaciya i varvarstvo v sovremennuyu e'poxu. M.: IF RAN, 2007. 268 s.
7. *Riker P.* Germenevtika. E'tika. Politika. (Moskovskie lekicii i interv'yuu): per. s fr. M.: «KAMI», Izdatel'skij centr «ACADEMIA» 1995. 160 s.
8. *Fromm E'.* Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti: per. s angl. Mn.: ООО «Popurri», 1999. 624 s.
9. *E'llenberger G.F.* Otkry'tie bessoznatel'nogo: istoriya i e'volyuciya dinamicheskoy psixiatrii. Ch. 2. SPb.: Izd-vo Yanus, 2004. 668 s.
10. *Yung K.G.* Bor'ba s ten'yuu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VII. Filosofiya. 1995. № 6. S. 82–87.

11. *Yung K.G.* Ocherki po psixologii bessoznatel'nogo: per. s angl. 2-e izd. M.: «Kogito-Centr», 2010. 352 s.
12. *Yung K.G.* Analiticheskaya psixologiya. SPb.: MCzNK i T «Kentavr» Institut Lichnosti IChP «Palantir», 1994. 136 s.

A.D. Tsyachina

**The Modern «Civilized» Barbarity
as a Form of Regression of Society**

In the article barbarism is considered as a manifestation of regression, as the reverse and an inevitable side of civilization. The mechanism of barbarism is revealed in the article.

Key words: Barbarism; Civilization; principle of enantiodromia; hybris; person; shadow.

П.М. Анкудинова

**«Этика заботы»:
женский социокультурный опыт
на страже нравственности**

В статье анализируются результаты тридцатилетнего развития нового этического направления, возникшего в русле феминистического движения на Западе. Малоизвестное в России, на Западе оно распространило свое влияние на социально-правовую сферу, экономику, медицину и образование. Безусловный интерес представляет собой как теоретическое обоснование «женского опыта» восприятия реальности, так и практический аспект реализации идей.

Ключевые слова: этика заботы; женская этика; феминизм.

«Этика заботы», известная также как «этика любви», «этика ответственности», «женская этика», возникла сравнительно недавно. Ее появление связано с развитием феминистического движения в 60-х годах прошлого столетия и новой волной интереса к философии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Именно представители неомарксистского крыла феминизма обратили внимание на то, что при объективном существовании двух основных производств человечества — промышленного и репродуктивного — второму в обществе уделяется много меньше внимания. Стоит заметить, что процесс воспроизводства людей не ограничивается их появлением на свет, каждого человека еще необходимо вырастить и воспитать, затратив большое количество энергии, качественный характер которой не был ранее определен. Эти затраты энергии, как правило, не учитываются обществом, а следовательно, не особо ценятся, мало оплачиваются или не оплачиваются вовсе. Позднее эту энергию обозначили термином «забота», а теоретическое направление, изучающее моральные аспекты этого явления, стало называться «этикой заботы».

Очень интересен, на мой взгляд, и сам факт появления «этики заботы» в русле феминистического движения. Феминистки конца XIX – начала XX века боролись за право осуществлять свой выбор наравне с мужчинами, одевались в мужское платье и осваивали мужские профессии. Постепенно пришло осознание того, что,

отстояв равные права с мужчинами, женщины не перестали жить в обществе, которое построено по законам, учитывающим только мужской опыт восприятия действительности. Конец XX – начало XXI века ознаменовался возникновением новой теории, призванной помочь женщинам отстоять свое право говорить «другим голосом», право на «женственность», уважение и признание специфического опыта, соотнесение с ним общественной жизни и морали.

В то же время следует признать, что в общественном сознании уже закрепился негативный образ феминистки в виде мужеподобной женщины, требующей гендерного равенства и разрушающей семью как символ патриархального домостроя. Как же идеологически отличаются от него рассматриваемая нами концепция и ее создатели!

На данный момент прошло уже тридцать лет со времени публикации работы Кэрол Гиллиган «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» (1982). Именно она вызвала широкое обсуждение женского опыта взаимодействия с окружающим миром и его этической составляющей. Джоан Тронто, Сарра Раддик, Нэл Ноддингс, Элиссон Джагар, Ева Киттай, Грейс Клемент и другие исследователи внесли весомый вклад в развитие новой этической теории, каждый по-своему рассматривая различные аспекты «заботы». Добавили свои акценты и ученые, описавшие опыт женщины в его расовом и культурном разнообразии: Патриция Вильямс, Элизабет Спилман, Ума Нараян, Патриция Коллинз. Результаты этой многоплановой работы нашли широчайшее применение и оказались уместными не только в отношении так называемых частных областей семейства и дружбы, в которых первоначально рассматривалась «забота», но и в медицинской и законодательной практике, организации общества, политической жизни и международных отношениях.

Надо сказать, что термин «забота», равно как и «этика заботы», по сей день вызывает нарекания в научном сообществе. Причиной тому — достаточно длительное формирование самого понятия «забота», а также тот факт, что изначально «этика заботы» развивалась в русле других этических концепций и даже считалась одним из видов «этики достоинства».

Существует множество определений «заботы», но в целом ее можно охарактеризовать как отношение, выраженное в чутком внимании к чувствам, потребностям, желаниям тех, кому оно адресовано, мыслям о них. Это специфическое отношение опекающих является более интуитивным, нежели объективно-аналитическим, в принятии потребностей других больше сочувствия, чем рационального понимания. «Заботу» можно назвать творческим подходом к делам семейным, к ведению домашнего хозяйства, охране детства и к образованию вообще. Что же касается сферы экономики, то здесь «забота» рассматривается как «необходимый интерес к другому» или «мотивированное отношение», которое, по мнению феминисток, должно поощряться обществом и получать щедрое финансирование.

Феминистки давно имели претензии к доминирующим этическим теориям, считая их неадекватными реальному положению вещей, абстрактными,

выражающими и пропагандирующими исключительно мужской способ взаимодействия с реальностью, относительно которого женщина представляется более слабым в моральном отношении существом. Представители «этики заботы» предложили множество альтернатив, мозаику самых разнообразных взглядов по этому вопросу. В этом этическом направлении можно выделить ряд особенностей. Его исследователь Вирджиния Хелд говорит о пяти [2].

Первой особенностью «этики заботы» является то, что предметом ее изучения является сфера, где происходит встреча интересов и потребностей индивида с интересами и потребностями других, за которых он берет ответственность. Важность исследования этой области обусловлена тем, что в течение достаточно длительных периодов в своей жизни человек находится в беспомощном состоянии и нуждается в опеке окружающих: младенчество и детский возраст, периоды болезни и старческая немощь. Многие годы кто-то должен заботиться об иждивенце, осуществляя реализацию его интересов. Это уже является веским аргументом в пользу того, чтобы не относить заботу к царству «вне этики».

Вторая особенность «этики заботы» состоит в том, что она не выводит эмоцию за пределы этического рассмотрения, как это характерно для доминирующих рационалистических подходов, где эмоции рассматриваются в качестве эгоистического проявления личности, подрывающего универсальные моральные нормы.

Представители «этики заботы» в принципе не склонны рассматривать этику как свод рекомендаций, т.е. указаний на то, что было бы нравственно лучше для нас в той или иной ситуации. Они настаивают на том, что существует ряд эмоций, в которых изначально присутствует моральный компонент. Таким примером могут служить симпатия, сочувствие, живой отклик. Даже гнев может быть рассмотрен как компонент морального негодования, которое испытывает человек, наблюдая несправедливость или негуманность по отношению к другим людям. Вышеперечисленные эмоции характеризуются как сложные состояния, должны быть «выращены» в процессе человеческой жизни, воспитаны. Их необходимо изучать. Результаты этого изучения способны внести весомый вклад в разрешение спорных этических вопросов и помогут избежать столкновения с неправильной интерпретацией морали.

Конечно, не все виды эмоций могут представлять ценность для морального рассмотрения, нельзя сказать, что «сырые» эмоции могут быть руководящим принципом для этики — это отмечается представителями данного направления. Помимо этого они замечают, что даже полезные эмоции часто могут быть чрезмерно морально перегруженными, тогда сочувствие может привести к неправомерному градусу самоотречения, или же доброжелательная обеспокоенность за другого может перейти в манипулирование личностью. Это еще раз демонстрирует необходимость тщательного изучения различных аспектов выражения заботы в моральном ключе. Моральные требования в этом вопросе, исходящие от традиционных рационалистических концепций, признаются несовершенными.

Третья особенность «этики заботы» заключается в том, что она не удаляет из сферы своего внимания требований специфических других, с которыми мы вступаем в фактические отношения, в отличие от доминирующих моральных теорий, настаивающих на том, что более абстрактное рассуждение о моральной проблеме лучше, так как позволяет избегать предубеждения и произвольности. Например, можно обязать родителей заботиться о своих детях, но очень трудно при этом реализовать требование беспристрастности. В фактических отношениях очень часто оказывается, что моральное требование специфических других может быть действеннее, даже когда находится в противоречии с требованиями, созданными в рамках традиционных этических систем, обнажая, таким образом, конфликт между заботой и правосудием, дружбой и беспристрастностью, лояльностью и универсальностью.

«Этика заботы» может ограничивать сферу применения традиционных моральных теорий, ведь аристотелевская и кантианская этики, утилитаризм и пр., по сути, иллюстрируют нам очень дистанцированный контакт обособленного индивида с незнакомцами, что далеко не всегда возможно в реальной жизни. Доминирующие теории интерпретируют этические проблемы как потенциальное противоречие между универсальными моральными принципами и эгоизмом отдельного человеческого индивидуума. «Этика заботы» существует именно в области между этими крайностями. Женский опыт, лежащий в основе данной теории, как раз включает культивирование специальных отношений с семейством и друзьями для того, чтобы направить большое количество заботы на воспитание детей и уход за больными и пожилыми членами семьи. Интересы людей, добросовестно заботящихся о других, тесно переплетаются с интересами тех, о ком они беспокоятся. Такая позиция не является ни эгоистической, ни альтруистической.

Четвертая особенность выражена в переосмыслении традиционных представлений о публичном и частном. Доминирующие моральные теории находили уместным рассматривать в этическом отношении общественную жизнь, в то же время не придавая особого значения частным областям семейства и дружбы.

Отношения между людьми, которые возникают в условиях семьи, дружбы, социальной группы, отличаются своей сложностью. Прежде всего это отношения людей с очень неравным социальным статусом, причем субъекты данных отношений не выбирали специально связи и обязательства, в которые оказались вовлечены. Как следствие, атмосфера в них часто бывает эмоционально перегруженной, так как отношения данного типа обычно носят неофициальный («недоговорной») характер. Перевод же их в разряд договорных нивелирует или в достаточной мере снижает то доверие, на котором и строится их ценность.

Конечно, первоначальный интерес феминисток к положению дел в закрытых «частных» областях был обусловлен притесненным положением женщины в семье: неравным распределением обязанностей патриархального «замка», непризнанием ценности женского труда, а следовательно, отсутствием

морального поощрения и материального вознаграждения. Впоследствии оказалось, что данные подходы выходят за рамки частной жизни и применимы в более широком общественном контексте. Это и есть пятая черта «этики заботы» — рассматривать жизнь конкретного человека в неразрывной связи с социальными проблемами.

Такая точка зрения противоположна либеральной, которая видит каждого субъекта общества в качестве автономного элемента, не зависящего даже от ближайшего окружения. «Этика заботы» объясняет, что это — в принципе невозможно, что большая часть наших обязанностей принята нами не добровольно, а зависит от семейного, социального и исторического контекста и потому связана с необходимостью каждого брать на себя ответственность за ближних. Иначе говоря, мы должны признать, что моральный аспект «обременен сам по себе», всегда является встроенным в отношения с другими людьми, в них и должен остаться.

Временами люди испытывают естественное желание заботиться о ком-нибудь, но «этика заботы» настаивает, чтобы в своих отношениях люди старались следовать путями, приближающими их к идеалу заботы. Эталоном в этом плане традиционно служит забота матери, которая стремится к сохранению жизни ребенка и создает благоприятные условия для его разностороннего развития. Реально материнские чувства могут оказаться неоднозначными и зачастую являться враждебными по отношению к детям, но они всегда будут связаны с практикой и целью заботы.

В то же время исследователи отмечают, что, хоть они и рассматривают «заботу» по большей части на примерах из «мира женщин», проявлять ее в разной степени склонны все люди, независимо от пола и возраста. Таким образом, проанализировав женский опыт освоения реальности и видения мира, «этика заботы» сумела выйти далеко за пределы первоначального гендерного пространства, поэтому термин «женская этика», который порой еще употребляется по отношению к ней, больше говорит о ее историческом происхождении и, как мне кажется, постепенно становится малопримлемым.

Итак, в «этике заботы» мы видим вполне сформировавшееся этическое течение. Но так ли обоснованы претензии феминисток к классической традиции в этике? Ведь в ней сказано очень много о дружбе, эмпатии, любви к ближнему, естественном стремлении людей к милосердию и бескорыстному служению друг другу. Критики «этики заботы» часто сравнивают ее с этикой конфуцианства, для которой, несмотря на ее ярко выраженный гендерный аспект, все же не характерно четкое разделение жизни на публичную и частную, в ней, например, огромное внимание уделяется концепции «жень», сакральный смысл которой и состоит в этическом взаимодействии людей. Упоминается также моральное значение человеколюбия и добросердечия у Канта, которому наиболее часто оппонируют феминистки.

Мы можем говорить, что в какой-то мере широкий спектр понятий, близких к сформировавшемуся в конце XX века термину «забота», был, безусловно, ос-

мыслен в философии на протяжении всей ее истории: от Платона до философов постмодерна. На это обратила внимание современная исследовательница «этики заботы» О.В. Артемьева: «Думается, новизна феминистской этики заботы состоит не в открытии понятия заботы, не в экспликации его содержания и даже не в выявлении существенно иных, по сравнению с традиционными, философских оснований, в пространстве которых забота якобы только и может быть адекватно осмыслена. Заслуга же феминистской «этики заботы», на мой взгляд, определяется тем, что понятие заботы здесь впервые было поставлено в центр морали и стало исходным для построения моральной теории» [1: с. 214].

Полностью согласна с этим мнением. Мы не должны забывать, что создание целостной теории «этики заботы» оказалось возможным именно в рамках феминистской идеологии, сделавшей женский социокультурный опыт предметом специального теоретического дискурса.

Ярким примером реализации данных идей может служить жизнь Нэль Ноддингс. Она описывает себя «неизлечимо домашней» не только потому, что поставила на ноги «кучу детей» (всего десять) и осталась замужем за единственным мужчиной в течение сорока восьми лет. Нэль Ноддингс считает так, потому что любит порядок на кухне, свежие скатерти, цветы в вазах и щедро накрытый стол, ждущий гостей. И добавляет: «Мне нравится, когда вокруг дети и животные» (пер. автора) [4].

Безусловно, противники данной теории в самой феминистической среде обвинили представителей «этики заботы» в восстановлении стереотипа «хорошей женщины», в чем я лично не вижу ничего плохого, учитывая реальную картину вещей. Создание позитивных образов является естественной потребностью современного мира, нуждающегося в любви, внимании, заботе и терпении.

Ноддинг и многие другие внесли весомый вклад в реформирование системы образования в сторону создания благоприятной среды для развития и воспитания детей, то есть образование является первой областью применения опыта материнства и «этики заботы». Второй такой областью стала медицина.

В медицине и в образовании во второй половине XX столетия врачам и педагогам даже было предписано эмоционально дистанцированное отношение к клиенту и ученику — так называемая модель хладнокровия Ослера. Считалось, что именно она обеспечивает профессиональную компетентность врача и учителя, а также не позволяет им эмоционально «выгорать» на работе, поскольку они часто имеют дело с человеческой болью, разочарованием и горем. В конце XX – начале XXI столетия акценты сместились. «Вместо врача, рационально заинтересованного, но эмоционально отделенного от пациента, как настаивали сторонники биомедицинской модели, необходим гуманистический или гуманный практик, эмоционально и рационально заботящийся о целостном человеческом здоровье пациента» (пер. автора) [3: р. 260]. Это явилось следствием признания ценности взаимосвязей человека и окружающего его мира.

Представителей «этики заботы» можно видеть участвующими в спорах об эвтаназии, причем объектом их внимания может быть как лицо, страдающее мучениям тяжелобольного, так и сам больной, желающий избавиться от страданий тех, кто о нем заботится. В этом плане ярко выражена потребность исследовать социальный контекст заботы, так же как и устанавливать ее пределы. Оба подхода вовлекают в себя обращения к правосудию.

Обсуждение подобных вопросов, тесное сотрудничество теоретиков «этики заботы» с врачами и представителями юриспруденции должны дать ответ на специфические ситуации и обеспечить создание важных руководящих принципов для нравственно приемлемых действий.

«Этика заботы» пытается влиять и на сферу экономики. Во всемирной Сети Интернет вы можете встретить массу программ — от межконтинентальных до ограниченных отдельными странами и регионами, — которые призваны изучать особенности «этики заботы», повышать ее социальную ценность и финансовое сопровождение, тем самым значительно поднимая уровень жизни и морального комфорта общества.

Домашнее хозяйство составляет ключевую область, в которой существует «неоплаченная» забота. Проводятся исследования соотношения неоплаченной заботы одних членов семьи и оплаченного труда других. Не стоит забывать о том, что люди, которые осознают важность своей заботы о ком-то и делают выбор в сторону опеки над детьми, стариками и больными, посвящают этой работе много времени, вследствие чего не всегда могут выстроить профессиональную карьеру или обеспечить себе хороший заработок. Поскольку забота очень зависима от контекста, ведется мониторинг с целью лучшего адаптирования социальных программ под условия конкретной ситуации, в зависимости от этого предлагаются различные варианты субсидирования.

Проблема имеет две стороны. Во многих развивающихся странах, где экономический кризис сильно ослабил работу социальных структур, в особенности сферы образования и здравоохранения, бóльшая часть бремени заботы неизбежно пала на женщин и девочек. В то же время в развитых странах с большим процентом пожилого населения услуги заботы стали растущим сектором экономики, в них существует потребность, когда нанимается большое количество персонала (преимущественно женщин). В этом контексте спорными проблемами стали качество производимых услуг, размер оплаты и уровень условий работы сиделок.

В развитых странах некоторые особенности, связанные с заботой, могут включать в себя пенсии и системы страхования. Например, в нескольких европейских государствах и в Японии существуют «премии» или «кредиты» для граждан, которые оплачивают заботу о детях или взрослых, в ней нуждающихся. В странах со слабой экономикой, где социальная сфера развита слабее, по большей части лоббируются программы, косвенно связанные с заботой: это увеличение пенсионных выплат, учитывающих необходимость оплаты труда сиделки, и социальные

проекты, где часть заботы берет на себя государство (например, здравоохранение принимает на себя часть ответственности за здоровье пожилых людей, или система образования, организующая бесплатное питание для детей).

Представители «этики заботы» настаивают на построении «другой экономики», где учитывается воспроизводство и обслуживание людей и понимается необходимость создания определенных методов, чтобы уметь измерить и оценить этот труд. Дебаты ведутся и на политическом уровне.

Активная позиция представителей «этики заботы» является очень востребованной на Западе, потому что современное общество по-прежнему остро испытывает дефицит договорных моделей взаимодействия людей, культур, политических систем. В стремлении сделать общество более терпимым и гостеприимным данное этическое направление не только развивает новые методы, обеспечивая большой потенциал для морального продвижения, но и предлагает миру любовь и заботу своих последователей.

Российской аудитории, хотя и не знакомой с понятием «этика заботы», ее практические проблемы, безусловно, известны. Как и на Западе, в совершенствовании социальной системы и продвижении социальных программ у нас также немалую роль играют женские организации. К примеру, такие нововведения, как материнский капитал, организация приютов для молодых матерей, общественная полемика о включении определенных лет жизни женщин-домохозяек, имеющих более одного ребенка, в их трудовой стаж, с их подачи стали необходимыми мерами профилактики ухудшения демографической ситуации в стране. Именно необходимость решения острых социальных проблем вынуждает общество слушать мнения разных сторон, искать нестандартные, нетрадиционные способы организации гармоничной, толерантной и комфортной среды проживания людей в обществе, построенном на принципах гуманизма, любви и, в конце концов, заботы. Не надо также забывать, что в последнее десятилетие у нас активно развивается такое гуманитарное направление, как социальная работа, в подготовку кадров для которой вовлечены многие педагогические вузы и психологические факультеты.

Литература

1. *Артемова О.В.* Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // *Этическая мысль: ежегодник* / Отв. ред. А.А. Гусейнов. Вып. 1. М.: ИФРАН, 2000. С. 195–215.
2. *Held Virginia.* The Ethics of Care // *The oxford handbook of ETHICAL THEORY* / Ed. by D. Copp. Oxford University Press, 2006. P. 537–567.
3. *Marcum J.A.* Emotionally Detached Concern or Empathic Care // *Humanizing Modern Medicine: An Introductory Philosophy of Medicine*, Springer Science + Business Media B.V. P&M, 1999. P. 259–276.
4. *O'Toole, K.* Noddings: To know what matters to you, observe your actions // *fxStanford Online Report*, February 4, 1998. – <http://news-service.stanford.edu/news/1998/february4/noddings.html>.

References

1. *Artem'eva O.V.* E'tika zaboty': feministskaya al'ternativa klassicheskoj filosofii // E'ticheskaya my'sl': ezhegodnik / Otv. red. A.A. Gusejnov. Vy'p. 1. M.: IFRAN, 2000. S. 195–215.
2. *Held Virginia.* The Ethics of Care // The oxford handbook of ETHICAL THEORY / Ed. by D. Copp. Oxford University Press, 2006. P. 537–567.
3. *Marcum J.A.* Emotionally Detached Concern or Empathic Care // Humanizing Modern Medicine: An Introductory Philosophy of Medicine, Springer Science + Business Media B.V. P&M, 1999. P. 259–276.
4. *O'Toole, K.* Noddings: To know what matters to you, observe your actions // *Stanford Online Report*, February 4, 1998. – <http://news-service.stanford.edu/news/1998/february4/noddings.html>.

P.M. Ankudinova

«The Ethics of Care»:**Women's Social and Cultural Experience on Guard of Morality**

The paper presents an analysis of the results of three decades of the development of the new ethical direction that originated in the mainstream feminist movement in the West. Little known in Russia, in the West, it spread its influence in social and legal sphere, economics, medicine and education. Both theoretical justification of the “female experience” of perception of reality and the practical aspect of implementing the ideas are of great interest.

Key words: ethics of care; women's ethics; feminism.

А.Я. Иванюшкин

СПИД, стигма, дети и биоэтика

В статье дан философский, социокультурный анализ феномена стигматизации людей, зараженных ВИЧ. Рассмотрены биоэтические проблемы отношения общества к ВИЧ-инфицированным детям.

Ключевые слова: биоэтика; стигма; права ребенка; конфиденциальность.

Когда в 1982 году в нашей стране было зарегистрировано двое первых ВИЧ-инфицированных, одним из них был ребенок. В настоящее время в России зарегистрировано несколько более 500 тыс. ВИЧ-инфицированных, 44% из которых женщины. В последние годы ВИЧ-позитивные матери рожают около 7–8 тыс. детей ежегодно. ВИЧ-инфицированных детей в стране насчитывается более 3 тыс. В ближайшие годы пойдут в школу 4 тыс. детей, живущих или ассоциированных с носителями ВИЧ (инфекцией заражены они сами или члены семьи).

1. СПИД как стигма, феномен спидофобии

Появление в 80-е годы XX века и распространение во всем мире СПИДа — это две накрывающие и подстегивающие друг друга эпидемии: эпидемия новой инфекционной болезни и эпидемия страха. В это же время человечество вступило в эру информационного общества, и распространение эпидемии страха перед СПИДом в значительной мере происходило усилиями современной медиа-индустрии.

Спидофобия — это именно фобия, то есть иррациональный, безотчетный, а то и навязчивый, страх — страх заражения, страх неизлечимой мучительной болезни, страх сопутствующего СПИДу социального ostrакизма и конечно — страх смерти.

Дискриминация, ostrакизм, сегрегация ВИЧ-инфицированных, подчас их эксплуатация и даже агрессивное к ним отношение со стороны окружающих — суть всех этих явлений фокусируется в понятии «стигматизация личности».

А. Что такое «стигма».

Слово «стигма» означает «клеймо». Философски говоря, стигматизация — это одна из форм отчуждения человека. По мнению некоторых западных исследователей, стигматизация — это повреждение социального аспекта личности, «приписывание ей виртуальной социальной идентичности» [11: с. 29].

В Библии говорится: «Мир во зле лежит». Насколько же много зла вокруг детей, живущих или ассоциированных с ВИЧ?!

Во-первых, это зло онтологическое — отрицание их права на жизнь. Во-вторых, это зло моральное, которое прежде всего исходит из нарушения врачебной тайны. И в-третьих, это зло социальное, главная его составляющая — в дискриминации живущих или ассоциированных с ВИЧ детей при получении ими медицинской помощи, а также в образовательной среде.

Б. «Ты, значит, уже не человек...»

В социологических интервью с родителями ВИЧ-позитивных детей, с женщинами, зараженными ВИЧ и т.д., респонденты прежде всего говорят о нарушениях педиатрами, акушерами-гинекологами, медсестрами базовых, элементарных профессиональных этических норм. Ребенок ВИЧ-позитивной матери испытывает социальные стрессы, воздействия на него факторов спидофобии, начинает страдать от стигматизации, еще находясь в утробе матери.

Приведем несколько примеров социологических интервью: «В роддоме отношение свинское: голый матрац, обитый клеенкой, ни простыней, ни подушек, ни одеяла... Так обидно — человек рождает, ничего не дают из-за того, что у тебя написано Б-23 (шифр диагноза ВИЧ-инфекции. — *А.И.*), все, *ты, значит, уже не человек...*» (здесь и далее курсив мой. — *А.И.*); «Нас с еще одной девчонкой в боксе заперли на ключ, мы там и сидели, как собаки» [6: с. 14–17].

В. Индуцированные аборты.

Совершенно особая тема — провоцирование врачами абортов у ВИЧ-инфицированных женщин. Вот дипломированный врач женской консультации осыпает обвинениями, оскорблениями такую пациентку: «Ты думаешь, кого ты родишь?!», а участковый педиатр, тоже дипломированный врач, спустя какое-то время по формальной обязанности посещающий новорожденного пациента в этой же семье, обращается к обоим родителям (ВИЧ-инфицированным): «Вы думаете — вы его вырастите?» Совершенно очевидно, что вызывающий цинизм поведения врачей содержит в себе *подтекст желательности абортов у ВИЧ-инфицированных женщин.*

Однако сколько примеров *прямого провоцирования абортов, и даже принуждения к аборту*: «Говорили, что нет никаких шансов здорового ребенка родить»; «Врач говорит: “Зачем тебе рожать? Не знаешь, сколько проживешь”»; «В двадцать пять лет меня *заставили сделать аборт...* Давили-давили на меня, создали комиссию... Делали стимуляцию...»; «Меня пять лет назад *заставили аборт сделать.* Надавили на психику, сказали, что ребенок больше трех лет не проживет, что сама я умру при родах. Срок был порядочный, пришлось до двадцати восьми недель доходить и сделать стимуляцию. Вся в слезах была, мы хотели этого ребенка...» [6: с. 14–17].

Напомним, что в клятве Гиппократа любой искусственный аборт определяется как не совместимый с врачебной этикой. В Женевской декларации (современной международной клятве врача), принятой Всемирной медицинской ассоциацией (ВМА) в 1948 году, говорится: «Я буду уважать человеческую жизнь с момента зачатия» [7: с. 9]. Далее, основополагающие документы международного права (от Всеобщей декларации прав человека ООН, 1948 г., до Конвенции

о правах ребенка ООН, 1989 г.) провозглашают в качестве исходного принцип неотъемлемого *права каждого человека, и, конечно, ребенка, на жизнь*. Из этого принципа следуют права на специальный уход и охрану ребенку и его матери, включая дородовой уход.

Конечно, прямой смысл этих норм международного права таков, что защита всеми ресурсами и средствами современной цивилизации права на жизнь каждого человека наступает с момента рождения ребенка. Что же касается его внутриутробного бытия, то оно определяется через философскую проблему статуса эмбриона, которая не имеет однозначного решения в современном обществе. Более того, решение данной проблемы сегодня представлено полярными позициями. С одной стороны, это позиция религиозной морали: эмбрион безусловно является человеком, поскольку уже сотворен богом. С другой стороны, это светская позиция самых разных социальных групп и институтов (системы здравоохранения, института планирования семьи, феминистских организаций и др.): эмбрион и плод настолько признаются человеком, насколько большой срок беременности имеется в виду («градуалистская концепция»).

Несмотря на, казалось бы, безнадежную антиномичность философской проблемы статуса эмбриона, моральное отношение к аборт, даже в современном обществе, более однозначно: если в какой-то кризисной ситуации женщина решается на искусственное прерывание беременности, такое событие в определенном контексте может быть определено как благо, но никак не может быть определено как добро. Эта моральная позиция еще больше усиливается в той системе ценностей, которую представляет собой врачебная этика.

Индукцированные, спровоцированные профессиональными медиками аборты у ВИЧ-инфицированных женщин — это еще одно злоупотребление медициной. Когда говорят о *злоупотреблениях медициной*, обычно имеют в виду злоупотребления психиатрией (недобровольная госпитализация без достаточных клинических оснований и т.д.). Однако назначаемые «врачами-коммерсантами» избыточные диагностические исследования, медицинские вмешательства — это тоже злоупотребления медициной. К злоупотреблениям медициной и, значит, к грубейшим нарушениям медицинской этики мы относим большинство индуцированных профессиональными медиками абортов у ВИЧ-инфицированных женщин.

Г. СПИД и феномен ребенка-маугли.

Но вот ребенок ВИЧ-позитивной женщины все-таки родился. Сосредоточимся далее на детях-отказниках (таких детей, рожденных ВИЧ-позитивными женщинами, в стране порядка 2–2,5 тыс.). Приведем один пример со слов профессора Е.Е. Воронина — главврача детской Республиканской инфекционной больницы под Санкт-Петербургом: «У нас был случай с ребенком, которого три года продержали в изоляторе в маленькой детской больнице, где все шарахались от СПИДа и боялись ребенка на руки взять. В три года *развитие у девочки было на уровне 4-месячного*. Не говорила, твердую пищу глотать не умела. Очень агрессивная была и всех боялась. Даже близко на наших детей не похожа. Я специально для нее взял специалиста по детскому развитию

и психолога. Год с ней работали, и всё без толку. Пришлось — жестоко, конечно, звучит — отправить ее в ту больницу, откуда она поступила» [10].

Вполне вероятно, что это не единственный случай такого ятрогенного¹ осложнения ВИЧ-инфекции, как «ребенок-маугли»!

Негативное влияние на детей самого раннего возраста условий изоляции в боксе инфекционной больницы есть проявление госпитализма. Явление госпитализма достаточно хорошо знакомо медицине. Например, известный отечественный терапевт Е.М. Тареев называл госпитализмом распространение внутрибольничной инфекции среди пациентов, причем источником заражения могли быть сами медработники.

Новая форма госпитализма — феномен ребенка-маугли, ассоциированный с ВИЧ-инфекцией, порождается двумя взаимосвязанными причинами — самой инфекционной больницей и профессиональным поведением медперсонала, являющегося «переносчиком вируса» спидофобии.

Общеизвестно, что человек как биологический вид имеет самый продолжительный период детства. Если молодое животное быстро приспосабливает свои реакции к внешнему миру, то ребенок в течение месяцев и даже лет остается не способным удовлетворять свои потребности без посторонней помощи. Единственный инструмент ребенка — это определенные реакции окружающих его людей на его желания, действия. Важно подчеркнуть, что общение матери с ребенком в первые недели, месяцы его жизни в основном происходит по инициативе ребенка — и не только в виде реакций на изменения состояния (потребности в немедленной помощи), но и как часть растущей и сложной системы сигналов между ребенком и матерью или няней. Эмоциональные связи матери (няни) с ребенком первых недель, месяцев жизни — это фундамент его социализации, а вслед за этим и сапиентации (разумности), развития в нем человеческой личности [1].

Возвращаясь к главной теме наших размышлений — феномену ребенка-маугли, ассоциированному с ВИЧ-инфекцией, уместно задать несколько вопросов. Как часто в течение своей смены медсестра подходит к этому ребенку? Как своевременно в ответ на его плач, беспокойство она к нему подходит? Как отражается на его эмоциональном (и в целом — психическом) развитии окружающее его множество представителей медицинского персонала (по причине, например, посменной работы медсестер), ведь у каждого медика свой характер, свой тембр голоса, своя мимика и т.д. (именно на эти факторы у маленького ребенка вырабатываются установочные эмоциональные реакции)? Понимают ли все медики-профессионалы, осуществляющие уход за самыми маленькими детьми, роль ласкового, участливого общения с ними?

Нам бы не хотелось, чтобы последний, ключевой, вопрос был истолкован поверхностно (кто, мол, этого не понимает!). Во-первых, даже добросовестные медицинские специалисты так загружены техническими обязанностями, что на ласковое общение с ребенком у них часто просто нет времени. Конечно, в боль-

¹ *Ятрогения* — болезнь, вызванная врачом.

ницах для детей раннего возраста и врачи, и медсестры, как правило, так или иначе общаются со своими маленькими пациентами, однако суть дела в том, что большинство из них не видит в этом своей профессиональной функции. Такое общение — что-то вроде милостыни нищему. Во-вторых, медицинские манипуляции часто болезненны, в силу чего испытываемые страдания для маленького ребенка становятся субъективной интерпретацией его общения с окружающими его медиками. В-третьих, все эти вопросы покажутся просто наивными, если наш маленький ребенок окажется во власти таких медсестер (о чем недавно сообщали СМИ), которые именно таким маленьким детям, находящимся в инфекционном отделении, заклеивали пластырем рот («чтобы не мешали работать»).

Содержание в больничной среде, в боксе самых маленьких детей, в особенности детей первого года жизни, когда при них нет матери или няни, недопустимо. Такая практика является грубым нарушением Декларации прав ребенка ООН (1959 г.), которая, в частности, гласит: ребенку «должно принадлежать право на здоровый рост и развитие... Ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании... Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости...» [7: с. 386–387].

Наш вывод таков: в современной России очень многие дети, живущие или ассоциированные с ВИЧ, прежде всего страдают от зла, которое можно назвать «онтологическим злом», т.е. наш мир агрессивен не принимает самого их бытия, не признает самого их права на жизнь, а если они, несмотря на это, все-таки живут, то наше общество не признает их человеческого достоинства.

2. «Твердый курс на отказ от врачебной тайны...»

Социологические опросы ВИЧ-позитивных пациентов в нашей стране выявили, что наиболее острая морально-этическая проблема, с которой они сталкиваются, — это разглашение конфиденциальной информации о факте заражения [10: с. 3].

Особая актуальность проблемы конфиденциальности, когда речь идет о ВИЧ-инфекции, тесно связана, во-первых, с чрезвычайно высоким уровнем спидофобии в современном российском обществе, а во-вторых, с неизжитой до сих пор традицией нигилистического отношения отечественных медиков к этической заповеди врачебной тайны в советское время.

А. Из истории отношения к врачебной тайне в отечественной медицине.

В первое десятилетие советской истории в нашей стране был официально провозглашен «твердый курс на отказ от врачебной тайны» [8: с. 12]. Причин отрицания в условиях советской медицины роли, ценности врачебной тайны было несколько: 1) тоталитарная общественная система исключала уважительное отношение к человеческим и гражданским правам личности (как говорил поэт: «Единица! Кому она нужна?! Единица — вздор, единица — ноль... Голос единицы тоньше писка...»); 2) командно-административная организация медицинского дела в стране утверждала преимущественно казенные (бюрократические)

механизмы управления в учреждениях здравоохранения, что делало как бы и ненужной медицинскую этику; 3) господствовавшая идеология, утверждавшая примат общественных интересов перед личными, как бы автоматически превращала «врачебную тайну» в сомнительную ценность.

В послевоенное время врачебная тайна была формально реабилитирована. В конце своей жизни Н.А. Семашко писал, что врач должен «свято соблюдать тайну, доверенную больным, не разглашать ее» [9: с. 248]. В то же время о нигилистическом отношении отечественных медиков к врачебной тайне свидетельствует такой факт: вплоть до 1990-х годов врачи вписывали по-русски диагноз в самый массовый медицинский документ — «Листок нетрудоспособности» (о чем «Литературная газета» язвительно писала в 1977 г.: «Больничный лист — тайна для всех»).

Тем не менее в Законе СССР «О профилактике заболевания СПИД» (1990 г.) была отдельная Статья 7 о врачебной тайне. В то же время в действующем Федеральном законе «О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (1995 г.) аналогичной отдельной статьи нет.

Заслуживают внимания следующие моменты данного закона, косвенно отражающие вопрос врачебной тайны: медицинское освидетельствование на ВИЧ несовершеннолетнего старше 14 лет может производиться без согласия родителей (в соответствии с общим правилом, закрепленным в Статье 54 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», подростки приобретают право давать собственное согласие на медицинское вмешательство с 15 лет); в случае выявления ВИЧ-положительного статуса у несовершеннолетнего до 18 лет медицинское учреждение имеет право уведомить об этом его родителей (согласно общему правилу, закрепленному в Статье 13 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», гарантии конфиденциальности медицинской помощи подросткам наступают опять же с 15 лет). Вопрос к юристам: допустимы ли такие противоречия в законодательстве? Со своей стороны отметим: «Оттавская декларация о правах ребенка-пациента» ВМА (1999 г.) особо подчеркивает право пациента-ребенка на конфиденциальность, на уважение его секретов — когда это соответствует его высшим интересам [12: с. 10].

Итак, разглашение медицинских сведений о ВИЧ-инфицированном пациенте, а также другой конфиденциальной информации о его частной жизни (за исключением случаев, особо предусмотренных в законе) является *грубейшим нарушением не только* профессиональной медицинской этики, но и российского законодательства (Ст. 23 Конституции РФ; Ст. ст. 137, 285, 286 УК РФ; Ст. ст. 13, 19, 61 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», и др.).

Б. ВИЧ / СПИД и дилеммы конфиденциальности.

ВИЧ-положительные пациенты настолько боятся огласки своего ВИЧ-статуса, что, как правило, скрывают диагноз от работодателей, коллег, знакомых и даже членов семьи. Некоторые пациенты предпочитают увольнение с работы

огласке их ВИЧ-статуса. Однако если на работе и даже в семье отдельным ВИЧ-пациентам как-то удается сохранять свою тайну, то единственное место (как они подчеркивают), где это невозможно, — это поликлиника.

Здесь мы сталкиваемся с непростой проблемой. С одной стороны, в таком медицинском документе, как «история болезни» (по сути дела — научном протоколе), необходимо объективное отражение диагноза. С другой стороны, когда, например, история болезни или амбулаторная карта маркируется жирным знаком «ВИЧ», стигматизация распространяется с самого ВИЧ-пациента на всю окружающую его жизненную среду, причем агентами распространения спидофобии являются сами дипломированные медики, и в такой среде почти не остается места для врачебной тайны.

Конечно, в современной медицине в условиях мультидисциплинарного подхода к диагностике, лечению и уходу пациент переходит «с рук на руки» десяткам специалистов, т.е. у проблемы сохранения врачебной тайны есть объективное содержание. Однако это не означает, что конфиденциальность есть вообще устаревшее понятие [13].

К сожалению, имеется огромное множество примеров, когда нарушение правила конфиденциальности медицинскими работниками инициировало дискриминацию, остракизм, а то и прямое насилие по отношению к вирусоносителям или больным СПИДом.

Приведем несколько демонстративных примеров пренебрежения заповедью врачебной тайны в последнее время: «По месту жительства все врачи знают, что я вичевая»; «Как только к врачу легли листы с результатами анализов — знала вся деревня»; «В роддоме даже уборщица знала, что у меня ВИЧ-инфекция, когда я лежала на сохранении. Весь персонал знал об этом. Ужас...» [3: с. 32].

Как видим, в современном российском обществе при обсуждении права ВИЧ-инфицированных на конфиденциальность наиболее острым является вопрос об элементарном соблюдении нашими медиками гиппократовой заповеди врачебной тайны (и одновременно — соблюдении норм российского законодательства). Во многих других странах, где этическая и правовая культура медиков выше, на первый план выходит противоречие в определенных ситуациях прав личности ВИЧ-инфицированного и законных прав других граждан, интересов охраны общественного здоровья. Разумеется, такого рода ситуации нередки и в нашей стране: «Я заразилась от своего парня, он мне не сказал, что у него ВИЧ» [3: с. 13].

Мы уже подчеркивали, что большинство женщин впервые узнали о своем ВИЧ-позитивном статусе во время беременности, и практически сразу после этого женщина начинает испытывать соответствующие социальные стрессы. Приведем пример специфической ятрогении, т.е. разглашения врачебной тайны: «Мне сообщили так: в почтовом ящике я нашла бумажку, в которой говорилось, что мне необходимо явиться в какой-то 16-й кабинет “СПИД...” , что-то такое. Все черным по белому написано. *Я же беременна, меня просто в жар бросило, как будто кипятком облили. Я к ним пришла ругаться, что*

так можно и выкидыш получить. Они мне начали объяснять: “Вас так много, чтобы каждому...”» [6: с. 12].

3. ВИЧ / СПИД и право граждан на медицинскую помощь

В последние годы в России произошел настоящий прорыв в обеспечении ВИЧ-инфицированных средствами антиретровирусной терапии. Объем федерального финансирования по проблеме ВИЧ-инфекции увеличился в 2007-м по сравнению с 2005 годом в 57 раз. Особенно показателен прогресс в обеспечении терапией беременных женщин и детей. В течение 2008 года (по октябрь включительно) получали активную антиретровирусную терапию 1923 ребенка из 1984 нуждающихся, т.е. 96 % [4: с. 3–6].

Разумеется, при обсуждении права ВИЧ-позитивных пациентов на получение медицинской помощи экономическая составляющая (тем более отражающая только ситуацию со специфической антиретровирусной терапией) исключительно важна, но она не единственная. Качество оказываемой пациенту медицинской помощи включает также морально-психологическую, этическую составляющую.

А. СПИД как испытание «на надежность» врачебной этики.

Вскоре после появления СПИДа в начале 80-х годов XX века во многих странах были зафиксированы многочисленные случаи отказа в лечении таким пациентам, включая неотложную медицинскую помощь. Уже в 1987 году Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) приняла «Временное заявление по СПИДу», в котором, в частности, говорится: «В медицине существуют давние и благородные традиции ухода за пациентами, страдающими инфекционными заболеваниями, с состраданием и мужеством. Эти традиции должны быть продолжены и в случае эпидемии СПИДа» [7: с. 35].

Согласно опросу 470 ВИЧ-инфицированных респондентов в 2005 году в Санкт-Петербурге, отказы в лечении из-за ВИЧ-статуса встречались в 30 % [4: с. 10]. Вот некоторые ответы в другом аналогичном социологическом опросе: «Когда терапевт узнал, что я ВИЧ-инфицированная, то сказал обратиться в СПИД-центр, и чтобы я больше не появлялась в больнице по месту жительства»; «Она (гинеколог) начала кричать, что наше место не среди здоровых людей, чтобы я шла в СПИД-центр, что там проходят осмотр ВИЧ-положительные»; «Да, мне отказали в осмотре гинеколог и терапевт по месту жительства» [3: с. 25].

Однако к подобным случаям *прямого* отказа в лечении (что является безусловным нарушением и профессиональной этики и российского законодательства) необходимо добавить многочисленные случаи *косвенного* отказа в лечении ВИЧ-инфицированным. Если ВИЧ-инфицированные пациенты постоянно сталкиваются с неприязненным и даже враждебным, а то и агрессивным отношением медиков, то они сами избегают обращения по поводу своих проблем со здоровьем в соответствующие медицинские учреждения.

В рамках неэтичной и противозаконной практики отказов в медицинской помощи ВИЧ-инфицированным нередко наблюдается применение двойных

стандартов. В большинстве случаев ВИЧ-инфицированные женщины сталкиваются с негативным отношением и нарушением своих законных прав пациента в родильных домах и отделениях гинекологии. Демонстрируя свое неприязненное отношение к ВИЧ-позитивным пациенткам, врачи-гинекологи нередко подменяют свою функцию врача функцией строгих моралистов. Такая подмена социальной роли врача социальной ролью судьи и моралиста имеет место и в тех случаях, когда врач применяет двойные стандарты к разным группам ВИЧ-пациентов — в зависимости от путей заражения: наибольшая степень ксенофобии проявляется в отношении зараженных ВИЧ наркоманов, а также освободившихся из мест заключения (и те и другие при этом подвергаются двойной, тройной стигматизации).

Конечно, ВИЧ-инфицированные дети, зараженные при переливании крови, вызывают к себе почти невыносимое чувство жалости. Однако это чувство сострадания не должно быть причиной деформации этического подхода в медицине. В Женевской декларации ВМА говорится: «Вступая в сообщество врачей, торжественно клянусь: ...не позволять обстоятельствам, связанным с возрастом, *состоянием здоровья*, вероисповеданием, расовой принадлежностью, *полом*, национальностью, политическими убеждениями, *сексуальной ориентацией* или социальным положением, препятствовать исполнению моего долга перед пациентом».

Б. «Врач, исцелися сам!»

Витальный страх у многих отечественных врачей и медсестер перед СПИДом прежде всего порожден профессиональным невежеством. Приведем рассказ ВИЧ-инфицированной пациентки о своем опыте общения с гинекологом женской консультации и педиатром детской поликлиники после рождения ребенка (2007 г.): «Ой, ты знаешь, настолько безграмотные в этом смысле, то есть моя врач-гинеколог, она сажала меня за стол к себе после осмотра, и такая “ой, и что, и как это вообще”. Понимаешь, не она со мной как врач, а я с ней как с пациентом. “Ой, а что у вас в Центре, а как берут кровь, а сколько вы проживете?” Понимаешь, такие вот вопросы сама врач задает. Ну она, конечно, три пары перчаток надевала, когда осматривала, это естественно... Они ничего вообще про это не знают, педиатры. Она буквально на пять минут залетела, мол, “я скажу, кому звонить, вы позвоните, и за вами сейчас машина придет, и вы в инфекционную больницу срочно”. И потом у нас врач еще был, она нам карту детскую такую “расписную” сделала, все маркерами: цветными, красными, желтыми. Даже после того, как нас сняли с учета (речь идет о периоде наблюдения в течение первых 1,5 лет, когда устанавливается ВИЧ-статус ребенка. — *А.И.*), все сведения хотела сообщить для садика. Врач даже не знала, что, будучи снятым с учета, там нельзя все эти вещи писать...» [3: с. 28–29].

И все-таки у нас есть основания для оптимизма. Первый ребенок, девочка, заразившаяся ВИЧ еще в 1982 году, жива, потому что наши питерские врачи изыскали возможность обеспечить ее высокоактивной антиретрови-

русной терапией еще в те далекие годы. Выше говорилось, что в настоящее время в России предоставляется специфическое лечение более 50 тыс. ВИЧ-инфицированных пациентов (правда, в Бразилии — 100 тыс.). Есть прогресс и в гуманитарной сфере. В 2008 году пять ВИЧ-положительных детей Российского центра по оказанию помощи беременным и детям с ВИЧ (под С.-Петербургом) были усыновлены. Начиная с 2008 года, проводится большая обучающая работа по переподготовке медицинских кадров по вопросам диагностики и лечения ВИЧ-инфекции. Высокой оценки заслуживает просветительская работа представительства Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в России: большая часть приведенных в нашей работе интервью взяты из социологических опросов, организованных в рамках российской Программы ЮНИСЕФ по ВИЧ / СПИДу.

Литература

1. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка: пер. с франц. М.: Просвещение, 1967. 195 с.
2. ВИЧ / СПИД и права человека. М.: ЮНЕСКО-ЮНЭЙДС, 2007. 125 с.
3. Информационные потребности людей, живущих с ВИЧ, и молодежи в контексте прав человека и ВИЧ / СПИДа. М.: Бюро ЮНЕСКО в Москве, 2007. 65 с.
4. «Круглый стол»: журнал для специалистов, работающих в области ВИЧ / СПИДа. М., 2008. № 5–6. 110 с.
5. Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. 660 с.
6. «Мнение ВИЧ-положительных матерей об опыте получения медицинской и социальной помощи». Аналитический центр Юрия Левады: Отчет о качественном исследовании. Москва, август, 2008 г. 30 с.
7. Права человека и профессиональная ответственность врача в документах международных организаций. Всемирная медицинская ассоциация. Всемирная психиатрическая ассоциация. Организация объединенных наций. Совет Европы. Киев, 1996. 121 с.
8. *Семашко Н.А.* О врачебной тайне // Бюллетень НКЗ. 1925. № 11. С. 11–12. 50 с.
9. *Семашко Н.А.* Об облике советского врача // Семашко Н.А. Избр. произв. М.: Медгиз, 1954. С. 242–250. 270 с.
10. «Стигматизация и дискриминация ВИЧ-положительных женщин и их детей в РФ». Доклад Хьюман райтс вотч. Москва, июнь 2005 г. 40 с.
11. *Финзен А.* Психоз и стигма: пер. с нем. М.: Алетейя, 2001. 211 с.
12. Declaration of Ottawa on The right of the child to health care (World Medical Assotiation) // Bulletin of Medical Ethics. 1999. February. P. 9–11.
13. *Siegler M.* Confidentiality in medicine — a descrepit concept // New Engl. J. Med. 1982. Vol. 307. P. 1518–1521.

References

1. *Vallon A.* Psichicheskoe razvitiye rebenka: per. s francz. M.: Prosveshhenie, 1967. 195 s.
2. VICH / SPID i prava cheloveka. M.: YuNESKO-YuNE'JDS, 2007. 125 s.

3. Informacionny'e potrebnosti lyudej, zhivushhix s VICH, i molodezhi v kontekste prav cheloveka i VICH / SPIDA. M.: Byuro YuNESKO v Moskve, 2007. 65 s.
4. «Krugly'j stol»: zhurnal dlya specialistov, rabotayushhix v oblasti VICH / SPIDA. M., 2008. № 5–6. 110 s.
5. Mezhdunarodnaya zashhita prav i svobod cheloveka: sb. dokumentov. M.: Yurid. lit., 1990. 660 s.
6. «Mnenie VICH-polozhitel'ny'x materej ob opy'te polucheniya medicinskoj i social'noj pomoshhi». Analiticheskij centr Yuriya Levady': Otchet o kachestvennom issledovanii. Moskva, avgust, 2008 g. 30 s.
7. Prava cheloveka i professional'naya otvetstvennost' vracha v dokumentax mezhdunarodny'x organizacij. Vsemirnaya medicinskaya asociaciya. Vsemirnaya psixiatricheskaya asociaciya. Organizaciya ob"edinenny'x nacij. Sovet Evropy'. Kiev, 1996. 121 s.
8. *Semashko N.A.* O vrachebnoj tajne // Byulleten' NKZ. 1925. № 11. S. 11–12. 50 s.
9. *Semashko N.A.* Ob oblike sovetского vracha // *Semashko N.A.* Izbr. proizv. M.: Medgiz, 1954. S. 242–250. 270 s.
10. «Stigmatizaciya i diskriminaciya VICH-pozitivny'x zhenshhin i ix detej v RF». Doklad X'yuman rajts votch. Moskva, iyun' 2005 g. 40 s.
11. *Finzen A.* Psixoz i stigma: per. s nem. M.: Aletejya, 2001. 211 s.
12. Declaration of Ottawa on The right of the child to health care (World Medical Assotiation) // Bulletin of Medical Ethics. 1999. February. P. 9–11.
13. *Siegler M.* Confidentiality in medicine — a descrepit concept // New Engl. J. Med. 1982. Vol. 307. P. 1518–1521.

A. Ya. Ivanyushkin

AIDS, Stigma, Children and Bioethics

The article provides a philosophical, socio-cultural analysis of the phenomenon of stigmatization of people infected with human immunodeficiency virus (HIV). Bioethical issues of society's attitudes towards HIV-infected children are considered.

Key words: bioethics; stigma; child rights; confidentiality.

О.А. Мекка

Принцип разнообразия в подходе к анализу социальных явлений: к постановке проблемы

Статья посвящена феномену социального разнообразия, который понимается как основа и фактор эволюции общества. Различные социальные субъекты вырабатывают специфические способы реагирования на изменение уровня разнообразия, неодинаково используют его при построении социальных технологий.

Ключевые слова: разнообразие; социальное разнообразие; диатропика; социальная диатропика; спектры разнообразия; центр и периферия; воспроизводство разнообразия; использование разнообразия; селекция разнообразия.

Одним из онтологических оснований философствования является разнообразие — существенная характеристика как бытия в целом, так и его социальной составляющей. Вместе с тем понятие «разнообразие», как правило, не рассматривается в качестве особой философской категории, что наглядно демонстрирует справочно-философская литература, а также предметные указатели литературы по различным отраслям философского знания. В настоящее время это понятие имеет, скорее, статус категории общенаучной.

Человек существует в постоянно изменяющемся мире и рост разнообразия — закономерное следствие этого изменения, универсальная тенденция общественного развития. Эволюция человека и общества сопровождается непрерывным накоплением, наращиванием разнообразия неодинаковой природы — организационно-структурного, деятельностно-ролевого, смыслового, политического, экономического, социального и т.п. По мере усложнения общества разнообразие во всех его измерениях становится все более значимым фактором развития, критерием оценки как личности, так и социума.

Деятельность субъекта и развитие общества предполагают более или менее отрефлексированные встречные процессы наращивания и снятия разнообразия. Вместе с тем пока недостаточно полно осмыслены технологии упорядочивания разнообразия, критерии определения достаточности его уровня

применительно к конкретным объектам, мало исследованы позитивные и негативные последствия его роста для личности и социума. По-видимому, разнообразие следует рассматривать как феномен, имеющий самостоятельное значение и, следовательно, требующий формирования особого методологического подхода. Сформулируем основные положения такого подхода.

Во-первых, будем исходить из факта существования разнообразия как совокупности разнокачественных объектов и соответствующих им различий, фиксируемых в различных областях бытия и в разных масштабах рассмотрения конкретных состояний, событий, процессов. Это характеристика, отражающая факт раздельности, дискретности, структурированности окружающего мира.

Следовательно, во-вторых, необходимо формировать теоретические основы осмысления явления разнообразия. Авторы опираются на истолкование данного феномена в относительно новой отрасли биологии — эволюционной диатропике. Термин «диатропика» введен в научный оборот Ю.В. Чайковским, который обозначает им специальную биологическую дисциплину, изучающую действие фактора разнообразия в процессе эволюции живой природы: «Диатропика — наука о разнообразии, то есть о тех общих свойствах сходства и различия, которые обнаруживаются в больших совокупностях объектов» [1]. Этимология слова такова: *dia* — через + *tropos* — поворот, направление. Для сравнения: в английском языке термину соответствует слово *diversity* (от *dia* — чрез, между и *versatile* — разносторонний, непостоянный, изменчивый). От этого понятия формируются производные: **диатропизм** — как свойство объектов, состоящее в стремлении к изменчивости, а также **диатропия** — как изменение уровня разнообразия в процессе развития.

В биологической науке изменение разнообразия живой природы рассматривается как проявление эволюции, формулируются законы этого изменения. В интересах осмысления социального разнообразия будет уместным понятие «социальная диатропика». Оно предположительно будет обозначать раздел социальной философии, изучающий субъективно-личностное и национально-культурное отношение к разнообразию в обществе. Специфика социального разнообразия (в отличие от разнообразия природного) определяется прежде всего действием субъективного фактора в плане воздействия на содержание и уровень разнообразия как природного, так и социального.

Философский подход к социальному разнообразию, таким образом, существенно отличается от осмысления разнообразия в естествознании. В эволюционной диатропике основное внимание уделяется механизмам передачи, наследования различий, а также сохранению объективно сформировавшегося природного разнообразия [2]. Например, закон транзитивного полиморфизма, сформулированный С.В. Мейеном, отражает наличие сходных признаков у разных биологических видов. То есть конкретные признаки могут возникать не только генетически: они могут быть следствием иных факторов, например, формироваться средой обитания, климатическими условиями. Аналогичные

процессы существуют и в обществе, но они в гораздо большей степени доступны воздействию социальных субъектов.

В социальной диатропике, предметом которой являются закономерности реагирования на феномен разнообразия, а также формы и способы его упорядочивания, акцент переносится на учет и использование социальных различий в интересах формирования социальных технологий, гармонизации и развития общества. Таким образом, на первый план выходят проблемы несколько иного плана, прежде всего — сознательная селекция, выстраивание комплексов, спектров разнообразия, их согласование в интересах организации деятельности, достижения социально значимых целей. Безусловно, актуальным вопросом будет сохранение и культивирование необходимого разнообразия в виде социальных субъектов, их свойств и отношений.

Любой из элементов деятельности становится основанием для выстраивания спектров разнообразия конкретного содержания. Речь идет о формировании состава субъектов и объектов деятельности, об учете условий деятельности, средств деятельности, ее целей и результатов.

Что объединяет теоретические подходы к биологическому и социальному разнообразию? Прежде всего — признание объективности и неизбежности наследования разнообразия как позитивного, так и негативного, а также признание закономерного характера роста разнообразия, сопровождающего развитие. Наиболее ярко единство естественно-научного и социально-философского подходов к разнообразию проявляется в законе «центра и периферии», поскольку более и менее типичные элементы, их свойства, отношения в силу иерархичности строения любых объектов приобретают неодинаковое значение.

Таким образом, в-третьих, существуют различные (поведенческие, институциональные, нормативно-правовые) формы реагирования на разнообразие. Это социально-философский аспект разнообразия, отражающий отношение к нему как к ценности, фактору социального развития. Различия (социальная специфика) получают неоднозначную оценку с личностных, групповых, национально-культурных позиций. Формируется многоуровневая структура оценок, которая базируется, во-первых, на антропологических, во-вторых, на социальных основаниях: религиозных, нравственных, экономических, эстетических и иных. Значит, на каждом уровне социальной жизни возникает проблема оптимального и неоптимального, допустимого и недопустимого, дозволенного и недозволенного. Одна из основных диатропических проблем — это определение, установление и нормативное закрепление границ социально признанного и отклоняющегося, оптимального и неоптимального. Ограничение и элиминация негативного разнообразия превращается в одну из актуальных задач общества, которая многократно обостряется в условиях кризисов, войн, революций. При этом приходится признать, что нежелаемое разнообразие абсолютно неустранимо или, по крайней мере, имеет тенденцию к устойчивому воспроизводству, а сами границы оптимального и неоптимального требуют постоянного пересмотра и уточнения. Опре-

деление границы в ценностно-нормативном смысле задается различиями между центральными, базовыми и периферийными элементами социальных объектов.

Попытки осмысления разнообразия как особого свойства бытия присущи значительной части мыслителей прошлого. Данная проблема присутствует практически во всех отраслях философии, но преимущественно имплицитно. Можно утверждать, что любая проблема философского уровня предполагает тот или иной вариант осмысления разнообразия как одной из наиболее очевидных характеристик бытия. Диалектическое мышление стремится отобразить мир в движении, а подобное стремление с необходимостью предполагает фиксацию соотношений разнородных элементов бытия, дифференцирование и интегрирование явлений окружающего мира. Метафизическое мышление, напротив, имеет стремление отвлечься от многих второстепенных, производных элементов, от излишнего разнообразия и отразить только самое устойчивое, фундаментальное. То есть ни одно из философских направлений не может отвлечься от осмысления данного феномена, который имеет значение фундаментального свойства бытия.

В философской онтологии разнообразие рассматривалось прежде всего в рамках проблемы субстанции, своеобразного «общего знаменателя», к которому сводятся многочисленные материальные и духовные явления. Сведение многого к единому, по-видимому, следует рассматривать как естественное стремление человека, выстраивающего систему ориентации в мире, то есть, собственное мировоззрение.

Монизм и плюрализм как онтологические позиции являются результатами теоретического осмысления разнообразия как фундаментальной характеристики мира, человека, сферы познания. Эти характеристики представляют собой отражение всей совокупности количественных и качественных различий, фиксируемых на уровне предметов и их свойств. При этом разнообразие следует понимать и в онтологическом аспекте, как предметный мир, сущее, так и в относительном, релятивистском смысле, как сопоставительную характеристику степени разнородности бытия, которая имеет существенное значение в теории познания. Разнообразие в релятивном понимании — это система различий или признаков, фиксируемых в определенных границах субъектом.

Разнообразие является также существенным фактором процесса познания. Жизнедеятельность человека и общества необходимо предполагает структурирование бытия и упорядочивание его элементов в процессе не только практической, но и познавательной деятельности. Оба аспекта упорядочивания разнообразия получали в истории философской и научной мысли различное толкование. При этом процесс практики и познания описывался либо с позиций тождества бытия и мышления, теории корреспонденции в истолковании истины, либо как более произвольный, субъективно окрашенный, творческий процесс, что характерно для значительной части постмодернистских концепций философии.

Понятие разнообразия генерируется человеком в процессе осмысления сложности, дискретности и в то же время целостности бытия. Фиксация от-

дельных вещей, свойств не может удовлетворить действующего субъекта, поскольку деятельность требует комплексного восприятия мира, построения системы атрибутов деятельности в виде материальных ресурсов, ориентиров, технологий. Этот первичный уровень отражения сущего можно назвать *констатирующим*. Если воспользоваться формально-логическими категориями, это уровень уяснения содержания понятий, а также построения суждений существования. Но констатации всегда оказывается недостаточно. Она всего лишь основа аналитической и практической деятельности, предполагающих как минимум установление связей между объектами, а также между объектами и их качествами. Это уровень формирования суждений об отношениях и атрибутивных суждений, построения умозаключений различного типа: дедуктивных, индуктивных, умозаключений по аналогии.

Процессы деятельности предполагают соотнесение элементов бытия, определение приоритетов и осуществление выбора, что невозможно без регулярной фиксации сходств и различий, то есть констатирующий уровень отражения действительности дополняется *аналитическим*.

В контексте диатропики новое звучание приобретают проблемы человека, личности. Процесс личностного развития может быть представлен как перевод во внутренний план элементов внешнего разнообразия, которые синтезируются в уникальные внутриличностные структуры. Наиболее важным компонентом подлежащего усвоению внешнего разнообразия являются социальные отношения, нормы, ценности. Таким образом, внутриличностное и внеличностное разнообразие находятся во взаимодействии, взаимно обуславливают друг друга. Их баланс не в последнюю очередь определяет различные человеческие качества.

Социальные субъекты выделяются и выделяют себя сами в процессе самоидентификации на основании соотнесения с различными уровнями бытия, с определенными видами деятельности или сферами общественных отношений, социальными группами различной природы. Люди могут идентифицировать себя преимущественно с техносферой, экосистемой, наукой, религией и т.п. Они могут определять свою сущность, солидаризируясь, например, с городским или деревенским образом жизни, то есть с любой значимой социокультурной подсистемой.

Мировоззрение субъекта является, таким образом, результатом отражения не одной, а многих систем его собственной деятельности. Устанавливая систему соизмерения, субъекты *определяют свой собственный социальный масштаб*, и здесь присутствует еще один диатропический фактор: каждая из указанных подсистем воплощает в себе различную меру разнообразия, причем в каждом конкретном случае соотношение различных типов разнообразия (вещного, личностного, информационного, первичного, вторичного или модификационного) будет неодинаковым. А каково значение тех подсистем, которые не являются доминантными, но тем не менее имеют отношение к конкретному субъекту? Сколько этих сфер? Какова их иерархия? Какими из значимых факторов или сфер деятельности

и при каких обстоятельствах субъект готов пожертвовать? Все эти вопросы являются конкретизацией экзистенциальных проблем, свойственных человеку.

Идентифицируя себя с определенным типом микросреды или подсистемой общества, субъект тем самым ориентируется на определенные совокупности факторов, значимых для его существования и деятельности, на определенные наборы средств деятельности, присущие конкретным социальным технологиям.

Специфические особенности социальных субъектов оказываются более или менее совместимыми друг с другом, более или менее распространенными в различных средах. Осмысление феноменов различности, сходства, совместимости, несовместимости лежит в основе понимания качества социальных взаимодействий.

Деление на «своих» и «чужих», поиск единомышленников, союзников, определение противников — все это обычные социальные действия, глубоко укорененные в сознании и поведении всех народов, имеющие отражение как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Установление различий, дифференциация и селекция объектов в соответствии с ними — необходимый социальный механизм, основа деятельности как таковой, поскольку все элементы деятельности — цели, идеалы, средства — требуют прежде всего усилий по дифференциации сущего, установления сходств и различий, соответствий и несоответствий между ними.

Разнообразие следует рассматривать как фундаментальную потребность человека. Эта потребность уравнивается потребностью в целостности, то есть в определенной мере единообразия. Удовлетворение первой потребности в общем виде выводит субъекта из состояния стабильности, создавая ситуации неопределенности, стимулируя разнонаправленную активность. Удовлетворение второй потребности сокращает неопределенность, формирует систему ориентации, стабилизирует бытийные ситуации. Обе потребности в своем единстве обеспечивают жизнедеятельность и развитие личности. Это один из реальных механизмов активности социальных субъектов, изучение которого имеет самостоятельное значение. Непрерывная фиксация сходств и различий, использование их как ориентиров деятельности — важнейшая особенность разумной человеческой деятельности.

Разнообразие как философская категория имеет свою диалектическую противоположность — единообразие (однообразие), которое представляется частным моментом разнообразия, так же как, например, движение и покой. Эти понятия употребимы по отношению ко всем элементам социальной реальности. Во-первых, к элементному составу социума (институтам, социальным статусам, нормам), во-вторых, к социальным отношениям и процессам, в-третьих, — к информации как отраженному разнообразию. Понятие «разнообразие», следовательно, отражает как статический, так и динамический аспекты рассмотрения общества применимо как к материальному объективному миру, так и к сфере сознания. Это понятие обладает статусом фило-

софской категории, поскольку является средством выражения универсальных законов бытия и познания, является необходимым звеном системы философского знания в целом и социально-философского знания в частности. Но доказательство категориального статуса не является самоцелью: перспективная, определяющая задача — анализ роли разнообразия в системах деятельности личности, социальной группы, социума.

Литература

1. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Воронов Б.А. Экологические основы сохранения биологического разнообразия на осваиваемых регионах (на примере Нижнего Приамурья): автореф. ... докт. дис. Владивосток, 2000.

References

1. Chajkovskij Yu. V. Ehlementy' e'volyucionnoj diatropiki. M.: Nauka, 1990. 272 s.
2. Voronov B. A. E'kologicheskie osnovy' soxraneniya biologicheskogo raznoobraziya na osvivaemy'x regionax (na primere Nizhnego Priamur'ya): avtoref. ... dokt. dis. Vladivostok, 2000.

O.A. Mekka

On the Issue of the Principle of Diversity in the Approach to the Analysis of Social Phenomena

The article is devoted to the phenomenon of social diversity, which is understood as the basis and the factor of the evolution of society. Different social subjects develop specific ways of responding to changes in the level of diversity, and use it differently in constructing social technologies.

Key words: diversity; social diversity; diatropika; social diatropika; spectra of diversity; center and periphery; reproduction of diversity; use of diversity; selection of diversity.

О.В. Летов

Проблемы овладения навыками личностного знания в концепции М. Полани

Статья посвящена проблеме овладения навыками в концепции личностного знания М. Полани — одного из ранних представителей постпозитивистской философии. В этой концепции подчеркивается аксиологический, личностный характер познания, включая и процессы овладения навыками. Чтобы освоить то или иное искусство, необходимо непосредственное общение учителя с учеником. Делается вывод о том, что современная эпистемология едва ли будет полной вне учета личностного фактора в научном познании.

Ключевые слова: образование; концепция «личностного знания»; постпозитивизм; эпистемология.

М Полани наряду с Н.Р. Хэнсоном, Т. Куном, П. Фейерабендом, С. Тулмином и др. относится к представителям так называемого постпозитивистского направления в западной философии науки. Идеи, высказанные в их работах, являются естественной реакцией на узкий эмпиризм философии логического позитивизма. Истоки философской концепции М. Полани можно проследить в работах таких мыслителей, как Паскаль и Д. Юм, И. Кант и Л. Витгенштейн, М. Бубер и Э. Гуссерль, А. Койре и П. Дюгем. Основные принципы концепции М. Полани включают следующие положения.

1. Предложения науки не являются простыми описаниями наблюдений, и их истинность или ложность не может быть установлена целиком в процессе наблюдения. 2. Знание всегда подкрепляется интеллектуальным чувством субъекта; предположения до тех пор не становятся частью науки, пока их кто-нибудь не выдвинет и не заставит в них поверить. Это чувство играет известную роль в определении того, что является и что не является «наукой». 3. Любой процесс овладения навыками использования инструментов, управления техникой и т.п. предполагает неявно выраженное подчинение определенным предположениям о природе вещей, которые субъект непосредственно не осознает, то есть осознает «вспомогательно», а не «фокально». Хотя и не существует никаких гарантий относительно корректности подобных предположений, но без них субъект не может осуществить процесс отбора знания. Неявное знание является источником всего остального знания. 4. Все человеческое знание о внешнем мире основывается на неявно принятом метафизическом базисе. Философские основания являются неотъемлемой частью самой науки.

Полани подчеркивал аксиологическую природу личного знания. «В тот момент, когда мы познаем нечто личностным образом, — пишет М. Полани, — по отношению к познаваемым вещам мы устанавливаем определенные стандарты, между которыми существует определенная иерархия в соответствии с тем, что значит для нас тот или иной предмет. Мы оцениваем постигаемые сущности, критикуем отдельные их компоненты в зависимости от их способности составлять единое целое. Все это постепенно приводит к оценке индивидуумами реальности с их собственной точки зрения» [8: р. 14].

Личностное знание необходимо для того, чтобы преодолеть разрыв между очевидностью и выводом, который субъект делает на ее основе. Великий ученый обладает особым даром, позволяющим ему преодолевать указанный разрыв. Полани проводит различие между первоначальным, или эвристическим, разрывом, который может служить критерием оригинальности ученого, с одной стороны, и остаточным разрывом, который сохраняется в процессе последующих подтверждений научного открытия, — с другой. Акт преодоления разрыва в принципе неартикулируем: представить этот акт в соответствии со строгими правилами — нелегкая задача. «Открытия, сделанные в соответствии с известными правилами, — пишет М. Полани, — это вовсе не открытия, а лишь рутинные исследования, не обладающие и крупницей оригинальности. Соответственно любое объяснение процесса обучения с точки зрения точных наук разрушает понятие разума, если разум рассматривать как проявление оригинальности» [8: р. 13]. Решение проблемы является продуктом интеллектуального напряжения.

Понимание — одна из важнейших категорий в концепции личного знания Полани. Согласно этой концепции, понимание — это то, что придает смысл и реорганизует человеческий опыт, это средство контроля над опытом. Неявное знание служит ключом к любому пониманию. В работе «Научная мысль и социальная реальность» Полани писал, что «понимание — это средство, которое я признаю как центральный акт познания, поскольку оно присутствует в любом акте познания и выступает конечным мотивом этого акта. То, что не понято, не может быть познано» [8: р. 120]. Структура неявного знания наиболее четко проявляется именно в акте понимания, когда разрозненные части соединяются в единое целое. Полани нередко говорил о том, что «мы знаем больше, чем мы можем сказать» [10: р. 26]. То, что выражено в словах или числах, отражает лишь малую часть действительного знания, которым обладает субъект. Следовательно, неявное знание нельзя просто «транслировать» или «конвертировать» в явное знание, поскольку при этом игнорировался бы невыразимый аспект этого знания.

Согласно Полани, процесс познания всегда включает в себя действия, требующие навыков и умения, и познающий субъект необходимо участвует во всех актах понимания. Личностное суждение призвано преодолеть разрыв, существующий между текстом и реальностью. Это суждение — акт, требующий навыков и умения — включает в себя деятельность как сознания, так и тела. Полани

подчеркивает, что существует единственная вещь, которую субъект в полной мере осознает — это человеческое тело. Обычно человек не рассматривает свое тело как внешний объект, но он всегда использует тело в качестве средства познания внешнего мира. Познавательные средства не используются сами по себе: их использует человек. Его взаимодействие с реальностью предполагает применение определенных телесных способностей: «достигнутой в процессе формирования чувствительности зрения, слуха, осязания» [9: р. 31]. «Способ, на основе которого телесные функции включаются в процесс восприятия, можно обобщить до понимания телесных путей всего процесса мышления и познания, — писал Полани в работе «Познание и бытие»... — Части нашего тела служат средством наблюдения за внешними объектами и манипулирования этими объектами» [5: р. 147].

Природа навыков и умения выражается, согласно Полани, в неких неявных правилах. «Цель деятельности, требующей определенных навыков и умения, — писал он в работе «Личностное знание», — достигается посредством некоего набора правил, которые субъекту неизвестны, но которым он следует в своих поступках» [6: р. 49]. Навыки и умения достигаются, согласно Полани, посредством «духовного усилия, которое обладает эвристическим эффектом: оно включает в себя любой элемент, необходимый для реализации конкретной цели... Это обычный процесс неосознанных проб и ошибок, благодаря которому мы чувствуем наш путь к успеху и можем продолжать свое совершенствование, не осознавая того, как мы это делаем» [6: р. 62].

Согласно Полани, именно «неявное» знание служит связующим звеном между обыденным опытом, наукой и искусством. Любая наука способна предсказывать наблюдаемые факты, утверждает английский философ, благодаря искусству устанавливать с помощью зрения, слуха и осязания соответствие между научными предположениями и реальным чувственным опытом субъекта. Практический опыт играет существенную роль в процессе научной деятельности. Например, биолог, врач или инженер должны (наряду с «явным» знанием) обладать определенными практическими навыками и умением, которые позволяли бы им легко ориентироваться в проблематике своего исследования. Это «неявное» знание передается из поколения в поколение в форме практического искусства тем же самым способом, каким, например, студенты обучаются научной квалификации в лаборатории. Конечно, биолог, врач или инженер могут во многом черпать свое знание из книг. Но книги становятся бесполезными, если чтение не сопровождается формированием соответствующих практических навыков и умения, которые Полани относит к «личностному» знанию.

С. Шенк проводит параллель между концепцией личностного знания Полани и основанной на традиции протестантской системой «критического образования». «Концепция «личностного знания» Полани, в рамках которой все знание формируется посредством ответственной личности, в значительной мере вступает в резонанс с протестантским представлением о послушничестве, — пишет Шенк. — Каждый индивид обязан сделать личностный сознательный выбор следовать за Спасителем. Каждый верующий призван быть

службой и демонстрировать свидетельства своей веры так же, как и быть вовлеченным в процесс взаимного морального общения, когда взгляды отдельного индивида подвергаются проверке сообществом» [11].

Существенное значение идеи Полани имеют для теории и практики образования. Полани указал на то обстоятельство, что навыки и умения в той или иной профессии передаются в полной мере только в процессе непосредственного общения учителя и ученика в решении тех или иных практических задач. «...М. Полани подвергает критике традиционное разделение процессов научного исследования и профессионального образования, — пишет В.А. Лекторский, — считая их сторонами единого процесса развития человеческого знания» [1].

Подчеркивая автономность «мира объективного знания», К. Поппер предлагает читателю представить себе следующую ситуацию. После того как человеческий род исчезнет, некоторые книги или библиотеки, возможно, будут найдены некоторыми цивилизованными потомками (не имеет значения, будут ли они земными живыми существами, которые сделались цивилизованными людьми, или некоторыми пришельцами из космоса). Эти книги могут быть дешифрованы [2: с. 82]. Полани мог бы по этому поводу возразить, что, хотя эти книги и могут быть дешифрованы, чтобы их понять, необходимо непосредственное общение с носителями данной культуры. Особое значение приобретает вывод о том, что современная эпистемология едва ли будет полной вне учета личностного фактора в научном познании.

Литература

1. Лекторский В.А. Предисловие // Полани М. Личностное знание. М.: Наука, 1985. 344 с.
2. Поппер К.Р. Объективное знание / Пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
3. Agassi J. Kuhn's way // Philosophy of the social sciences. Toronto, 2002. Vol. 32. № 3. P. 394–430.
4. Biggs Ch.R. Epistemology according to Michael Polanyi, Cornelius Van Til, and John Calvin // Mode of access. — <http://free.pdf-download.org/ebooks-everyman+revived%3a+the+common+sense+of+michael+polanyi>
5. Polanyi M. Knowing and being. Chicago, 1969. 239 p.
6. Polanyi M. Personal knowledge. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958. 428 p.
7. Polanyi M. Persons // Tradition & discovery. The Polanyi society periodical. Greenville, 2010. Vol. 36. № 3. P. 6–18.
8. Polanyi M. Scientific thought and social reality: essays. N.-Y.: International university press, 1974. 158 p.
9. Polanyi M., Prosch H. Meaning. Chicago, 1975. 380 p.
10. Polkinghorne J. C. The Faith of a Physicist: Reflections of a Bottom-up Thinker. New Jersey: Princeton University Press, 1994. 211 p.
11. Shenk S. W. Anabaptist ways of knowing: a proposal for tradition-based, critical education // Mode of access. — http://www.religiouseducation.net/member/02_papers/shenk.pdf

References

1. *Lektorskiĭ V.A.* Predislovie // Polani M. Lichnostnoe znanie. M.: Nauka, 1985. 344 s.
2. *Popper K.R.* Ob'ektivnoe znanie / Per. s angl. D.G. Laxuti; otv. red. V.N. Sadovskij. M.: E'ditorial URSS, 2002. 384 s.
3. *Agassi J.* Kuhn's way // Philosophy of the social sciences. Toronto, 2002. Vol. 32. № 3. P. 394–430.
4. *Biggs Ch.R.* Epistemology according to Michael Polanyi, Cornelius Van Til, and John Calvin // Mode of access. — <http://free.pdf-download.org/ebooks-everyman+revived%3a+the+common+sense+of+michael+polanyi>
5. *Polanyi M.* Knowing and being. Chicago, 1969. 239 p.
6. *Polanyi M.* Personal knowledge. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958. 428 p.
7. *Polanyi M.* Persons // Tradition & discovery. The Polanyi society periodical. Greenville, 2010. Vol. 36. № 3. P. 6–18.
8. *Polanyi M.* Scientific thought and social reality: essays. N.-Y.: International university press, 1974. 158 p.
9. *Polanyi M., Prosch H.* Meaning. Chicago, 1975. 380 p.
10. *Polkinghorne J. C.* The Faith of a Physicist: Reflections of a Bottom-up Thinker. New Jersey: Princeton University Press, 1994. 211 p.
11. *Shenk S. W.* Anabaptist ways of knowing: a proposal for tradition-based, critical education // Mode of access. — http://www.religiouseducation.net/member/02_papers/shenk.pdf

O.V. Letov

The Problems of Mastering the Skills in the Concept of M. Polanyi

The article is devoted to the problem of mastering of skills in the concept of personal knowledge of M. Polanyi — one of the earliest representatives of postpositivism philosophy.

This concept emphasizes the axiological and the personal nature of cognition, also including the processes of mastering skills. To comprehend this or that art should be direct communication with a student and a teacher. It is concluded that contemporary epistemology can hardly be completed without taking into account the personal factor in the scientific cognition.

Key words: education; the concept of «personal knowledge»; postpositivism; epistemology.

М.Г. Чеснокова

О социокультурных основаниях типов рациональности

В статье анализируются социокультурные основания различных типов рациональности — классического, неклассического, постнеклассического — механизмы их смены. Вскрывается связь принципов постнеклассической парадигмы с социальными реалиями современного общества. Опровергается представление о методологии постмодернизма как особом типе рациональности.

Ключевые слова: типы рациональности; постнеклассическая парадигма; постмодернизм; сетевое мышление; предмет психологии; диалектическая психология.

В философской и психологической литературе последнего времени довольно прочно утвердилось представление о том, что современная эпоха — это эпоха *постмодернизма*. Ее отличает особый постнеклассический тип рациональности, опирающийся на принцип дополненности естественно-научного и гуманитарного знания, признание свободы выбора методологии исследования с тенденцией к принятию герменевтической традиции. Постмодернизм в психологии позиционирует себя как гуманистическую парадигму с установкой на коммуникативность и «связь всего со всем». Либеральный «имидж» новой научной парадигмы привлек к ней немало сторонников в отечественной психологии. Однако собственно научный аспект новой методологии вызывает немало вопросов.

Основное возражение у историков науки вызывает принципиальный *антиисторизм* постмодернистской модели развития психологии. История присутствует в ней как *контекст*, но не как *принцип научного исследования*. Это, в свою очередь, препятствует осознанию подлинных оснований самой научной парадигмы. Принцип историзма в научном исследовании предполагает не просто описание существующих типов рациональности (в современном науковедении — классического, неклассического, постнеклассического), но также анализ механизмов их возникновения и смены. Рассмотрение этих механизмов и составляет предмет данной статьи.

Социокультурные основания классической парадигмы

Как показал М.К. Мамардашвили [2], смена типа рациональности связана с изменением места интеллектуала и роли знания в общественной системе. Каждой исторической эпохе соответствует определенная *социальная фигура мыслителя*. В классический период развития науки интеллектуальная деятельность

существует обособленно от экономической жизни общества и даже противопоставляется ей. В незаинтересованности мыслителя материальными благами видится залог объективности его научных построений. Напротив, участие в системе материального производства и распределения рассматривалось как основной источник субъективизма и предвзятости оценок и мнений участников этого процесса. Отсюда противопоставление мыслящего интеллектуала (субъекта познания) производящему большинству. Разделение системы общественного производства на *производство знаний* и *производство вещей* составило объективную основу дуализма духовного и материального в философии и психологии.

При этом классической парадигме свойственна просветительская вера в универсальность человеческой природы и сознания. Различия в способности людей к познанию связывались исключительно с неравенством в их социальном положении и соответственно *в возможностях осуществления процесса познания*. Однако потенциально каждый человек способен к познанию истины. Индивид может прийти к истине либо самостоятельно (философ, мыслитель), либо путем присвоения знаний, открытых до него (обыватель). Возможность такого присвоения обеспечивается *универсальностью законов человеческого сознания*. Присвоение происходит посредством воспроизведения тех интеллектуальных операций (операций сознания), в которых представлено данное знание.

Одним из основных постулатов классической философии является *принцип единства сознания и осознания*. Согласно этому принципу, мы адекватно познаем внешний мир при условии, что одновременно схватываем ту познавательную операцию, с помощью которой он познается. Осознание мысли совпадает здесь с осознанием вещей. Основоположник неклассической психологии Л.С. Выготский пришел к выводу, что такое совпадение характерно только для научных понятий. Однако возможно сознание внешнего мира без осознания соответствующих интеллектуальных операций (сознание без осознания). Таковы житейские понятия. Подлинное знание возникает в «точке встречи» двух линий развития — научных и житейских понятий. В классической парадигме знание рассматривается как осознанная мысль, которая может быть воссоздана другим в тождественных универсальных условиях (в условиях позиции «невмешательства»). Выготский показал, что именно воссоздание мысли (в отличие от словесного определения) составляет основную трудность при усвоении научных понятий.

Таким образом, главной особенностью классического периода развития науки является *невключенность* субъекта интеллектуальной деятельности в реальный экономический процесс, что создает иллюзию суверенности мышления. Одновременно складывается представление об исходной противоположности двух видов познания: *теоретического* — объективного и общезначимого и *практического* — заинтересованного и субъективного. При этом только первое из них фактически признается истинным. *Будучи индивидуальным по способу осуществления, оно является общезначимым по своему содержанию*. Так в науке утверждается концепция индивидуального мыслителя, сохраняющаяся, как мы покажем ниже, в своих основных чертах и сегодня.

Кризис классической парадигмы и смена типа рациональности

Одной из главных причин кризиса классической парадигмы и последующей смены типа рациональности стало противоречие между постулатом о способности индивида рационально строить свой мир и реальной практикой индивидуальной и общественной жизни. Оказалось, что рациональные схемы, создаваемые теоретическим мышлением «свободно мыслящего» интеллектуала, в большинстве случаев так и остаются абстрактными схемами и не воплощаются в действительность. Они никак не соотносятся с практической деятельностью, которая мотивируется и управляется совсем другими законами. Возникнув в отрыве от практики, они остаются чуждыми ей. «Чистое сознание», свободно оперирующее предметами в пределах мысли, не учитывало *материального сопротивления вещей*. В результате оно столкнулось с невозможностью осуществления «разумного» управления действительностью, не желающей соответствовать «правильным» рациональным построениям. Не случайно в философии и психологии возникают представления об иррациональности и враждебности косных материальных сил (З. Фрейд, «философия жизни» и др.). Преодоление разрыва теории и практики становится основной задачей нового *неклассического типа рациональности*.

Единство теории и практики как основа неклассической парадигмы

Первый шаг в направлении преодоления этого разрыва был сделан К. Марксом, заявившим об отказе от созерцательной философии в пользу деятельной революционной философии, преобразующей отжившую действительность. В психологии существенный вклад в становление неклассической парадигмы внесли отечественные психологи XX века, в первую очередь Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, С.Л. Рубинштейн.

Л.С. Выготский поставил вопрос о перестройке психологической теории на основе принципа практики. А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн вскрыли деятельностную природу мышления. С.Л. Рубинштейн доказал, что практическое мышление является генетически первичной формой мышления. П.Я. Гальперин пришел к выводу, что сама функция психики в эволюции состоит в ориентировке действий субъекта во внешней действительности. Это значит, что идеи, понятия только тогда становятся частью индивидуального опыта человека, когда они содержат в себе «ориентировочную основу» конкретных действий. Мысль усваивается в процессе ее реализации. Из этого следует, что рациональная идея имеет шанс воплотиться в действительность только при условии, что она, во-первых, учитывает (заключает в себе) материальные законы этой действительности, а во-вторых, соответствует уровню развития практической деятельности, достигнутой на данный момент индивидом. Концепция «чистого мышления», противопоставлявшего себя практике, была отвергнута самой этой практикой.

Классический тип рациональности оставался господствующим в науке в течение нескольких веков, что позволило проявиться как продуктивным,

так и наиболее уязвимым аспектам этой методологии. Неклассическая парадигма с самого начала складывалась в острой полемике с классической традицией (что в некоторых случаях способствовало перевесу критической составляющей в ущерб содержательной) и была вытеснена формирующимся новым типом рациональности прежде, чем был раскрыт весь ее исследовательский потенциал. Основные линии неклассического подхода к изучению психики были только намечены, когда наука столкнулась не просто с новыми фактами психической жизни, созданными социальной действительностью, но с *качественно иным социальным типом самого субъекта познания.*

Социокультурные предпосылки постнеклассической парадигмы

С конца XIX века интеллектуальная деятельность становится неотъемлемым компонентом производственной деятельности, а к началу XXI века превращается в основной фактор развития производства. Сегодня стоимость товара определяется, главным образом, количеством затраченного на него интеллектуального труда. Возникла новая отрасль производства — *производство новых технологий*, основу которой составляет именно интеллектуальная деятельность. В области естествознания человеческая мысль все глубже проникает в тайну «материи». Появляются новые виды «материи», смоделированные человеческим сознанием. Границы духовного и материального постепенно стираются. Современные интеллектуалы склонны видеть в этих тенденциях видимое торжество человеческой мысли над «мертвой материей» и, как итог, *исчезновение объективной реальности*, фундаментального понятия классической науки, оказавшейся не сущностью, а переходящим явлением. Библейское «В начале было Слово» становится лозунгом современных течений философской и психологической мысли (конструктивизм, нарративный подход, христианская психология и др.), образующих широкий спектр направлений, объединяемых постмодернистской парадигмой.

Общественный характер производства приводит к тому, что интеллектуальная деятельность (как его часть) приобретает *массовый характер*. Субъект интеллектуального труда утрачивает свое привилегированное положение интеллектуального монополиста, разделяя общую судьбу любого работника наемного труда. Его деятельность непосредственно или опосредованно служит прагматическим целям, его познание уже не является «чистым», а носит заведомо пристрастный (обусловленный этими целями) характер. Классическая схема циркуляции знания (субъект познания – объект присвоения знания) сменяется представлением о едином субъекте познания, где каждый индивид выступает потенциальным субъектом интеллектуальной деятельности. Монологическая форма мышления, характерная для классической науки, уступает место «диалогу» и «полифонии» сознаний.

Массовый характер интеллектуальной деятельности порождает новый вид социальной фобии — страх утраты собственной индивидуальности. Отсюда настойчивое утверждение индивидуальных ценностей, своего особого «видения» мира, права быть «неправильным», нашедшее идейное выражение в *принципе интеллектуального плюрализма.*

Прагматизм и пристрастность современного мышления рассматриваются представителями постмодернизма в качестве *универсальной характеристики* научного мышления. В действительности, как было показано выше, указанные особенности носят *конкретно-исторический*, а не всеобщий характер.

Превращение свободного интеллектуала в массового субъекта интеллектуальной деятельности делает его зависимым от законов общественной деятельности, в том числе от влияния общественной идеологии. Сознание современного интеллектуала формируется другими в той же мере, в какой он сам формирует сознание других. В классическую эпоху мыслитель-интеллектуал выступал в роли просветителя неразвитой, ограниченной массы. Сегодня его встреча с аудиторией опосредована средствами идеологической «обработки» массового сознания. Его аудитория — это аудитория, подготовленная и «отформатированная» средствами массовой коммуникации. И сам он, чтобы быть услышанным и понятым, вынужден обращаться к ней в формах и терминах этих коммуникаций.

Происходит взаимопроникновение *науки и идеологии*. С одной стороны, идеология приобретает все более наукообразный вид. Ссылки на науку и использование внешних форм теоретической аргументации становятся *общей социальной нормой идеологического убеждения*. С другой стороны, наука все чаще обращается ко вненаучным областям человеческого опыта, перестраивая под его влиянием свой язык и метод познания действительности. Так рождается новая форма мышления — теоретическое по форме, но прагматическое (и даже обыденное) по содержанию. Именно оно определяет сегодня общий стиль мышления современного общества. На этом фоне возникает новая задача, не свойственная более ранним периодам развития науки, — задача выделения собственно научного знания из потока наукообразных, псевдонаучных образований.

Массовый характер интеллектуальной деятельности приводит к тому, что субъект интеллектуального труда неизбежно оказывается не только *производителем*, но и *потребителем* знания, созданного другими. Интеллектуальная деятельность приобретает общественный характер не только с точки зрения используемых средств и конечных результатов, но и по самому *способу своего осуществления*.

В 20-е годы XX века Л.С. Выготский писал о кризисе в психологии, который он определял как *методологический*. С позиции сегодняшнего дня этот кризис может рассматриваться также как *кризис классической концепции индивидуального мыслителя*. Эта концепция стала основной причиной появления множества «авторских», не связанных друг с другом, замкнутых в себе теорий. Выготский констатировал отсутствие общей психологической теории как основной признак кризиса науки. При этом он возлагал надежды на диалектический метод К. Маркса как на методологический путь выхода из кризиса. Между тем, как писал тот же Маркс, все противоречия научной теории в конечном счете разрешаются на почве практики. Иными словами, обобщение психологических знаний предполагает наличие соответствующей социальной базы, а именно объединения исследовательских усилий ряда психологов в решении научных проблем. Стихийно этот

процесс идет уже давно. Сегодня этой цели служит идея создания *интегративной психологии* [5; 8; 10; 11].

Отличительной чертой современности является появление все большего числа научных проблем, решение которых в принципе не может быть чьим-то индивидуальным делом. Субъектом интеллектуальных решений в этом случае становится не индивид, а группа. Результат работы группы относительно независим от его индивидуального теоретического понимания. Теоретическое осмысление результата часто происходит уже задним числом, после того как был получен неоспоримый практический эффект. Это свидетельствует о коренном изменении отношений между **теорией и практикой**. Теория не обязательно предваряет практическое действие, а практика обнаруживает способность решать свои задачи независимо от теории. Это создает иллюзию возможности вообще обходиться без теории. Функциональное единство и работа группы вполне обеспечиваются возможностями условного, *конвенционального языка* без достижения подлинных обобщений. На первый план выходит способность кооперации и системной организации идей. Единство науки в целом обеспечивается не внутринаучными, а **социальными средствами** с помощью таких приемов, которыми общество осуществляет кооперирование труда вообще. Так возникает новая форма науки — общей по способу осуществления, но не по уровню осмысления. Подобный способ развития научного знания М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев определяли как «победоносное шествие науки, которая «не доведена (или не полностью доведена) до сознания» [9: с. 191].

Общей предпосылкой перехода от индивидуальной формы интеллектуальной деятельности к общественной является отчуждение продуктов интеллектуального труда от его создателя и превращение их в предмет обмена (или продажи). Отчужденное знание становится *интеллектуальной собственностью*. В руках другого знание выступает в первую очередь предметом владения, который он использует по своему усмотрению и в соответствии со своим пониманием его возможностей. Будучи усвоенным, это знание *перестраивает* сознание другого. «Чужое» знание, не ассимилированное сознанием, функционирует как относительно автономный инструмент в рамках его собственной интеллектуальной деятельности. При этом конечный эффект его использования определяется закономерностями самой этой деятельности.

Эти и другие социальные реалии определили очередную смену типа рациональности, составив социокультурные основания *постнеклассической парадигмы*.

Особенности постнеклассического типа рациональности

Тенденция к сближению научной деятельности со сферой общественного производства отразилась в ряде установок и принципов новой модели научного видения.

Идеологизация критериев научности: плюрализм, толерантность, свобода выбора методологии, интерсубъектность как критерий истины, неопрагматизм,

являющиеся не столько критериями оценки научного знания, сколько принципами организации социального взаимодействия внутри научного сообщества.

Ориентация науки на принцип самоорганизации знания — аналог «рыночных отношений» в экономике. Введение этого принципа имеет целью, с одной стороны, оградить науку от насильственной организации «сверху», с другой, освобождает ученых от необходимости методологической рефлексии, связанной с определением внутринаучных принципов организации научного знания.

Постнеклассический тип рациональности выдвигает свою концепцию истории науки, согласно которой, история знания есть не смена, а накопление научных идей. Изменение взгляда на историю науки как существующую «здесь и теперь» ставит проблему поиска нехронологического принципа связи различных концепций и школ, откристилизовавшихся в истории науки. Таким принципом является модель «*сетевого мышления*» [4; 5]. Сетевое мышление представляет собой особый тип научного мышления, заимствованный из практики систем массовой коммуникации (Интернет), обеспечивающих «связь всего со всем». Сетевое мышление опирается на принцип плюрализма, утверждающего самостоятельную ценность каждой научной теории. Связывая различные научные направления между собой, сетевое мышление формирует своеобразную «топографическую карту» пространства психологического знания. Такая «карта» призвана стать ориентиром для исследователя, стремящегося найти свою научную нишу и определить круг методологически близких подходов как возможный диапазон своей исследовательской деятельности.

Новая концепция истории науки формирует *тенденцию к «потреблению» уже существующих научных теорий и готовых методологических средств*, отбираемых и модифицируемых исследователем под конкретную научную задачу [3]. На этом фоне развитие научной теории фактически утрачивает свою актуальность. Основной сферой приложения теоретического мышления становится разработка «универсальных» и метакатегорий психологической науки [2; 10], представляющих собой обобщение содержания различных научных концепций.

В рамках постнеклассического типа рациональности складывается новый идеал человека науки. Это прежде всего профессиональный исполнитель, свободно оперирующий различным методологическим инструментарием, через который, как через «линзы», он смотрит на мир психологических проблем. Если сравнить этот образ ученого с его классическим аналогом, то мы будем вынуждены констатировать, что *производитель знания* уступил место *профессиональному потребителю уже существующего научного знания*, более или менее успешно оперирующему (или манипулирующему) им. Преобладание потребления над производством всегда считалось свидетельством кризиса общественной системы. Постмодернистская модель развития психологии провоцирует наступление подобной ситуации и в науке. Исходя из этого, перспективы последовательного использования постмодернистской парадигмы в психологической науке вызывают серьезные опасения.

Деятельность производства и деятельность потребления

В психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева значительное внимание уделяется проблеме присвоения культурных средств в процессе «врастания» ребенка в культуру. Присвоение раскрывается им как механизм «распредмечивания» человеческой деятельности, способностей и знаний, представленных в предмете культуры. При этом Леонтьев не уточнял, о «распредмечивании» какой именно деятельности в данном случае идет речь. Дело в том, что в каждом предмете, созданном руками человека, одновременно представлено два вида деятельности: *деятельность производителя* и *деятельность потенциального потребителя* данной вещи (поскольку любая вещь служит предметом удовлетворения определенной человеческой потребности). В первые годы жизни основные культурные приобретения ребенка связаны с открытием назначения окружающих его предметов и приобретением навыков их использования. На этой стадии ребенок выступает как *потребитель* достижений культуры. Однако с определенного возраста перед молодым человеком встает задача активного включения в систему производства и развития общества. Те же вещи приобретают для него новый смысл как предметы, *созданные* человеком. Теперь они должны быть «распредмечены» им с точки зрения деятельности по созданию этих предметов. Из потребителя он превращается в *производителя и творца* культуры.

То, что достаточно очевидно в отношении предметов материальной культуры, относится и к области человеческого знания. Знание — также продукт культуры. Как в таковом в нем представлены, с одной стороны, деятельность по открытию нового знания — мысль, с другой, потенциальная возможность оперирования и использования этого знания. Знание, отчужденное от мыслителя, есть «мертвое знание». Такое знание, не «распредмеченное» человеком, не развернутое им в живую исследовательскую мысль, присутствует в его сознании как набор словесных ярлыков, которые он более или менее умело накладывает на действительность («оперирует словом»). Рассмотреть фрагмент действительности в терминах определенной теории (как через «линзы», по выражению постмодернистов) еще не значит овладеть ее методологией. Назвать явление новым словом — не значит открыть в нем что-то новое. Напротив, открытие новых свойств является основанием отнесения явления к определенной категории. *Методология есть способ исследования, позволяющий выявить эти новые свойства.*

Отличительной чертой постмодернистской парадигмы является своеобразная *мистификация методологического инструментария науки*. Предполагается, что выбор определенной методологии как бы автоматически определяет дальнейшую работу исследователя и гарантирует научный результат. Современная психология накопила широкий набор различных методов и методик. Однако их неумелое использование порождает огромное количество научных «поделок». Неадекватное применение метода как раз и является свидетельством *невладения* соответствующей методологией.

Постнеклассическая парадигма как особый тип рациональности

Ядро классической парадигмы составляет формирование теоретического (созерцательно теоретического) мышления, развивающегося в отрыве от практики. Неклассическая парадигма вводит практику внутрь теории, формируя практически обусловленное, теоретическое мышление (в психологии — психотехническое мышление). Спецификой постнеклассической парадигмы является фактический отказ от теоретического мышления как деятельности. Его место занимает алгоритмическое, инструментально-центрированное мышление. Именно такое мышление позволяет обеспечить видимую легкость в освоении и гибкость в смене методологического аппарата. Это тип мышления, где субъектом мышления является не столько сам человек, сколько используемый им методологический инструментарий, определяющий все его действия. *Человек подчиняется средству*. В социальной и производственной жизни это явление широко известно. Однако для науки это явление относительно новое. В постмодернистской парадигме оно впервые получает методологическое признание и статус научного мышления.

Из вышесказанного напрашивается следующий вывод. Постмодернистская парадигма не является каким-то принципиально новым типом рациональности, на статус которого она претендует. Скорее это некая наукообразная схема, фиксирующая наличное положение вещей в науке: преобладание индивидуального стиля научной деятельности с элементами обобществления и коммуникации; отчуждение знания и особенности его циркуляции в научном сообществе; потребность в овладении всем многообразием знаний, накопленных наукой, и реальный инструментализм в способе его освоения; преобладание потребления знаний над его производством; экспансия психологической науки в другие сферы общественной жизни при отставании научной рефлексии; поиск новых форм научного мышления и т.д.

Следует развеять еще один миф, связанный с представлениями о постмодернистской парадигме в психологии. Сторонники данной парадигмы рассматривают ее как более высокий уровень рациональности по сравнению с классическим и неклассическим типом. Считается, что постнеклассический тип рациональности преодолевает более ранние формы, сохраняя их в качестве частных стратегий психологического исследования («отрицание отрицания», по Гегелю). В действительности постнеклассическая парадигма в ее настоящем содержании со всем набором провозглашаемых ею принципов оказывается возможна именно потому, что она сохраняет базовое положение классической рациональности — концепцию индивидуального мыслителя. Только теперь эта концепция обретает новое выражение в виде принципа плюрализма научных идей, самооценности авторских концепций, признания личных ценностей исследователя и т.д. Модель сетевого мышления оказывается единственно возможной формой связи различных концепций и стоящих за ними индивидуальных сознаний при сохранении их автономии.

Проблема содержательного обобщения научного знания также решается на основе *классического* (номиналистского) понимания общего как одинако-

вого для всех, составляющего принцип формирования универсальных категорий и метакатегорий постнеклассической психологии. Таким образом, «отрицания» классической парадигмы здесь не происходит.

Отношение постнеклассической психологии к неклассической парадигме является более сложным и требует отдельного исследования. Однако уже сейчас можно отметить связь постнеклассической парадигмы с некоторыми идеями культурно-исторической теории Л.С. Выготского: признание общения (в новой парадигме коммуникации) основой формирования обобщений, абсолютизация роли средств деятельности, понимание усвоения знаний как развития способа оперирования словом. Психология безусловно нуждается в развитии исследовательской парадигмы, однако постнеклассическая парадигма в ее нынешнем (постмодернистском) варианте не столько разрешает, сколько консервирует методологические проблемы современной психологии.

«Предмет психологии — самый трудный из всего, что есть в мире»¹

Существенной характеристикой современной психологии является нарастающая тенденция к обобществлению науки. Последнее включает: значительное увеличение числа научных работников; необходимость создания эффективной системы взаимодействия и обмена продуктами научной деятельности между ними; стремление к преодолению отчуждения научного знания и создание возможностей для свободного приобщения к широкой палитре научных достижений психологии; коллективный способ решения ряда научных проблем; возрастание влияния психологии на общество и, главное, *общественный характер самого предмета психологии*.

Разделение труда, лежащее в основе общественного производства, ведет к весьма неравномерному распределению психических свойств и способностей между людьми. Профессия и социальное положение человека определяет усиленное развитие одних качеств в ущерб другим. Структура сознания индивидов, занятых в одной системе производства, часто приобретает зеркальный характер. *Методологический смысл этого факта для психологии состоит в том, что носителем всего многообразия явлений психического (психики в ее всеобщем выражении) оказывается не индивид, а совокупность различных индивидов, представляющих данную общественную систему*. Признание этого факта является преодолением классической парадигмы в самом центральном ее основании. К этому выводу из отечественных психологов вплотную подошли Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев. Последний, в частности, писал: «Деятельность, образы, словом, все психическое, может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом инфраструктура психического может быть понята только в связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще» [7: с. 258].

¹ Цит. по Л.С. Выготскому [1: с. 417].

Главным противоречием психологической науки является противоречие между общественным характером научного познания и частным способом осознания своей деятельности его участниками. Основой данного противоречия является объективная сложность (парадоксальность!) предмета психологии, в котором всеобщее реализуется через различное, единство — через многообразие. Постмодернистская парадигма останавливается на признании и различия и многообразия явлений психического, но отрицает его всеобщность (поскольку в духе классической психологии отождествляет всеобщее с одинаковым). В той мере, в какой сущность психического видится в его различии, проблема общего здесь автоматически снимается.

Л.С. Выготский связывал выход психологии из кризиса с созданием общей психологии как «диалектики психологии». Именно с диалектической психологией, опирающейся на диалектическое, а не эмпирическое понимание общего [7], мы связываем принципиально новый для психологии тип рациональности.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 487 с.
2. *Гарбер И.Е.* Метапсихологический подход к интеграции психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 484–502.
3. *Гусельцева М.С.* Постмодернистская критика и субъективизм в форме пристрастности // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 175–179.
4. *Гусельцева М.С.* Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 98–103.
5. *Зеленкова Т.В.* Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 32–62.
6. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Полит. лит., 1991. 464 с.
7. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М.: МГУ, 1994. 285 с.
8. *Мазиллов В.А.* Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 427–458.
9. *Мамардашвили М.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 240 с.
10. *Уилбер К.* Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ, 2004. 412 с.
11. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 503–523.

References

1. *Vygotskij L.S.* Sobr. soch.: V 6 tt. T. 1. M.: Pedagogika, 1982. 487 s.

2. *Garber I.E.* Metapsixologicheskij podxod k integracii psixologii // Teoriya i metodologiya psixologii: postneklassicheskaya perspektiva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Institut psixologii RAN, 2007. S. 484–502.
3. *Gusel'ceva M.S.* Postmodernistskaya kritika i sub"ektivizm v forme pristrastnosti // Voprosy' psixologii. 2006. № 2. S. 175–179.
4. *Gusel'ceva M.S.* Tipy' metodologicheskix ustanovok v psixologii // Voprosy' psixologii. 2005. № 6. S. 98–103.
5. *Zelenkova T.V.* Progressivny'e tendencii razvitiya psixologii v kontekste integracionny'x processov v sovremennoj nauke // Progress psixologii: kriterii i priznaki / Pod red. A.L. Zhuravleva, T.D. Marcinkovskoj, A.V. Yurevicha. M.: Institut psixologii RAN, 2009. S. 32–62.
6. *Il'enkov E'.V.* Filosofiya i kul'tura. M.: Polit. lit., 1991. 464 s.
7. *Leont'ev A.N.* Filosofiya psixologii. M.: MGU, 1994. 285 s.
8. *Mazilov V.A.* Integraciya nauchnogo znaniya v psixologii // Teoriya i metodologiya psixologii: postneklassicheskaya perspektiva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Institut psixologii RAN, 2007. S. 427–458.
9. *Mamardashvili M.* Klassicheskij i neklassicheskij idealy' racional'nosti. M.: Logos, 2004. 240 c.
10. *Uilber K.* Integral'naya psixologiya: Soznanie, Dux, Psixologiya, Terapiya. M.: AST, 2004. 412 s.
11. *Yurevich A.V.* Integraciya psixologii: utopiya ili real'nost'? // Teoriya i metodologiya psixologii: postneklassicheskaya perspektiva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Institut psixologii RAN, 2007. S. 503–523.

M.G. Chesnokova

On Socio-Cultural Bases of Types of Rationality

The article present an analysis of the sociocultural bases of different types of rationality — classical, nonclassical, postnonclassical — and mechanisms of their changing. The relationship of the principles of postnonclassical paradigm to the social realities of contemporary society is revealed. The idea of the methodology of postmodernism as a special type of rationality is disproved in the article.

Key words: types of rationality; postnonclassical paradigm; postmodernism; network thinking; the subject of psychology; dialectical psychology.

Е.Н. Геворкян

Подготовка педагогических кадров в современной России: социально-философский аспект

В статье дается краткий анализ ключевых моментов в становлении и развитии системы подготовки отечественных педагогических кадров, намечаются пути дальнейшего развития и совершенствования этой системы с учетом существенного роста квалификации педагогов и обеспечения их высокого социального статуса.

Ключевые слова: совершенствование системы подготовки педагогических кадров; модернизация образования; повышение квалификации работников системы образования.

В пункте 4 Рекомендации ЮНЕСКО «О положении учителей»¹ отмечается, что «развитие образования в значительной степени зависит от квалификации и мастерства учителей в целом и от человеческих, педагогических и профессиональных качеств каждого из них» [5]. Именно поэтому необходимость создания развитой и современной системы подготовки педагогических кадров и государственных мер поддержки педагогов, социальных гарантий требует модернизации всей сферы образования. Для этого необходимо существенно повысить качество педагогического образования в стране и квалификацию работающих педагогов. Образовательная политика государства должна быть направлена на обеспечение высокого социального статуса педагогов, престижа профессии, высокой значимости учительского труда для общества.

Первая попытка профессиональной подготовки учителей была предпринята еще в 1779 году в учительской семинарии, открытой при Московском университете. Однако только во второй половине XIX века под влиянием реформ начинает развиваться система педагогических учебных заведений, а следовательно, увеличивается количество учителей. В 1864 году сразу после издания «Положения о народных училищах» Министерство народного просвещения стало открывать учительские семинарии. С 1872 года появляются учительские институты, зани-

¹ Принята 05.10.1966 г. Специальной межправительственной конференцией о статусе учителей.

мающиеся подготовкой преподавателей для этих семинарий. Главной задачей всех учреждений педагогического образования того времени являлась подготовка учителей, «преданных православию и самодержавию», поэтому профильное Министерство настаивало на минимизации общеобразовательных программ, усилении религиозного и монархического воспитания. Земства и представители общественности, в том числе К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой и др., напротив, требовали повышения качества подготовки учителя начальной школы при углубленном изучении общеобразовательных предметов и предметов профессиональной подготовки, а также улучшения материального и правового положения учителя.

В 1869 году в Новгороде и Рязани открылись первые земские учительские семинарии, отличающиеся от министерских более значительным вниманием к профессиональной подготовке, более широкими общеобразовательными программами, более демократичным подходом к воспитанию. В 1870 году было разработано Положение «Об учительских семинариях», которое действовало до 1917 года.

К началу XX века народное просвещение развивалось в сторону постепенного увеличения и развития учебных заведений. Следует отметить, что получить звание учителя в дореволюционной России можно было не только в учительских семинариях и институтах, но и на педагогических отделениях университетов, в восьми классах гимназий и на специальных курсах. Учителей также готовили в церковно-учительских школах, епархиальных училищах, в женских учебных институтах ведомства императрицы Марии, из стен которых «по окончании учебного класса... выходили учительницы и гувернантки» [6].

В сентябре 1913 года Государственной Думой было принято решение об открытии в честь 300-летия дома Романовых сразу 93-х учительских семинарий с образцовыми училищами при них. Начал внедряться принцип «трехверстного радиуса», согласно которому в каждой округе должна была действовать хотя бы одна начальная школа.

Однако, увеличивая количество учебных заведений, государство сознательно сдерживало качество подготовки учителей. Двойственность государственной политики в системе образования не позволила достичь поставленных целей повышения образовательного уровня населения.

На 1000 человек населения приходилось 1,7 учителя. Удельный вес грамотных людей на различных территориях страны отличался в разы, например на Кавказе — 124 человека, а в Сибири — 268 человек на 1000 человек населения.

Вопросы профессиональной подготовки широко обсуждались на первом Всероссийском учительском съезде, состоявшемся в конце 1913 года. На нем присутствовали более 6 тыс. учителей из различных регионов Российской империи. Основные проблемы, обсуждаемые на съезде, сводились к плохой подготовке народных учителей и их тяжелому материально-правовому положению [3].

Статус учителя в России резко изменился после Октябрьской революции 1917 года. В январе 1918 года зарплата учителям начальной школы была уве-

личена в три раза, что приравнивало учителя в материальном отношении к врачам и инженерам. Учителя получили право повышать квалификацию в вузах, выпускать периодические издания по вопросам педагогики, заниматься общественной деятельностью. В учебных заведениях комплектация педагогического коллектива шла на выборной основе, что было введено еще Временным правительством. Для участия в выборах претенденты были обязаны предоставить свидетельство о педагогическом образовании, но очень часто отсутствие такого образования не препятствовало принятию на работу, в то время как «отсутствие идейности» являлось серьезной причиной для отказа [4]. Коммунистическая идеология становилась неотъемлемой частью образования.

Необходимо отметить, что наиболее интенсивное развитие педагогического образования характерно для начала 30-х годов XX столетия. Культурная революция в деревне, колхозное строительство, индустриализация страны потребовали повышения образовательного уровня населения и выявили острую нехватку учительских кадров. К 1927 году 20 % учителей начальных школ РСФСР не имели даже среднего образования; в огромной стране насчитывалось всего 195 педагогических техникумов, не считая высших курсов, 9 педагогических институтов и 9 педагогических факультетов при университетах. Дефицит преподавательских кадров особенно обострился в связи с переходом в 1930 году ко всеобщему обязательному начальному обучению, когда дополнительно потребовалось 50 000 учителей для сельских школ.

В результате принимаемых на государственном уровне усилий с 1927-го по 1932 год количество педагогических вузов в РСФСР выросло с 18 до 62, а контингент студентов в них увеличился с 16 097 до 40 398 человек. Число педагогических техникумов за этот период выросло до 564, а количество учащихся в них — с 41 400 до 143 000 человек [1]. Кроме того, в качестве преподавателей в школы привлекались агрономы, зоотехники, ветеринары, служащие государственных, хозяйственных учреждений с организацией для них краткосрочных курсов учительской переподготовки.

Форсированное наращивание количественных показателей в подготовке кадров привело к тому, что остро встал вопрос о качестве подготовки педагогов. Шел экспериментальный поиск путей улучшения качества подготовки учителей. Еще в 1924 году были определены два направления подготовки специалистов — индустриальный и сельскохозяйственный. Большинство педагогических вузов были реорганизованы в агропедагогические или индустриально-педагогические институты с трехлетним сроком обучения. Одни готовили учителей для школ колхозной молодежи, другие — для фабрично-заводских училищ, школ-десятилеток. С целью укрепления связи обучения специалистов с их будущим производством аналогичным образом перестраивалась и система педагогических техникумов. Однако позже произошел переход на единые учебные планы. Основополагающее значение для всего последующего развития советской высшей и средней специальной школы имело Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 года

«Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», на основе которого вводились единые учебные планы и программы, упорядочивалось издание учебников и пособий, возрастала роль академических знаний, усиливался контроль над успеваемостью студентов.

Получившая во всем мире заслуженное признание советская система образования, в том числе педагогического, была создана для ликвидации безграмотности, а также для индустриализации страны. В советский период давалось унифицированное, фундаментальное образование, которое предназначалось для обеспечения бесперебойной профессиональной деятельности человека в какой-либо одной отрасли или области деятельности на протяжении всей жизни.

В 1980-е годы ЦК КПСС и Совет Министров СССР особое внимание уделяют совершенствованию подготовки педагогических кадров системы просвещения и профессионально-технического образования; расширению подготовки учителей и воспитателей для общеобразовательных школ и профессионально-технических учебных заведений; принятию мер к дальнейшему развитию инженерно-педагогического образования в стране; осуществлению постепенного перехода педагогических институтов на пятилетний срок обучения по специальностям «Русский язык и литература», «Родной язык и литература», «История», «Математика», «Физика», «Общетеchnические дисциплины и труд».

Новый этап в развитии образования связан с демократизацией общества и развитием рыночных отношений в 90-е годы XX века. В результате глубоких экономических и политических трансформаций проблемы педагогического образования и задачи его модернизации существенно изменились. За короткий срок произошла адаптация российского образования к принципиально новым условиям политической и экономической жизни общества; прежде всего сформировались условия для вариативности образовательных учреждений и образовательных программ; был создан негосударственный сектор образования.

На рубеже XX и XXI веков по нарастающей изменялся уровень образования населения. Так, по итогам переписи населения 2002 года из 1000 человек в возрасте 15 лет и более, 902 человека имели образование основное общее и высшее (1989 г. — 806 человек). По экспертным оценкам, получение высшего образования приобрело для большинства граждан России высокую ценность. Системы высшего профессионального образования, унаследованной от советского общества, оказалось недостаточно для удовлетворения растущих потребностей населения. В результате уже в 90-е годы XX века возникло более 500 новых вузов, в основном негосударственных, и приобрела значительные масштабы практика обучения в государственных вузах на платной основе. Если в 1990 году на 10 тыс. населения приходилось 190 студентов, то в 2002-м — уже 414. Необходимо отметить, что изменение численности именно педагогических вузов в 90-е годы было незначительным по сравнению с общим удвоением числа вузов. Более того, число педагогических вузов уменьшилось.

Вместе с тем такие, имеющие место в 90-е годы, факторы как недофинансирование образования, нарастающее имущественное расслоение населения, массовость высшего образования и падение престижа среднего профессионального и начального профессионального образования, а также спад в ряде отраслей экономики привели к негативным явлениям в системе образования. Произошли резкое снижение социального статуса работников образования и престижа учительского труда, старение преподавательских кадров, износ материально-технической базы системы образования, разрыв между структурой подготовки кадров и потребностями экономики. Самой острой проблемой стало несоответствие качества образования на всех его уровнях, в том числе на уровне школы, требованиям времени. В числе прочего это выразилось в недостаточном использовании в образовательном процессе новых информационных технологий. Как отмечалось на заседании Государственного Совета Российской Федерации в 2006 году, «педагогические вузы в массе своей продолжают воспроизводить “вчерашнего” учителя для завтрашнего дня. Реформа педагогического образования должна стать опережающей по отношению к реформированию школы» [9].

Одним из важных факторов, влияющих на ситуацию в образовании в целом и в педагогическом образовании в частности, является ухудшение демографической ситуации в стране. Если в 2000 / 2001 году численность учащихся общеобразовательных учреждений составляла 20 554 тыс. чел., то в 2010 / 2011 году — только 13 569 тыс. чел. При этом численность учителей составляет 1067 тыс. чел. В среднем на одного учителя (с учетом совместителей и руководителей), по оценкам Министерства образования и науки РФ, приходится 12–13 учеников, что меньше, чем в других развитых странах, где на одного учителя приходится 14–15 учеников. Однако это усредненный показатель. На практике, по сообщениям СМИ, многие регионы сталкиваются с дефицитом преподавателей, что связано в числе прочего и с тем, что оплата учительского труда во многих регионах остается довольно низкой. Следует, однако, отметить, что в результате последних успехов демографической политики государства, а именно принятия дополнительных мер по материальной поддержке семей, имеющих двоих детей (выплата «материнского капитала»), в 2011 году наибольшим спросом пользовались преподаватели начальных классов.

О значительном потенциале российского педагогического образования, с одной стороны, и о наличии в нем серьезных проблем, — с другой свидетельствуют результаты международного исследования подготовки учителей начальной школы и учителей математики (TEDS-M), которое проводилось в 2008 году в 17-ти странах мира [7]. В нем приняли участие студенты последних курсов педагогических вузов. Будущие учителя-предметники из России в рейтинге знаний заняли второе место, уступив лишь Тайваню, будущие учителя начальной школы России по математике оказались на 4-м месте, по методике преподавания на 5-м, уступив Сингапуру, Тайваню, Норвегии, США и Швейцарии. Россию в исследовании представляли студенты как педагогических вузов, так и классических

университетов. При этом более высокие знания показали студенты педагогических вузов. Отличие было обнаружено также в качественном составе студентов: в классических университетах он более однородный, что свидетельствует о более строгом отборе. Однако на вопрос анкеты — «Будут ли они работать в школе?» — положительно ответили лишь 20 % студентов, обучающихся по специальности «Учитель начальной школы», и 5 % студентов, получающих профессию преподавателя-предметника. При этом официальные данные говорят о том, что 40–60 % выпускников педагогических вузов все же идут работать именно в школы [2].

Вместе с тем специалисты, комментируя результаты исследования, обращают внимание на несоответствие высоких результатов, демонстрируемых будущими педагогами, низким результатам, которые показывают выпускники школ на ЕГЭ по математике.

Дискуссионным остается вопрос о необходимом числе педагогических вузов для удовлетворения кадровых потребностей системы образования. В настоящее время в Российской Федерации действует 73 педагогических вуза. При этом в ряде регионов вузы подобного профиля отсутствуют. На основе части педагогических институтов, созданных еще в советское время, образованы классические университеты. Ряд экспертов указывают, что имеют место ситуации, когда через несколько лет после закрытия педагогического вуза регион вновь ставил вопрос о его открытии.

В результате реализации с 2005 г. приоритетного национального проекта «Образование» учителя получают доплаты за классное руководство, лучшим педагогам регулярно выделяются гранты и премии. В отрасли начала внедряться новая система оплаты труда, осуществляется массированная переподготовка и повышение квалификации учителей. Поставлена задача обеспечения в ближайшие несколько лет заработной платы учителей на уровне не ниже средней по региону, в котором они трудятся. В целях привлечения перспективных выпускников высших учебных заведений для работы в школах им предоставляется государственная поддержка. Источником финансирования государственной поддержки определена федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, за счет средств которой из федерального бюджета предоставляются субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации. Таким образом, государственное внимание к подготовке и поддержке педагогов остается стабильно высоким.

С 2011 года в связи с принятием новых стандартов профессионального образования происходит массовый переход вузов на уровневую систему подготовки педагогических кадров (бакалавриат, специалитет, магистратура). Это создает возможность выбора гибкой образовательной траектории. Каждый школьник России, успешно освоивший программу общеобразовательной школы и заинтересованный в своем дальнейшем образовании, должен иметь возможность поступить в любой педагогический вуз страны для получения степени бакалавра и освоения фундаментальных знаний и методов исследования, а также прикладных умений, позво-

ляющих успешно конкурировать на рынке труда. Бакалавры, успешно освоившие программу по одному из предлагаемых педагогическим вузом направлений, могут продолжить свое обучение в магистратуре по другому направлению и овладеть профессиональными компетенциями в смежной области.

Поскольку практические умения и навыки определяются образовательной программой вуза, существует реальная возможность создания практико-ориентированных программ магистратуры, согласованных с работодателями. Такая образовательная политика позволит в течение 6 лет осуществить подготовку педагогов, владеющих методиками преподавания, направленными на развитие учащихся с учетом их возрастных и личностных особенностей. Для этого должны быть выделены учебные площадки-лаборатории, которые будут взаимодействовать с вузами. Так, например, в Москве уже выделено примерно 10 дошкольных образовательных учреждений для прохождения в них практики студентами-психологами педвузов.

В феврале 2011 года утверждена Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы [8], задачами которой являются: модернизация общего и дошкольного образования как института социального развития; приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда; развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг.

Во всех федеральных округах страны в ближайшие годы планируется также создание стажировочных площадок для обучения и повышения квалификации педагогических и руководящих работников системы образования в области модернизации муниципальных систем дошкольного образования, а также для распространения моделей образовательных систем, обеспечивающих современное качество общего образования.

Повышение квалификации педагогических и руководящих работников системы образования будет в том числе включать повышение квалификации специалистов для реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования и предполагает внедрение персонифицированных моделей повышения квалификации, включая, в частности, развитие системы переподготовки и повышения квалификации учителей информатики общеобразовательных учреждений в соответствии с едиными требованиями.

На базе стажировочных площадок будут созданы центры справочно-методической и технической поддержки общеобразовательных учреждений по использованию информационных технологий и электронных образовательных ресурсов в учебном процессе.

Президент России Д.А. Медведев по итогам заседания Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, состоявшегося 31 августа 2011 года, поручил Правительству Российской Федерации представить программу модернизации системы педагогического образования на 2012–2013 годы; разработать и реализовать комплекс мероприятий по подготовке, переподготовке и повышению квалификации учителей и руко-

водителей общеобразовательных учреждений; разработать механизм привлечения молодых специалистов и аспирантов к преподаванию в школах профильных предметов, соответствующих их специальности.

Выполнение всех задач, стоящих перед системой педагогического образования, будет способствовать началу качественных позитивных изменений и превращению отечественного образования в гибкую саморазвивающуюся систему.

Библиографический список

Литература

1. Журавлев А.М. Советская государственная доктрина подготовки учительских кадров для сельских школ в 1927–1932 гг. // История государства и права. 2008. № 20. С. 31–34.

2. Информация Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации «О введении новых систем оплаты труда работников государственных учреждений субъектов РФ и муниципальных образовательных учреждений» // Официальные документы в образовании. 2009. № 15.

3. Мамкина И.Н. Государственная политика в системе подготовки учительских кадров в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 10. С. 36–37.

4. Мамкина И.Н. Изменение материально-правового положения учителя в условиях смены власти в начале XX века // История государства и права. 2010. № 11. С. 36–37.

Интернет-ресурсы

5. Рекомендация ЮНЕСКО «О положении учителей», принятая 05.10.1966 г. Специальной межправительственной конференцией о статусе учителей. – <http://zonazakona.ru/Law/abro/739> (дата обращения: 10.02.2012 г.).

6. Ведомства учреждений императрицы Марии. – http://krao.ru/rb-topic_t_125/htm (дата обращения: 15.03.2012 г.).

7. Материалы к выступлению Министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко на Совете при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов 19.01.2010 г. – <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6564/> (дата обращения: 14.03.2012 г.).

8. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. – <http://www.fcpro.ru> (дата обращения: 13.03.2012 г.).

9. Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О развитии образования в Российской Федерации» 24 марта 2006 г. – <http://archivi/kremlin.ru/text/appears2/2006/03/24/103975/shtml> (дата обращения: 15.03.2012 г.).

References

Literatura

1. Zhuravlev A.M. Sovetskaya gosudarstvennaya doktrina podgotovki uchitel'skix kadrov dlya sel'skix shkol v 1927–1932 gg. // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 20. S. 31–34.

2. Informaciya Profsoyuza rabotnikov narodnogo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii «O vvedenii novy'x sistem oplaty' truda rabotnikov gosudarstvenny'x uchrezhdenij sub'ektov RF i municipal'ny'x obrazovatel'ny'x uchrezhdenij» // Oficial'ny'e dokumenty' v obrazovanii. 2009. № 15.

3. Mamkina I.N. Gosudarstvennaya politika v sisteme podgotovki uchitel'skix kadrov v Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv. // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2009. № 10. S. 36–37.

4. Mamkina I.N. Izmenenie material'no-pravovogo polozheniya uchatelya v usloviyax smeny' vlasti v nachale XX veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 11. S. 36–37.

Internet-resursy'

5. Rekomendaciya YuNESKO «O polozhenii uchitelej», prinyataya 05.10.1966 g. Special'noj mezhpriatel'svennoj konferenciej o statuse uchitelej. – <http://zonazakona.ru/Law/abro/739> (data obrashheniya: 10.02.2012 g.).

6. Vedomstva uchrezhdenij imperatriczy' Marii. – http://krao.ru/rb-topic_t_125/htm (data obrashheniya: 15.03.2012 g.).

7. Materialy' k vy'stupleniyu Ministra obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii A.A. Fursenko na Sovete pri Prezidente Rossii po realizacii prioritny'x nacional'ny'x proektov 19.01.2010 g. – <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6564/> (data obrashheniya: 14.03.2012 g.).

8. Federal'naya celevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gg. – <http://www.fcpro.ru> (data obrashheniya: 13.03.2012 g.).

9. Stenograficheskiy otchet o zasedanii Gosudarstvennogo soveta «O razvitiy obrazovaniya v rossijskoj Federacii» 24 marta 2006 g. – <http://archivi/kremlin.ru/text/appears2/2006/03/24/103975/shtml> (data obrashheniya: 15.03.2012 g.).

E.N. Gevorkyan

Training of Teachers in Modern Russia: Social and Philosophical Aspects

The article presents the brief analysis of key points for establishment and development of Russia's teachers training system; it outlines target ways of further development and improvement of the system taking into account considerable growth of educators' qualification level and high social status.

Key words: teachers training system development; education modernization; educators professional development.

И.А. Васильев

Образование как ценность и образовательные ценности. *Мнения выпускников МГПУ*

В статье анализируются ключевые моменты подготовки квалифицированных педагогических кадров в вузе. Избрав отправной точкой результаты конкретного социологического исследования, проведенного при его непосредственном участии, автор рассматривает в качестве феномена ценность образования и образовательные ценности, отношение к ним выпускников университета — основных потребителей образовательных услуг. Материалы статьи могут представлять определенный научный интерес для философов и социологов, специализирующихся на проблемах образования высшей школы.

Ключевые слова: навыки и компетенции; подготовка квалифицированных специалистов; социологическое исследование; мотив поступления в вуз; выбор специальности; престиж; статус; конкурентоспособность.

В XXI веке социальный институт образования стал ведущим механизмом развития и одним из важнейших условий формирования инновационного общества. Высокоразвитые страны мира работают над формированием экономики, базирующейся преимущественно на генерации, трансляции и использовании новейших знаний. На развитие образования как социального института и социального процесса всегда оказывали и оказывают влияние потребности экономики, социальной сферы, рынка труда и в конечном счете государства. В настоящее время вся мировая экономика находится под воздействием таких тенденций, как глобализация, интеграция и мировое сотрудничество. Следовательно, образовательное пространство той или иной страны, вовлеченной в этот процесс, неминуемо подвержено кардинальным изменениям в соответствии с существующими тенденциями.

Сегодня образовательные системы развитых стран, отвечая на вызовы времени, должны искать и находить адекватные ответы. Повышенное внимание общества к качеству, фундаментальности, широте подготовки специалистов ставит перед образованием задачу гибко и оперативно реагировать на запросы социума и требования времени. В сложившихся условиях общим для развития образовательных систем высокоразвитых стран выступает потребность в подготовке специалиста, обладающего не только уникальными навыками и компетенциями, но и способного быстро адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и социально-политическим реалиям жизнедеятельности. И потому основным ресурсом и источником роста и личности, и «об-

разовательного общества» следует считать высокую квалификацию и адаптивность человека, специалиста, получившего высшее образование. Понятие «образовательное общество», под которым понимается общество, в котором человек может реализовать право на непрерывное образование, введено в научный оборот А.И. Субетто [3]. По его мнению, именно «образовательное общество» является ключевой категорией в прогнозном сценарии развития образования в XXI веке не только в России, но и в мире, поскольку это главное условие перехода человечества на стратегию устойчивого развития [3].

В наше время система образования как социальный институт и социальный процесс всё более и более обретает черты непосредственной производительной силы общества, превращается в важнейший инструмент не только духовного, но и материального воспроизводства его жизни. Образование позиционируется как одна из основных ценностных категорий, характеризующих социально-экономическое, социокультурное положение страны, государства в мировом сообществе. По некоторым данным, прирост знаний и образования обеспечивает более 60 % прироста национального дохода США и других развитых стран.

В совместной Декларации министров образования стран Европы (Болонья, 1999 г.) подчеркивалось, что Европа призвана дать своим гражданам знания, которые отвечали бы вызовам нового тысячелетия. В Декларации особо подчеркивалась ведущая роль высших учебных заведений в культурном развитии Европы. Россия — европейская держава, участница Болонского процесса, и одним из условий ее активного участия в этом процессе является развитие системы образования на европейском и мировом уровне и подготовка квалифицированных специалистов по всем отраслям знаний, в том числе и в педагогической сфере.

Как эти задачи решаются в реальной жизни, целесообразно рассмотреть, опираясь на результаты конкретного социологического исследования. Оно было проведено в конце 2010–2011 учебного года в Московском городском педагогическом университете и было посвящено вопросам совершенствования образовательного процесса в вузе. Основной категорией респондентов выступили выпускники ряда институтов и факультетов университета (выборочная обследованная совокупность составила: $n = 269$ человек или свыше 17 % генеральной совокупности — выпускников 2011 учебного года). Исследователи (исследование проводили научные сотрудники лаборатории мониторинговых исследований в системе образования НИИСО МГПУ) выдвинули предположение, что наиболее полно, относительно объективно и независимо охарактеризовать положительные и отрицательные стороны учебно-воспитательного процесса в вузе способны именно выпускники вуза.

Выбор вуза

Результаты анкетирования показали, что 42 % респондентов самостоятельно выбрали данное учебное заведение для поступления. Иными словами, для довольно значительной доли респондентов сам факт поступления в университет

выступал определенной образовательной ценностью. Наряду с этим 25 % тогдашних абитуриентов последовали совету родителей, а 13 % — совету школьных учителей. В то же время 21 % выпускников объясняют выбор данного учебного заведения случайностью. Можно предположить, что именно этот фактор случайности коррелирует с тем фактом, что 20 % респондентов не выбрали бы МГПУ, если бы им пришлось вновь поступать в вуз. 40 % выпускников, напротив, не сомневаясь бы, сдали свои документы в приемную комиссию именно этого университета. Однако, с другой стороны, настораживает тот факт, что 32 % слушателей, завершивших на момент проведения исследования обучение в вузе, затруднились дать определенный ответ на вопрос анкеты: «Если бы вам пришлось поступать сегодня в вуз, выбрали бы вы МГПУ вновь?» Это может свидетельствовать о том, что, даже по окончании вуза, фактически треть выпускников, участвовавших в исследовании, не до конца уверена в правильности своего выбора. Видимо, в ходе образовательного процесса преподавателям вуза в полной мере не удалось сформировать у определенного контингента студентов положительную установку на то, что они сделали достойный выбор и что получаемое ими образование представляет определенную ценность.

Кроме того, в общественном сознании сегодня доминирует не самое благоприятное представление о значимости педагогического труда, о его статусе. Да и престиж профессии «Учитель» по социально-экономическим показателям находится на недопустимо низком уровне.

Поэтому в ходе осуществления учебно-воспитательного процесса в вузе мы предлагаем уделить этому вопросу серьезное внимание. Придать педагогическому образованию большую значимость и увеличить долю выпускников университета — молодых педагогов, которые бы связали свою дальнейшую профессиональную деятельность с работой в учебных заведениях городской системы образования — одна из актуальных проблем современной системы педагогического образования.

Выбор специальности

Наряду с выбором вуза тогдашним абитуриентам предстояло определиться и с выбором специальности. Как подчеркивал Л. Туроу, «знание становится единственным источником долговременного конкурентного преимущества, поскольку все остальное выпадает из уравнения конкуренции; но знание может быть использовано только через квалификацию индивидов» [4: с. 15]. Как отметили 64 % выпускников, данную специальность они выбрали самостоятельно; 21 % респондентов — по совету родителей, а 9 % сослались на случайность. Почти у такой же доли выпускников (10 %) за время учебы изменилось отношение к избранной специальности в худшую сторону, а 9 % респондентов считают специальность, которую они получили в вузе, неперспективной. Однако не всё так пессимистично: 29 % считают ее перспективной, а 39 % — в определенной степени перспективной.

Но в то же время те знания, которыми студенты овладевали в ходе учебы, для определенной группы студентов не представляют особой ценности. Да и фактор «случайности» являлся в данном случае не лучшим советчиком в выборе жизненно важных ориентиров.

С другой стороны, было бы неверным оставить без внимания позицию 25 % респондентов, затруднившихся однозначно ответить на вопрос о перспективности избранной специальности. Конечно же преподавателям в ходе образовательного процесса трудно определить, в каком ракурсе студенты рассматривают свою будущую специальность: перспективна она, с их точки зрения, или нет. Поэтому в учебно-воспитательный процесс следует включать информацию о ценности и перспективности избранной студентами специальности, имея в качестве основного ориентира — повышение престижа профессии «Учитель».

Факторы становления специалиста

Исследователями было сформулировано предположение, что характеристика выпускниками образовательного процесса как совокупной ценности во многом зависит от того, какие условия созданы в вузе для творческого развития личности студента, какие факторы способствовали или не способствовали формированию студентов как специалистов, какие дисциплины и в какой степени оказывали им помощь в понимании общественно-политической ситуации. Известный американский ученый, исследователь основных тенденций современной цивилизации Пол Кеннеди подчеркивал, что «в широком смысле образование... включает в себя глубокое понимание причин изменения нашего мира, отношения других народов и культур к этим переменам, общности того, что нас объединяет, и того, что разделяет культуры, классы, нации» [6: с. 31].

Вот что по этому поводу говорят респонденты. По мнению 47 % выпускников, участвовавших в исследовании, условия обучения в университете в полной мере обеспечивали творческое развитие личности студента. Однако 39 % респондентов подчеркивают, что не в полной мере, а 11 % и вовсе категорически заявляют о том, что условия обучения не обеспечивали творческого развития личности студента вовсе. Если экстраполировать это мнение на всю генеральную совокупность, то может получиться довольно внушительная группа студентов-выпускников, не удовлетворенных условиями обучения в университете. В данном случае выявлено снижение значимости образовательных ценностей у определенной категории студентов.

Изучение специальных дисциплин наряду с прохождением педагогической практики должно оказывать на студента формирующее влияние в его становлении как специалиста. В таблице 1 представлено мнение респондентов по вопросу: «Считаете ли вы, что изучение специальных дисциплин и прохождение практики сформировали вас как специалиста?»

Таблица 1

**Мнение респондентов о влиянии основных факторов
на формирование будущего специалиста¹**

Основные факторы	В целом «да»	Скорее «да», чем «нет»	Скорее «нет», чем «да»	«Нет»	Затрудняюсь ответить
Специальные дисциплины	56	32	5	3	1
Практика	62	22	6	5	1

В общем и целом, с точки зрения выпускников, специальные дисциплины оказали несколько большее влияние на их формирование как специалистов. Потому «увеличение объема практики» почти в трети ответов называется респондентами в качестве одного из важных условий, которые необходимы для дальнейшего совершенствования учебного процесса в университете. При этом такой фактор, как «совершенствование содержания практики», выступает востребованным условием профессионального мастерства у более чем четверти (26 %) респондентов-выпускников. О необходимости увеличения количества часов, выделяемых на проведение студентами педагогической практики, и, в частности, бакалаврами-педагогами, говорили и респонденты другого исследования — участники Форума педагогических вузов России: 55 % опрошенных подчеркнули, что учебных часов, выделяемых на педагогическую практику, явно недостаточно.

Занятия научно-исследовательской деятельностью в университете считают важным 45 % респондентов, а 34 % — скорее важными для их профессионального становления. В качестве одного из условий дальнейшего совершенствования учебного процесса в вузе 21 % респондентов отмечает «большее вовлечение студентов в занятия наукой».

Наряду с уже вышеназванными условиями, развитие которых необходимо для дальнейшего совершенствования учебного процесса в университете, выпускники акцентировали в первую очередь внимание на:

- введении более эффективных учебных технологий и новых форм проведения занятий (35 %);
- совершенствовании учебного плана и графика занятий (34 %).

Кроме того, к факторам, способствующим совершенствованию образовательного процесса и, следовательно, представляющим для них определенную ценность, значимость, респонденты отнесли:

- пополнение библиотечного фонда (29 %);
- повышение требовательности преподавателей и более заинтересованное отношение преподавателей к своей работе (по 28 %);
- обеспечение учебно-методическими пособиями (27 %).

¹ Данные в таблице представлены в процентах к общему числу респондентов — участников исследования.

Можно предположить, что не все элементы образовательного процесса в полной мере удовлетворяли выпускников в процессе обучения и требовали, с их точки зрения, совершенствования. Иными словами, педагогическое образование нуждается в систематическом совершенствовании, поскольку «стратегическая цель государственной политики в области образования — повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина»[2].

Полученные нами данные показывают, что только 38 % респондентов утвердительно ответили на вопрос о том, считают ли они, что подготовка, которую они получили в вузе, поможет им в будущем стать конкурентоспособными специалистами на рынке труда. 15 % выпускников однозначно ответили — «нет». Причем 42 % участников анкетного опроса затруднились ответить на этот вопрос. С одной стороны, такая позиция может быть обусловлена развивающимися и укрепляющимися в стране принципами рыночной экономики, формирующими в некоторой степени ситуацию неопределенности, с другой — еще недостаточно развитой системой взаимодействия с работодателями. В целом же результаты нашего исследования подтверждают актуальность научно и практически обоснованной модернизации высшего профессионального педагогического образования как объективного требования современного этапа его развития.

Морально-психологический фактор

Существенно влияет на ход и результаты образовательного процесса морально-психологическая атмосфера, сформировавшаяся в вузе в целом, в студенческих группах, на факультетах и в институтах университета. Только 10 % выпускников охарактеризовали морально-психологическую атмосферу в вузе как напряженную. Доброжелательной и спокойной ее считают соответственно 50 % и 36 % респондентов. И потому вполне логично, что, давая характеристику отношений внутри коллектива университета в период обучения, в большинстве (от 59 % до 44 %) случаев выпускники говорили о них как о доброжелательных и нормальных.

В процессе обучения у наших респондентов могли возникнуть и возникали те или иные проблемы. И, естественно, для их разрешения или устранения они к кому-то могли или должны были обратиться, в зависимости от сути этих проблем. Чаще всего, как отмечали 60 % респондентов, адресатами выступали друзья, однокурсники; далее, по нисходящей, идут преподаватели — 34 % респондентов; родители — 16 % респондентов; кураторы групп — 14 % и администрация университета (института, факультета). Реже всего в данном списке называется студенческий совет (1 % респондентов), что может свидетельствовать либо о его низком авторитете, либо о том, что этот орган студенческого самоуправления не в силах был разрешить возникавшие у студентов вопросы, либо и о том и о другом вместе взятом. Из этого следует сделать вывод, что необходимо всесторонне повышать роль студенческого самоуправления как важного фактора качества образовательного процесса.

Несмотря на то, что абсолютное большинство респондентов оценили морально-психологическую атмосферу в вузе как доброжелательную и спокойную, только чуть более трети выпускников подчеркнули, что морально-психологический климат в университете «в полной мере способствует развитию творчества студентов». О том, что он «частично этому способствует», отметили 49 % выпускников, а 13 % указали на то, что «морально-психологический климат вуза не способствовал развитию научного творчества студентов».

И в этом видна недоработка кафедр и научно-исследовательских лабораторий вуза, которые, как мы можем предположить, недостаточно активно вовлекали и вовлекают студентов в свою научно-исследовательскую деятельность. В этих показателях просматриваются также и недочеты в работе как институтских (факультетских) студенческих научных обществ (СНО), так и в целом университетского СНО, которые недостаточно внимания уделяют вопросам координации, взаимодействия с научно-исследовательскими подразделениями вуза, функционирующими как в институтах и на факультетах, так и в структуре НИИСО. Развитие же творческих компетенций в общей структуре качеств будущих педагогов является очень ценным фактором их дальнейшей деятельности и профессиональной карьеры. Ибо, чтобы образование стало наиболее продуктивным и эффективным, оно должно быть «интересным для формирующейся и динамично развивающейся личности... включать актуализацию творческих способностей» [1: с. 42].

Подводя итог проведенному анализу, выделим его ключевые моменты:

– выбор педагогического вуза и специальности для довольно значительного числа выпускников являлся самостоятельным актом. Кроме того, этот выбор инициировался родителями и школьными учителями. Однако для определенной группы респондентов образование в университете, к сожалению, не стало непререкаемой ценностью;

– спектр образовательных ценностей в представлении большинства респондентов включал в себя перспективность избранной специальности; морально-психологический климат в вузе, способствующий развитию творческих качеств у студентов; изучение специальных дисциплин и прохождение педагогической практики; занятия научно-исследовательской деятельностью и некоторые другие. Наряду с этим, ряд направлений образовательного процесса в вузе, по мнению выпускников, требует совершенствования. К ним относятся: введение более эффективных учебных технологий и новых форм проведения занятий; совершенствование учебного плана и графика; увеличение времени и объема практики; повышение требовательности преподавателей; более заинтересованное отношение преподавателей к своей работе и ряд других.

Мы полагаем, что для того, чтобы университетское образование получило статус истинной ценности, вузу следует постоянно развивать и совершенствовать особо значимые для студентов образовательные ценности.

Литература

1. Делокаров К.Х. Образование — открытый диалог человека с миром (проблема «общества знаний») // *Философия образования: новые подходы: мат-лы межвузовской конференции*. М.: МГПУ, 2011. С. 25–43.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
3. Субетто А.И. Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке // «Академия Тринитаризма». М., № 77–6567, публ. 13946, 27.10.2006 г.
4. Филатова Л.О. Развитие преемственности школьного и вузовского образования в условиях введения профильного обучения в старшем звене средней школы. М.: Лаборатория базовых знаний, 2005.

References

1. Delokarov K.X. *Obrazovanie* — otkry'ty'j dialog cheloveka s mirom (problema «obshhestva znaniy») // *Filosofiya obrazovaniya: novy'e podxody'*: mat-ly' mezhvuzovskoj konferencii. M.: MGPU, 2011. S. 25–43.
2. *Koncepciya dolgosrochnogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 g.* Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r.
3. *Subetto A.I. Obrazovatel'noe obshhestvo kak forma realizacii strategii razvitiya obrazovaniya v XXI veke* // «Akademiya Trinitarizma». M., № 77–6567, publ. 13946, 27.10.2006 g.
4. *Filatova L.O. Razvitie preemstvennosti shkol'nogo i vuzovskogo obrazovaniya v usloviyax vvedeniya profil'nogo obucheniya v starshem zvene srednej shkoly'*. M.: Laboratoriya bazovy'x znaniy, 2005.

I.A. Vasil'ev

**Education as a Value and Educational Values.
The Opinions of Graduates of MCTTU**

This article present an analysis of the key points of training of qualified pedagogical staff in university. Having chosen a starting point of the results of a particular sociological survey conducted with his personal participation, the author considers the phenomenon as the value of education and educational values and the attitudes towards them of university graduates — the main consumers of educational services.

Data of the article may be of some scientific interest for philosophers and social scientists that specialize in the problems of education of higher institution of learning.

Key words: skills and competence; training of qualified specialists, sociological research, motive for entering university; the choice of specialty, the prestige, status, competitiveness.

И.А. Бирич

Образование и судьба России: обзор проблем в контексте педагогических вузов России

Форум педагогических вузов России «Новый учитель для новой школы: теория, опыт и перспективы модернизации педагогического образования в России» был проведен в МГПУ в ноябре 2011 г. по решению расширенного заседания Бюро Президиума Российской академии образования «Проблемы и перспективы развития педагогического образования в условиях социальных перемен», прошедшем в Санкт-Петербурге в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. Это решение было поддержано ректорами крупнейших педагогических вузов страны, руководством Министерства образования и науки Российской Федерации и Департамента образования города Москвы.

Главной целью форума стало определение стратегии развития педагогического образования, обеспечивающей формирование интеллектуально развитого, нравственно и физически здорового молодого поколения, способного преобразовать Россию.

Форуму предшествовали следующие мероприятия:

- выпуск специального номера «Учительской газеты»;
- проведение видеоконференции между ГБОУ ВПО МГПУ и Новосибирским государственным педагогическим университетом с трансляцией в Интернет на тему «Новый учитель — новой школе!»;
- проведение на базе ГБОУ ВПО МГПУ межвузовской конференции «Философия образования: новые подходы»;
- анкетирование в электронном формате будущих участников Форума по проблемам его тематики;
- выпуск на CD-диске сборника тезисов докладов, присланных участниками форума.

Накануне форума в МГПУ прошла посвященная данной теме видеоконференция, в которой участвовали представители московских школ, сотрудники НИИСО

МГПУ, Института философии образования Новосибирского педагогического университета, в частности, сотрудники известного в России журнала «Философия образования» во главе с его бессменным редактором Н.В. Наливайко. Тон разговора был тревожный. Коллеги из НПУ (многие из них совмещают работу в школах, так что хорошо знают обстановку на местах) прежде всего отметили, что потеря аксиологический аспект развития образования, социологические же исследования школы в принципе не радуют: выпускаем из школы «безликого человека» — он и действует соответственно в обществе. Если еще двадцать лет назад социальный заказ школе выражался в требовании развития личности, то сегодня он выражен в образе успешного бизнесмена, для которого моральные ограничения достаточно условны. В школах остро ощущается социальное расслоение. На селе происходит, по сути, гуманитарная катастрофа. Только в Новосибирской области 15 тысяч сельских школ закрыто. С чем юноши из новосибирских сел придут сначала в городскую школу, а потом в армию?

Коллеги обменялись результатами социологических исследований по поводу престижа учительской профессии. Чтобы получать более или менее сносную зарплату, учитель вынужден брать более одной ставки, одновременно отвечая за учебную и воспитательную работу. Поэтому статус учителя в провинции чрезвычайно низок, даже среди студентов педвузов. В Новосибирском педагогическом вузе почти половина выпускников не готова оказывать «образовательные услуги». В.М. Кондратьев, заведующий лабораторией философии образования НИИСО, предложил свою версию неготовности студента быть учителем в современной школе: его не научили и не учат работать в «эпоху перемен», в которую мы все сейчас живем, — то есть в обществе риска. Завершая видеоконференцию, и москвичи, и новосибирцы согласились с тем, что необходим закон о социальном статусе учителя в государстве; учитель должен стать субъектом правового регулирования образования.

Специально к Форуму был выпущен сборник научных статей «Философия образования: новые подходы» по материалам межвузовской конференции, проходившей в МГПУ в конце 2010 г. по инициативе общеуниверситетской кафедры философии; в лаборатории философии образования НИИСО МГПУ вышли монография ее заведующего, доцента кафедры В.М. Кондратьева «Социальность образования: введение в методологию исследования», словарь по философии образования.

Был проведен круглый стол общеуниверситетской кафедры философии МГПУ на тему «Задачи образования и судьба России».

Открывая круглый стол, заведующий кафедрой профессор **Б.Н. Бессонов** обратил внимание на то, что в образовании должна доминировать гуманистическая составляющая, обеспечивающая смысловые задачи жизни, а не рыночные отношения. Задачи образования не могут сводиться к подготовке успешности молодого человека, его продвижению по службе, они должны быть обращены к абсолютным ценностям, выработанным человечеством и аккумуляли-

рованным в культуре. Только такое образование может привести к гуманизации самого общества. Необходимо изучать историю страны и на этой основе формировать глубокое чувство патриотизма. Важно добиваться установления доверия между преподавателями и учениками, собственным примером способствовать их интеллектуальному и нравственному развитию.

Разговор на круглом столе выявил два направления в общей дискуссии:

1. Анализ современного состояния российского образования

Профессор **В.А. Никитин** в афористичной форме выразил суть современного состояния образования: «Отношение государства к детям — это всегда бумеранг, влияющий на будущую судьбу страны». Многие ссылаются на социологические измерения, мониторинг процессов в образовании, но если социология имеет лишь прикладной характер, то она подвержена и конъюнктуре. Сегодня социология вследствие социального кризиса должна обрести твердую опору в философской методологии, чтобы проводить серьезный анализ и прогноз изучаемых явлений. В противном случае в школу и вузы спускают скороспелые директивы, инновации, которые входят в противоречие с Законом об образовании. Противоречива и проблема принятия стандартов в образовании. Стандарты вовсе не должны утверждать принцип стандартизации обучающего процесса.

Эту позицию поддержала доцент **Н.А. Шлемова**, которая высказала критику в отношении курса философии и других гуманитарных дисциплин для бакалавров в зеленоградском филиале МГПУ. Произошло сильное сокращение часов на эти дисциплины. Это настоящий вызов для профессиональной подготовки педагогов и удар по формированию целостного человека. Сведение в вузах гуманитарного знания к минимуму может стать причиной гуманитарного кризиса. Что касается самого курса философии, то в нем необходимо усилить принцип креативности, выйти за рамки комментариев к истории философии. Необходимо поддержать идеи философии русского космизма, за которыми несомненное будущее.

Профессор **А.Д. Гетманова** обратила внимание на то, что необходимо обязательное введение курса логики, без которого невозможно повышать интеллектуальный уровень учеников, студентов, населения.

На позиции критики стоит и профессор **В.В. Михайлов**. Объективно часы на философию сокращаются, в воспитательный процесс студентов внедряется идеология потребительства. Сегодняшняя модернизация образования усиливает подчиненность человека внешним обстоятельствам. Идея всестороннего развития человека может быть осуществлена только благодаря его всестороннему раскрепощению. Образование сегодня не выполняет эту задачу.

Доцент **С.В. Черненькая** согласилась с тем, что методы, например, школьного обучения совсем не нацелены на развитие личности. Школа теряет гуманистический и просто обучающий потенциал во всех предметах. Процесс этот стихийный, и школа не может самостоятельно, без помощи государства, укрепить гуманистическую составляющую образования и вместе с тем

удержать свой авторитет в глазах учеников и родителей. Вузам, государству и обществу в целом необходимо консолидироваться со школой.

Профессор **О.А. Сергеева** обратила внимание на то, что образование сегодня в России чрезвычайно многолико, оно не является единым для всех слоев населения. Есть образование светское, официальное — по образцу Болонского процесса, есть так называемые вальдорфские школы, религиозные школы (православные, католические, исламские, буддистские), школы с этнокультурным компонентом (без желания интегрироваться в мегаполис) и т.д. Меняется идеология образования; оно все больше превращается в платную услугу. Кого готовим в финале — в конце образовательной цепочки? Уже не творческого человека, но и не культурного потребителя. Многое зависит от родителей: одни учат детей, чтобы потом вывезти их за границу; другие учат, чтобы они сумели выжить в условиях социального кризиса; третьи (и таких совсем немного) учат детей для того, чтобы они смогли самореализоваться. У самой системы образования пока нет четких приоритетов по этому вопросу, хотя декларации, конечно, имеются.

2. Образование как социальный феномен

Доцент **Ю.В. Туйцын**, посмотрев на российское образование как на социальный феномен, увидел, что именно экономическая политика государства привела к унижительной финансовой зависимости образования от доходов населения, к упадку культуры в провинции и к депопуляции народа. Далее, в управлении государством существует сегодня необоснованный оптимизм по поводу того, что Россия выживет в условиях глобализации. Только за этот год на наших глазах был разрушен ряд государств якобы на основании защиты прав человека. Российская интеллигенция разобщена, проявилась ее извращенная форма — чиновничество. Прав профессор В.А. Никитин, сказавший, что социология должна быть концептуальной наукой, а не только статистикой, на которую ссылаются чиновники. Ю.В. Туйцын поделился своими размышлениями о том, что необходимо искать методы передачи прогрессивных идей интеллигенции на уровень общественного сознания, чтобы они могли быть адекватно восприняты населением. Есть определенный диссонанс, нестыковка между этими двумя процессами. Возможно, праксиологический подход поможет в решении данной проблемы.

Доцент **Д.П. Подкосов** предложил эволюционный взгляд на взаимодействие образования и цивилизации. В развитии каждой цивилизации наступает такая эпоха, в которой концентрируются все накопленные народом достижения и идеи — некая «точка сборки», которая сама теперь может влиять на ход истории. Например, для Европы такой «точкой сборки» стала философская система Г. Гегеля, в которой в одной исследовательской парадигме были описаны развитие природы, человека и общества, процессов мышления. Ее финал — вся германская философия как коллективный субъект осмысления европейской истории и образования. Хочешь понять что-то в «европоведении» — начинай с Гегеля. Необходимо такую «точку сборки» найти и для России, в которой была бы собрана вся энергетика идей развития российской цивилизации, чтобы «россие-

ведение» как интегративный образ самобытности данной цивилизации стало главным предметом и в школе, и в вузе.

Профессор **И.А. Бирич** поддержала пафос выступления Д.П. Подкосова. Такой «точкой сборки» в России намечались 60–80 годы XIX столетия, и не только потому, что это было время активных философских дискуссий о судьбе России, но прежде всего потому, что в эти годы рождалась на свет совершенно уникальная образовательная система для народной (то есть массовой) школы, переработавшая и собравшая воедино государственный заказ на образование крестьянских детей в условиях реформы, духовный заказ русской философии на преобразование сознания русского населения, народную культуру и научные идеи педагогической антропологии. Три кита этой системы — К.Д. Ушинский, С.А. Рачинский, Л.Н. Толстой, хорошо изучившие систему начального и среднего образования в Европе, — выдвинули и реализовали русский проект народной школы, основанный на концепциях гуманной педагогики и свободного воспитания. С.А. Рачинский в начале XX века предполагал, что если по этой системе проучатся три поколения граждан, то вся жизнь России проделает качественный скачок в своем развитии без необходимости в революции. Через несколько лет началась Первая мировая война, в России — другая история, опыт народной школы не пригодился. Зато он пригодился в колониальной Индии. Именно опираясь на концепцию свободного воспитания Л.Н. Толстого и поверив в ее духовный потенциал, лидер освободительного движения Индии Махатма Ганди еще в начале XX века выстроил со своими единомышленниками программу народного образования с целью поднятия уровня народного самосознания. Через три поколения, в середине XX века, усилиями всего общества Индия приобрела независимость. Сработали концепция Л. Толстого и концепция Ганди: воспитание как политика и политика как воспитание масс. Вот что значит единое смысловое понимание жизни, в центре которого стоит задача раскрытия духовного потенциала человека!

Профессор **Г.Д. Чесноков** согласился, что состояние умов, цивилизации, образовательных процессов тесно взаимосвязаны. Было античное общество с развитыми наукой и философией, в котором проблемы гармоничного и свободного образования успешно решались. Правда, это не остановило разрушения античной цивилизации, которая сменилась теократией, господствовавшей на всей территории Европы больше тысячелетия. Соответственно изменились цели и задачи образования, которые стали частным делом семей и приобрели церковный, то есть идеологический характер. Все это надолго задержало развитие науки. Задержало, но не отменило. Как только наука созрела, чтобы освободиться от контроля церкви, началась другая эпоха — Новое время, — в которой образование с усилением самостоятельности государств становится не только социальным институтом, но и обретает обязательный научный характер. Но что вы хотите от современного российского образования? В стране кризис, кризис в науке — кризис и в образовании. Советское образование по определению было лучше, так как существовало единое социальное пространство, определенный социальный

заказ образованию, единые требования к его целям и задачам, а не двойные стандарты. Культура и наука в стране имели громадный авторитет.

Профессор **А.Е. Черезов** констатировал, что в точке бифуркации цивилизации, то есть выбора развития находится сейчас весь мир, а не только Россия. Силы разрушения находятся внутри самой системы. Историческая жизнь развивается до определенного уровня социального сообщества (достигается стабильность). Потом начинается фаза деградации, остановка и начало его стагнации. Особую роль в выходе из кризиса играет образование. С его разрушения начинается деградация общества. Поэтому надо обязательно искать новую точку фрактальной «итерации» — новые модели, установки, новую парадигму развития, и тогда можно оптимально пройти точку бифуркации и выйти на новые аттракторы — новые источники ценностных ориентаций. С этой точки зрения надо пересмотреть историю цивилизаций и историю философии. Хаос не всегда отрицателен, он может стать началом новых измерений развития.

Профессор **Е.Ф. Солопов** поддержал предложение А.Е. Черезова о внимательном прочтении истории. Для совершенствования образования, усиления его влияния на общество полезно максимально использовать наследие и даже биографические данные наших великих ученых, писателей, государственных деятелей. Например, недавно в мире отмечался 300-летний юбилей М.В. Ломоносова, который жил и работал в непростое для России время — время ее становления как европейского государства. Какие же идеи он нам завещал для реализации этой цели? Сохранять чистоту русского языка, которая «к просвещению народа много служит». Изучать историю по источникам, а не домыслам, любить историю России. Стремиться к истине, правдивости в преподнесении изучаемого материала. Не жалеть сил на просвещение масс, усилить роль университетов во всей системе образования, крепить связь вузов со школами, колледжами и гимназиями, без них «университет как пашня без семян». Но, главное, образование напрямую воздействует на культуру, здоровый образ жизни населения, его приумножение и благополучие. А ведь и сегодня далеко не все идеи М.В. Ломоносова реализованы.

Доцент **В.М. Кондратьев** подчеркнул, что анализ положения в сфере образования должен основываться прежде всего на знании государственных и региональных документов: Закона РФ «Об образовании», ФГОС, федеральных и региональных программ развития образования. Он отметил, что согласно Программе развития московского образования на 2012–2016 годы правительством Москвы выделены на нее колоссальные деньги — около 1,5 триллиона рублей. А вот как они будут использованы, зависит и от нас, преподавателей образовательных учреждений. Пока же, считает В.М. Кондратьев, уровень социальной активности наших преподавателей весьма низок. Поэтому мы должны начинать с критического анализа собственной учебной и научной деятельности. В таком случае развитие российского образования будет более эффективным и позитивным.

Подытоживая дискуссию, профессор **Б.Н. Бессонов** предложил свою версию прогноза развития российского образования. Оно должно развиваться на основе синтеза европейской рациональности, русской соборности, конфуцианской этики и древнеиндийского благоговения перед жизнью. Образование, базирующееся на таких принципах, поможет развить в людях планетарное сознание, преодолеть разрушительные индивидуалистические интересы, объединить людей прекрасным идеалом мирной, достойной, творчески целеустремленной, свободной и солидарной общей жизни на нашей Земле. Все это уже сегодня накладывает отпечаток на педагогические задачи просвещения.

Вот такой интеллектуальный фон сопровождал работу форума педагогических вузов России, проходившего в МГПУ.

Форум в МГПУ всколыхнул мощные силы педагогической общественности России. В его работе приняли участие 337 человек — руководители Министерства образования и науки РФ, Департамента образования города Москвы, депутаты Государственной Думы РФ, руководители образовательных учреждений высшего, среднего профессионального и общего образования, преподаватели вузов и колледжей, представители издательств, коммерческих организаций, занимающихся разработкой информационных образовательных ресурсов для системы образования, учителя школ.

В целом участники форума представляли образовательные учреждения 37 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Благовещенска, Красноярска, Новокузнецка, Бийска, Омска, Челябинска, Глазова, Ярославля, Ижевска, Армавира, Ставрополя, Самары, Смоленска, Курска, Соликамска, Набережных Челнов и др., а также Белоруссии, Украины и Армении.

Приветствовать форум приехали министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко, президент Российской академии образования Н.Д. Никандров, заместитель председателя комитета Государственной Думы по образованию Г.К. Сафаралиев, министр Правительства Москвы, руководитель Департамента образования г. Москвы И.И. Калина и другие представители государственной службы в области образования. В своих приветствиях каждый обозначил определенную сторону социального заказа со стороны управленческих структур педагогическим вузам: от необходимости версификации и реструктуризации подготовки педагогических кадров, определения стандартов профессиональной компетенции учителя до качественного улучшения воспитательной работы в вузе с будущими учителями.

На пленарном заседании выступили ректор Московского городского педагогического университета В.В. Рябов, ректор Московского городского психолого-педагогического университета В.В. Рубцов, ректор Московского института открытого образования А.Л. Семенов, Президент Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена Г.А. Бордовский (Санкт-Петербург), ректор Самарского государственного университета И.А. Носков, ректор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Л.Ю. Коссович, и.о. ректора Челябинского государственного педагогического университета В.В. Садырин, ректор Ставропольского государственного педагогического института Л.Л. Редько, ректор Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка П.Д. Кухарчик (Минск), проректор Национального педагогического университета им. М. Драгоманова Р.М. Вернидуб (Киев). С докладами на Форуме выступили генеральный директор открытого акционерного общества «Издательство «Просвещение» А.М. Кондаков, депутат Московской городской Думы, председатель комиссии Думы по образованию и молодежной политике В.М. Кругляков и др.

Проблема модернизации образования на форуме была рассмотрена на глобальном, цивилизационном, государственном, региональном, институциональном, индивидуальном уровнях. Были освещены ее важнейшие аспекты: политический, управленческий, экономический, педагогический, культурно-исторический; были сформулированы также вопросы стратегии и тактики модернизации образования, поднят ряд других проблем его развития.

В рамках работы секционных заседаний было заслушано и обсуждено 94 доклада по актуальным вопросам модернизации образования: готовности педагогических вузов воспитать человека, способного справиться с экологическими, демографическими, экономическими, этическими проблемами развития страны в новых исторических условиях; направлений изменения системы образования; содержания учебных дисциплин, инструментов и технологий обучения, методов и приемов воспитания; формирования компетенций выпускника педагогического вуза; модели современного педагогического вуза, его сетевого взаимодействия с учреждениями высшего и среднего профессионального образования, общего и дополнительного образования и др.

Практически каждый выступающий с тревогой заглядывал в завтрашний день российского образования, прекрасно понимая, что требование его модернизации осложняется многими объективными причинами как в центре, так и на местах, а также субъективным непониманием ее целевых установок как многими чиновниками «вверху», так и многими представителями педагогического сообщества «внизу».

Участники форума единодушно констатировали, что важнейшими задачами российского образования являются повышение уровня качества школьного образования, подготовка педагога для новой школы. Стратегическими направлениями модернизации педагогического образования являются развитие сети педагогических вузов вокруг базовых центров подготовки педагогических кадров, обеспечивающей действенную систему повышения квалификации преподавателей, создание и распространение инновационных проектов и технологий в педагогическом сообществе. Одной из ключевых мер, нацеленных на повышение качества образования, является поддержка всех инновационных начинаний в области синтеза и интеграции естественно-научных и социогуманитарных знаний в интересах повышения общих компетенций и

культуры студентов педвузов. Актуальной для российского образования является задача подготовки педагогов для обучения взрослых.

Все это нашло отражение в резолюции форума. В частности, осознавая ответственность, возложенную обществом на институты образования, участники форума приняли решение о необходимости обеспечения определенных мер, направленных на выполнение задач модернизации педагогического образования. В частности, в резолюцию форума были внесены рекомендации:

- Министерству образования и науки РФ разработать концепцию региональных базовых центров подготовки педагогических кадров как системообразующих элементов педагогического образования в регионах страны, обеспечивающих непрерывность педагогического образования, проведение научных исследований по психолого-педагогическим и педагогическим наукам, организацию инновационной деятельности в образовании.

- В целях подготовки педагогов, способных воспитать интеллектуально развитое, нравственно и физически здоровое поколение, педагогическим вузам было рекомендовано:

- включить в перечень дисциплин специализаций в вариативной части основных образовательных программ высшего профессионального педагогического образования дисциплины «Ценностные ориентации молодежи», «Герменевтика детства», «Социальное партнерство в системе образования», «Основы педагогической рефлексии», «Инновации в образовании», учебные курсы по проблемам организации антитабачной, антиалкогольной, антинаркотической профилактической работы в образовательных учреждениях;
- активизировать усилия научно-педагогического сообщества на решении теоретических и практических проблем взаимодействия права и морали, соотношения светских и религиозных ценностей в современных социальных условиях, проблем синтеза и интеграции естественно-научных и социально-гуманитарных знаний в системе подготовки учителей; учредить ежегодный конкурс научных работ молодых ученых «Синтез естественно-научных и гуманитарных знаний в системе педагогического образования».
- Обратить внимание Министерства образования и науки РФ на:
 - необходимость создания при Министерстве образования и науки РФ рабочей группы (эксперты, специалисты и др.) для разработки новой модели сельской школы;
 - необходимость обеспечения условий для профессиональной адаптации выпускников педвузов посредством изменения структуры практики, введения последипломной практической подготовки (педагогической интернатуры) и экзамена на допуск к профессиональной деятельности, совершенствования нормативно-правовой базы, обеспечивающей включение молодого учителя в систему непрерывного образования;
 - актуальность исследований по проблемам создания стандартов профессиональной деятельности и сертификации педагогических работников;

- необходимость разработки регламентов, обеспечивающих деятельность управляющих советов, созданных при образовательных учреждениях, определяющих механизмы взаимодействия органов управления образованием, органов местной власти с управляющими советами, представляющими интересы потребителей образовательных услуг.

Участники форума высказали пожелание, чтобы ГБОУ ВПО МГПУ стал площадкой для российского представительства Европейской ассоциации педагогических вузов, учитывая его членство в этой организации. Главными направлениями деятельности представительства должна быть интеграция творческих гуманистических инноваций региональных образовательных субъектов, проведение гуманитарной экспертизы инноваций в образовании, их распространение и внедрение в практику педагогического образования, развитие и укрепление связей российской высшей педагогической школы с педагогическими вузами Европы. В целях обеспечения работы представительства создать постоянно действующий интернет-форум «Форум педагогических вузов» для обсуждения в педагогической среде проблем образования.

Полный текст резолюции можно прочитать на сайте нашего университета.

РЕЦЕНЗИИ

**В.А. Никитин,
Н.В. Солнцев**

**Рецензия на книгу: Луценко Л.М.
Концепции и социальные функции
информационного общества.
М.: Галлея-Принт, 2010. 265 с.**

За последние два десятилетия существенно возросло количество публикаций, посвященных анализу различных аспектов становления и развития информационного общества. Появились содержательные зарубежные издания, переведенные на русский язык. Несмотря на это, исследование проблем информационного общества еще далеко не исчерпано. Одна из них — вопросы, относящиеся к современным актуальным концепциям и социальным функциям информационного общества, особенно в специфических условиях формирования этого общества в России.

В монографии Л.М. Луценко рассматривается широкий спектр интерпретаций понятия «информационное общество»: от первоначальных его толкований до новейших концепций. Автор разделяет позицию тех исследователей, которые отходят от объяснения сущности информационного общества только как системы инновационных технологий, и показывает, что, ограничиваясь только технологическим описанием информационного общества, невозможно выявить наиболее существенные характеристики этого типа общества и специфические социальные условия его развития.

Анализ современных процессов информатизации начинается в монографии с краткого исторического экскурса. Автор отмечает, что формирование современной теории информационного общества происходило в исторически длительный период. В ее основе, утверждает он, лежат три основных компонента. Во-первых, она представляет собой один из вариантов социально-философского учения об идеальном устройстве общества. Во-вторых, основой формирования математической теории информации выступает учение о едином научном методе и математической логике. И в-третьих, техническим началом реализации информационного общества выступают идеи

создания унифицированного языка и алгоритмизации получения и обработки информации.

Первоначальные взгляды на сущность информационного общества, по мнению Л.М. Луценко, несколько преувеличивали экономические факторы. Они считали, что важнейшим условием превращения традиционного общества в новую систему выступает ее экономическая эффективность. При этом информационная составляющая занимала как бы вспомогательную, а не определяющую роль.

В связи с этим особое внимание читателя автор обращает на проблему соотношения постиндустриального и информационного общества. Как известно, большинство исследователей утверждают, что это — понятия одного порядка для характеристики одного и того же типа общества. Однако, как считает автор, эти понятия не являются синонимами. Так, солидаризируясь с К.К. Колиным, он указывает, что важнейшей характеристикой постиндустриального общества выступает производство услуг, а информационного общества — преимущественно производство информационных услуг. В качестве другого различительного признака рассматривается преимущественная занятость населения. Одним словом, наш автор отходит от распространенного в литературе объяснения сущности информационного общества, когда оно характеризуется только инновационными технологиями. Он справедливо считает, что такое техническое описание информационного общества не может ничего сказать нам о социальных условиях и следствиях этого феномена.

Л.М. Луценко привлекают взгляды немецкого ученого Готтхарда Бехмана, который предлагает свои четыре концепции информационного общества. К ним относятся: информационное общество как информационная экономика; информационное общество как постиндустриальное общество; информационное общество как общество знаний; информационное общество как конец общества массового производства.

Эти концепции выделяют разные аспекты информационного общества, которые трудно отделить друг от друга. Однако все эти подходы содержат в себе признание, что возникающее (или уже возникшее) новое общество приносит изменения в самом ядре современного общества, инициирует новый способ производства: труд и капитал, характерные для промышленного общества, заменяются здесь информацией и знанием как главными ценностями, но, что еще важнее, созданием нового механизма непосредственного применения информации и знания в производственной и сервисной сферах, т.е. фокусируются на процессе постоянного обучения¹.

Однако как бы мы ни относились критически к экономическому фактору, но уйти от него невозможно. Другое дело, как его толковать применительно к информационному обществу. Известно, что одной из основных концепций современного общества является концепция, трактующая информационное общество

¹ См.: Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. С. 107–109.

как информационную экономику. Естественно, материальной основой этой системы является экономика. Это не в традиционном ее смысле, а как экономика, базирующаяся и развивающаяся на информации. Существенными характеристиками общества информационной экономики выступают: наукоемкость, ускоренное развитие общественного хозяйства, эффективное использование знания в сфере производства, новая структура занятости населения, создание информационного ресурса и др. Информация становится важнейшим средством экономического и социального прогресса, происходит интеллектуализация экономики, обогащение ее знаниями всех форм производственных отношений. Интеллектуальная услуга становится условием динамичного развития всех секторов экономики. Информационная технология охватывает всех производителей и потребителей, создавая среди них сильную конкуренцию.

Развитие информационной экономики быстро приобретает планетарный характер. Ее мировыми центрами становятся США, Япония и Западная Европа. Таким образом, национальные проблемы общества информационной экономики самым тесным образом зависят от состояния дел в мире, т.е. глобализации.

В монографии в достаточной степени дается полное раскрытие сущности и особенностей современного типа глобализации. Автор исходит из понимания ее как политического и экономического процессов формирования единой мировой надгосударственной структуры с целью ускорения процессов циркуляции идей, капиталов, техники и товаров. Процессы глобализации служат источником модернизации всей социальной и культурной деятельности человечества. Одним из ее последствий видится переход к единому мировому сообществу, основанному на общей лингвистической культуре.

Л.М. Луценко подчеркивает, что становление и развитие информационного общества — закономерный и объективный процесс, обусловленный всем предшествующим ходом развития цивилизации. Современное развитие общества напрямую связано с формированием информационных и мультимедийных технологий, успехи которых в преобразовании социального развития общества несомненны. В результате информационное общество существенным образом изменяет все формы и содержание человеческой деятельности: в социальной сфере оно приводит к изменениям качества жизни; в экономической области оно превращает информацию в основной товарный ресурс; в политической сфере — способствует становлению современного типа плюрализма и демократии; в сфере культуры — приводит к формированию новых ценностей и норм общества.

Имеющиеся работы по информационному обществу, уделяя большое внимание исследованию его экономических, политических, глобальных аспектов, чрезвычайно мало анализируют другие, не менее важные, проблемы нового общества, например, культуры. Монография Л.М. Луценко существенно восполняет этот пробел. Конечно, не столько в аспекте понимания ее содержания (об этом написано предостаточно), а, главным образом, в смысле уяснения ее новой, особой роли в современном обществе. В этом свете автор обратил внимание читателя на проблемы взаимодействия различных компонентов культуры с проблемами

развития информационного общества, в частности, на специфику влияния друг на друга трех составляющих: культуры, общества и власти. Взаимодействие этой триады характеризует существенные стороны информационного общества. Более того, оно инициирует возникновение новых философских направлений. К ним, в частности, относятся: исследование властных функций науки как формы культуры; превращение культуры в основополагающий ресурс воспроизводства и трансформации информационного общества; возможности становления общества, основанного на знаниях; рационализация жизненного (повседневного) мира с помощью творчества новых культурных форм; реализация потенциальных коммуникативных возможностей культуры и др.

Положительно, на наш взгляд, что автор наряду с позитивными моментами влияния информатизации на культурные процессы увидел их отрицательные, негативные последствия. Он считает, что предметом особого осмысления становится вопрос о том, что несут с собой перемены, связанные с чрезвычайным ростом информации и усложнением коммуникаций. Это может означать или усиление контроля над гражданами, ограничение их свободы, или становление общества, в котором увеличение роли теоретического знания как знания абстрактного, обобщаемого и кодифицированного, в сравнении с информационными технологиями, приведет к появлению высокообразованного слоя профессионалов. При всем оптимизме нельзя не заметить, что сегодня на повестке дня стоят те негативные последствия, которые несет процесс бурного развития информационно-коммуникационных технологий как на уровне общества, так и в отношении личности. Наибольшее беспокойство вызывают: растущее неравенство и преступность в обществе; коррупция на всех уровнях; угрозы общественной нравственности; ксенофобия и расовая нетерпимость; распространение терроризма на глобальном и национальном уровнях и т.д.

Информационное общество создает не только новые формы материального бытия, но и формирует как новую культуру, так и нового человека. Человек информационного общества — это человек с новым мировоззрением, с новой психологией и нормами поведения, это — человек мобильный. Специальная глава монографии посвящена анализу свободы и ответственности личности в условиях информационного общества. Новые характеристики человека информационного общества, как считает автор, неизбежно приведут к торжеству космополитизма, к угасанию патриотических чувств, к созданию такого сообщества людей, для которых национальные и географические границы останутся в прошлом.

Важное место в контексте всего монографического исследования занимает авторский взгляд на становление информационного общества в России. Он отводит рассмотрению этой темы целую главу «Философия социальных переходов». Он начинает с констатации того объективного факта, что формирование информационного общества в России совпало с коренными преобразованиями во всех областях жизни общества. Проблемы информатизации приходится решать в условиях и тесной связи с законами переходного периода. Осмысление сущности информационного общества, познание его базовых

характеристик и объективных тенденций его развития необходимо предполагает ясную и твердую рациональную опору на общие и всеобщие принципы и законы переходных систем. Они, эти принципы и законы, являются для нас надежным методологическим руководством в решении теоретических и практических вопросов информационного общества.

Подробно анализируя ситуацию в стране, Л.М. Луценко делает вывод, что Россия в очередной раз переживает так называемый переходный период. Идет интенсивный поиск модели общественного устройства. Он считает, что сегодняшнее общество нетипично. Его нельзя отнести ни к одной известной социально-экономической форме. Оно не является ни моделью Запада, ни моделью Востока. В нем, как в зеркале, отражаются как наши исторические и национальные особенности, так и то новое, что принесли реформы.

Как видим, построение информационного общества в России характеризуется рядом специфических явлений, не свойственных другим развитым странам. И эта специфика, считает Л.М. Луценко, главным образом связана с переходным периодом.

Социально-философский анализ актуальных проблем информатизации в нашей стране автор завершает рассмотрением некоторых наиболее значимых для современности направлений модернизации, которые представлены как органическая часть процесса информатизации. Л.М. Луценко напоминает о недостатках и ошибках предыдущих попыток модернизации и считает, что нынешняя российская модернизация должна отличаться от всех предыдущих тем, что в ней не должно быть проигравших. Она не может проводиться за счет одних социальных групп в пользу других, как, к примеру, индустриальная модернизация межвоенного времени, осуществленная за счет крестьянства. Сейчас ресурсов такого рода у государства просто нет, да и цели модернизации совершенно иные.

Более того, именно в этой сфере наиболее явно ощущается бесперспективность идеи «сырьевой империи» — страны, которая может занимать сколь-нибудь достойную позицию в мировом разделении труда лишь благодаря природным, а не человеческим, ресурсам. Очевидно, что эти задачи могут быть решены только при участии государства. Для реализации политики модернизации, по мнению президента России, необходимы, в частности, смена бюджетной политики, переориентация бюджета на реализацию конкретных программ, повышение инвестиционной активности, привлечение частных инвестиций.

В монографии подчеркивается роль и значение в модернизации и другой, не менее важной стороны, а именно человеческого фактора. Речь идет о формировании активных социальных групп, мотивированных к модернизации, которые будут создавать необходимый социально-психологический климат в обществе. К сожалению, сегодня в России такой целостной социальной масштабной группы не усматривается, и модернизация производится, в большинстве случаев, бюрократическими усилиями.

Основными социальными группами, заинтересованными в модернизации, могут быть инженеры и ученые, бизнесмены и иностранные специалисты.

Необходимы крупные социальные группы, которые увидят в модернизации свой непосредственный имущественный интерес. При этом необходимо помнить, что при сохранении социальной несправедливости в нашем обществе вряд ли государству удастся создать атмосферу единения и энтузиазма, гласности, диалога в широких слоях населения для реализации модернизации.

Общие вопросы модернизации автор удачно, на мой взгляд, переложил на конкретную практическую плоскость, на проблемы, которые автору близки профессионально, а именно на проблемы обеспечения безопасности и качественного хранения продовольственных ресурсов страны.

Но в целом добротная работа не лишена, к сожалению, и некоторых досадных погрешностей. В частности, рассматривая различные, подчас противоречивые теории информационного общества, автор неопределенно, нечетко выражает свое отношение к какому-либо конкретному учению. Второе замечание заключается в том, что работы отечественных специалистов по теме исследования анализируются в содержании монографии очень скупо. И все же эти упущения не влияют на общее высокое качество монографии и легко могут быть устранены автором при дальнейшей работе.

Подводя итоги, следует сказать, что в монографии на высоком теоретическом и методологическом уровне обстоятельно проанализированы и аргументировано раскрыты основные концепции и социальные функции информационного общества. Книга написана на основе творческого изучения и критического анализа наиболее известных источников, официальных документов, статистического и справочного материала. Можно не сомневаться, что она будет оценена по достоинству всеми, кто интересуется проблемами информационного общества.

С.В. Черненькая

Рецензия на книгу: Философская антропология: Человек многомерный: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.А. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 351 с.

В 2010 году вышли в свет два учебника для вузов по философской антропологии: 2-е издание учебного пособия доктора философских наук, заведующего отделом философской антропологии Института философии РАН П.С. Гуревича (1-е издание 1997 г.) и коллективная монография под редакцией доктора философских наук, профессора Института повышения квалификации МГУ С.А. Лебедева, являющаяся второй частью учебника «Философская антропология», выпущенного под его же редакцией в издательстве «Академический проект» в 2005 году.

Проблема человека является одной из центральных тем философии со времен софистов. В целом всякая философская система, рассматривая практическое, познавательное, ценностное отношение человека к миру, исходит из определенной концепции человека. Наметившийся в новоевропейской философии субъектоцентрический сдвиг привел к существенным изменениям в понимании значения и роли человека. Эти изменения позволили расширить сферу анализа человеческой деятельности: познавательной, практической, творческой, что, наряду с антропологическими исследованиями первой половины XX века, положило начало выделению философской антропологии в рамках западноевропейской философии в самостоятельную дисциплину. Позитивистская философия, направленная на объекты, не принимала во внимание экзистенциальный опыт человека. Экзистенциальная, герменевтическая, феноменологическая традиции, напротив, ставят вопрос об особом виде опыта и познания — опыте существования человека, сквозь призму которого рассматриваются традиционные проблемы и задачи философии. Положение человека в мире и значимость специфического опыта решения фундаментальных проблем его существования: отношение к смерти, причастности миру, преодоления одиночества, оказывает существенное влияние на личность и ее деятельность, в том числе познавательную. Интерес к философской антропологии в отечественной философии реализуется в создании в 80-е годы XX века Института человека, который возглавил доктор философских наук, академик И.Т. Фролов. В 2000 году издается философско-энциклопедический словарь «Человек» под общей редакцией академика И.Т. Фролова (М.: Наука, 2000), позже

— «Человек. Наука. Гуманизм. К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова» (М.: Наука, 2009), ряд учебников по философской антропологии для гуманитарных вузов.

Учебник П.С. Гуревича представляет собой академически выверенное издание, отвечающее требованиям стандарта для высшего профессионального образования по данной дисциплине. В первом разделе «Человек как объект социально-философского анализа» рассматривается история становления понятийного аппарата философской антропологии, развитие проблематики и типы антропологических учений (от Сократа до Э. Фромма, от мистических откровений древности до неопрейдизма и гуманизма). К модусам человеческого существования автор относит гедонизм, агрессию, одухотворенность, страсти. Собственно проблемам человека посвящен второй раздел «Человеческие экзистенциалы», в котором автор выделяет многомерность человеческой личности сквозь призму осознания ею своих фундаментальных переживаний — «экзистенциалов»: любви, страдания, постижения смысла жизни, смерти, страха. По концепции П.С. Гуревича, жизнь требует от человека мужества жить.

В учебном пособии «Философская антропология», созданном коллективом авторов под руководством С.А. Лебедева, человек рассматривается в контексте целостности мироздания, «многоуровневость» которого задает «многоуровневость человека».

В книге 13 глав. Первые три определяют концепцию учебника, методологические основания философской антропологии. В первой главе «Онтология человека» (автор — доктор философских наук С.А. Лебедев) предлагается модель природы человека, которая конкретизируется в главах «Человек в картине мира» и «Человек как субъект культуры» (автор — доктор философских наук И.А. Бирич). В них раскрывается философско-антропологическая сущность современной картины мира, многоуровневая и целостная природа человека рассматриваются в своем неразрывном единстве. Дается понимание жизни как явления синергетического и «эквифинального», объясняются информационная природа эволюции, взаимосвязь антропного принципа Вселенной и антропогенеза на Земле, показана связь тройственной структуры Бытия (вещество – энергия – информация) и человеческой природы, необходимость их гармонизации и коэволюции. Проблема развития сознания человека понимается в контексте не только развития общества, но и нового взгляда на природу его генома, когда созидательные способности человека становятся проводниками эволюции. По мнению авторов, такой взгляд на природу и сущность человека, вписанность его в картину мира и истории задает бытийный масштаб его измерения, космичность подобного подхода, который впервые был заявлен в трудах русских космистов.

В данном контексте задача человечества как субъекта всемирной истории высвечивается через его включение в культурный процесс, или филогенез — становление человеческого рода. История культуры авторами данных глав является как процесс постепенного раскрытия универсальных сил человека, его сознания и способностей к преобразованию мира: от форм коллективного

бессознательного архаичных обществ до соборности, объединяющей в созидательном напряжении планеты уникальные творческие индивидуальности. Модель культурогенеза дается в образе «дерева», а также отражение его в становлении индивидуальности (в онтогенезе). Таким образом, раскрывается понятие культурной антропологии, которое из XXI века подтверждает оригинальность культурно-исторического направления в психологии, открытого в 30-е годы XX столетия отечественным ученым Л.С. Выготским.

Заявленная С.А. Лебедевым и И.А. Бирич концепция многомерности человека стала той отправной точкой, что позволила структурировать материал учебника, выстроить логику глав и провести анализ и оценку исследуемых в них проблем человека. Человек в данном учебном пособии раскрывается прежде всего как деятельностьное существо, осознающее себя активным элементом мироздания.

Глава «Человек обучающийся» (автор — член-корреспондент РАО, доктор философских наук М.А. Лукацкий), посвященная истории формирования понятия «человек образованный» — от Античности до Нового времени, выявляет противоречия современных концепций образования, рассыпавшегося в XX веке на несовместимые друг с другом модели обучения и воспитания. Выделив позитивистский, прагматический, гуманитарный и герменевтический подходы (в рамках данных дискуссий родилась новая дисциплина «философия образования»), автор пишет, что философия конца XX века, констатируя «дрейф» человечества из «Галактики Гуттенберга» в направлении «Галактики Интернет», поставило проблему «исчезновения» универсальной сущности человека.

В главе «Человек политический» (автор — доктор политических наук В.М. Капицын) раскрывается сущность и предназначение политики в формировании личности человека. В главе дается понятие «антропологии государственной власти» через осознание человеком своей включенности (или исключенности) в «сети доверия» к публичной политике по шкале «индивидуальное – коллективное (корпоративное) – общественно-государственное – глобальное (международное)», показывается стратегия реализации глубинных интересов человека к власти, с одной стороны, и охраны и защиты прав человека в публичной политике, с другой.

В главе «Человек в юридической антропологии» (автор — доктор юридических наук И.А. Исаев) впервые вводится в философский оборот данное понятие, необходимость которого объясняется тем, что закон встречает человека в самый момент его рождения и сопровождает его всю жизнь до самой смерти. Договор и кара (наказание) составляют две главные составляющие закона, следовательно, право, по мнению автора, рождается из духа трагического. Кант и Гегель рассматривали вину и наказание как форму права человека на свободу поступка и на необходимость ответственности за него. Так, проблема свободы переводится из экзистенциального измерения в социальное, раскрываются трудности правового сознания человека, тесно связанного с его духовным потенциалом и нравственной силой.

В главах «Человек экзистенциальный» и «Человек массовый» (автор — доктор философских наук В.Д. Губин) рассматривается проблема свободы, которая по-разному определяется в обоих случаях. Если массовость есть естественное состояние людей и в нем особенность личности растворяется («чувство рода»), то проблема человеческого существования в экзистенциализме зиждется на принципиальном одиночестве человека среди себе подобных. Массовый человек ведом лидером, традицией, свободный человек — своей ответственностью перед самим собой как сущностью того же рода.

Глава «Человек духовный» (автор — доктор философских наук Е.Н. Некрасова) показывает различие между понятиями «дух» и «разум», многомерность сознания человека, его продвижение к «сверхсознанию» — за границу своих расудочных возможностей. Что там — в пространстве озарения? Великая мудрость или... безумие? Реакция на это состояние определяет, как утверждает автор, границу между «телесным» человеком и человеком духовным.

Глава «Человек религиозный» (автор — кандидат философских наук И.И. Ершова) интересна тем, что поднимает проблемы религиозной антропологии. Дается понятие религии как одного из проявлений человеческой сущности, ее глубины и тяги к трансцендентному. При тесной взаимосвязи человека, общества и религиозного культа, универсальности функций религии в разных культурах, проблема человека в различных религиях не только ставится по-своему в теоретическом плане, но и реализуется в качестве самобытной сути той или иной культуры. На сегодняшний день данная проблема, благодаря процессам глобализации в мире, приобрела особое звучание. Человек поставлен перед выбором: или отказаться от своих трансцендентных переживаний в пользу унифицированных требований к гражданину мира, или признать правомерность ограничения своей региональной формы культуры и закрепленных в ней смыслов бытия. Решать эту проблему приходится каждому человеку индивидуально.

В главах «Человек моральный» (автор — кандидат философских наук В.А. Рубочкин) и «Человек эстетический» (автор — доктор философских наук О.А. Кривцун) природа человека раскрывается сквозь призму аксиологического подхода, оценку его деятельностного отношения к миру, реализующего представления о добре и красоте. Показаны место нравственности в духовном мире человека в современную эпоху, определено искусство как дело универсального человека, его специфика, принципы эстетического и художественного творчества, противоречия красоты и эстетизма, выявляющие глубинные отношения человека к добру и злу.

Заключает учебник глава «Человек любящий» (автор — доктор философских наук В.Ф. Шаповалов), утверждающая любовь как сущностное проявление человеческого бытия. Определяя данную категорию, автор выделяет любовь-эрос, любовь-дружбу, любовь к истине, любовь к родине и роду, любовь как определяющую категорию христианского мировосприятия.

Учебное пособие «Философская антропология», выпущенное под редакцией С.А. Лебедева, несет в себе проблематику, открытую для обсуждения,

стимулирующую мышление. Авторы пособия показывают, как современная философия стремится к синтетическому знанию о бытии и человеке. Особенно важно, что авторы предложенной в учебном пособии концепции человека придерживаются холистического подхода. Однако в числе моментов, вызывающих некоторое непонимание, мне хочется отметить следующее. Авторы утверждают целостность бытия и сущности человека, не выявляя принцип (или принципы), обеспечивающий эту целостность, что, безусловно, помогло бы слушателям курса в успешном освоении предмета философской антропологии. За пределами исследования остались концепции человека, разработанные в философии Древнего Востока (Древняя Индия, Древний Китай), для которой исторически принцип целостности являлся приоритетным.

Следует отметить, что компаративистские исследования западных и восточных культур с середины XX века достаточно плодотворно осуществляются как в антропологии, так и в философии. Подходы к построению курса могут быть разные, но, на мой взгляд, введение в учебный курс традиционных для философии подходов к проблеме человека, разработанных в рамках русской религиозной философии, марксистской и др., будет плодотворно.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2012, № 1 (5)**

Анкудинова Полина Михайловна — соискатель кафедры философии ГБОУ ВПО МГПУ.

Бессонов Борис Николаевич — заведующий общеуниверситетской кафедрой философии МГПУ, профессор.

Бирич Инна Алексеевна — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Васильев Игорь Аркадьевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории мониторинговых исследований в области образования НИИСО МГПУ.

Геворкян Елена Николаевна — проректор по научной работе ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО.

Иванюшкин Александр Яковлевич — кандидат медицинских наук, доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Коломийцев Валентин Федорович — доктор исторических наук, профессор общеуниверситетской кафедры социологии, политологии, экономики МГПУ.

Летов Олег Владимирович — старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат философских наук, доцент.

Мекка Олег Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Муромского института (филиал) ГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».

Никитин Владислав Алексеевич — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Скородумова Ольга Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Российского государственного социального университета.

Солнцев Николай Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии РГСУ.

Солопов Евгений Фролович — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Тысячина Анна Дмитриевна — аспирантка общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Чёрненко Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Чеснокова Милена Григорьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

«МСТТУ Vestnik» / Authors,
series «Philosophical Sciences», 2012, № 1 (5)

Ankudinova Polina Mihajlovna — Post-graduate of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Bessonov Boris Nikolaevich — Doctor of Philosophy, full professor, head of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Birich Inna Alekseevna — Doctor of Philosophy, full professor of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Vasil'ev Igor' Arkad'evich — PhD in philosophy, docent, chief researcher fellow of laboratory of monitoring studies in Education of Scientific Research Institute of Moscow City Education of MCTTU.

Gevorkyan Elena Nikolaevna — Doctor of Economics, full professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, pro-rector for Science and Research of MCTTU, head of the all-university department of Sociology, Political Science and Economics of the Institute of Humanities of MCTTU.

Ivanyushkin Aleksandr Yakovlevich — Candidate of Medical Science, Doctor of Philosophy full professor of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Kolomiicev Valentin Fedorovich — Doctor of History, full professor of the all-university department of Sociology, Political Science and Economics of the Institute of Humanities of MCTTU.

Letov Oleg Vladimirovich — Senior Research Fellow of the Institute of Scientific Information on Social Sciences, PhD in Philosophy, docent.

Mekka Oleg Alekseevich — Ph.D. in Philosophy, docent of philosophy department of Murom Institute (branch) of GBOU VPO «Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorevich Stoletovs».

Nikitin Vladislav Alekseevich — Doctor of Philosophy, full professor of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Skorodumova Ol'ga Borisovna — Doctor of Philosophy, full professor of Department of Social Philosophy of Russian State Social University.

Solncev Nikolai Vasil'evich — Doctor of Philosophy, full professor of Department of Philosophy of Russian State Social University.

Solopov Evgenii Frolovich — Doctor of Philosophy, full professor of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Tsyachina Anna Dmitrievna — post-graduate of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Chernen'kaya Svetlana Vasil'evna — Ph.D. in Philosophy, docent of the all-university Department of Philosophy of MCTTU.

Chesnokova Milena Grigor'evna — Ph.D. in Psychology, senior research fellow of the of Department of General Psychology of Psychology Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University.

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ», серия «Философские науки» обращаться к составителю, заместителю главного редактора *Бирич Инне Алексеев-не*. Телефон редакции (499) 181-66-29. E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
№ 1 (5), 2012

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор ***Б.Н. Бессонов***

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Техническое редактирование и компьютерная верстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 15.05.2012 г. Формат 70×108 1/16.

Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.